

ВЛАДИМИР БАРАНОВ

ПОВЕСТЬ О ПЕРЕЖИТОМ

Минск

2017

*Светлой памяти родных и близких
посвящаю; памяти детей, оказавшихся в
приютах во время Великой
Отечественной войны; а также памяти
детей, угнанных в Германию и всех тех,
кто проявлял к ним в эти страшные
годы любовь и сострадание.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	4
ЧАСТЬ 1. РАСТОПТАННОЕ ДЕТСТВО.....	8
ГЛАВА 1.....	8
ГЛАВА 2.....	26
ГЛАВА 3.....	36
ГЛАВА 4.....	47
ГЛАВА 5.....	57
ГЛАВА 6.....	67
ГЛАВА 7.....	92
ГЛАВА 8.....	100
ГЛАВА 9.....	110
ГЛАВА 10.....	121
ГЛАВА 11.....	128
ПОСЛЕСЛОВИЕ К ЧАСТИ 1.....	134
ИЛЛЮСТРАЦИИ К ЧАСТИ 1.....	136
ЧАСТЬ 2. ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ВОЙНЫ.....	137
ГЛАВА 13.....	137
ГЛАВА 14.....	146
ГЛАВА 15.....	153
ГЛАВА 16.....	160
ИЛЛЮСТРАЦИИ К ЧАСТИ 2.....	171
ПОСЛЕСЛОВИЕ.....	175
ПРИЛОЖЕНИЕ 1.....	177
ПРИЛОЖЕНИЕ 2.....	178

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Все люди помнить, знать должны,
О том, что в детстве было в дни войны!
О том, как с голоду детишки опухали,
И в детдомах и лагерях безмолвно
умирали!*

Мне уже перевалило за семь десятков. Несколько лет на пенсии. В таком возрасте пора подводить итоги, но юбилея для этого ждать необязательно. Память слабеет, а осмысление дел прошедшего дня, в какой-то мере, организует и тренируют угасающую память. Анализ прошедшего дня и прошедшего времени должен быть, поскольку сложно двигаться вперед, не имея ясности о том, что и как тобою было пройдено. Это – закон жизни.

Среди тех, кто испил чашу войны, полную страданий, побоев, унижений, голода и тоски по родителям, были дети, которые находились в лагерях и детских домах на оккупированной противником территории.

Эти дети совершили свой подвиг уже тем, что выжили в нечеловеческих условиях того страшного времени. Многие из них погибли от болезней, издевательств и стрессовых ситуаций. Их родители умирали на фронтах и за линией фронта. Многие из детей войны навсегда были лишены родительской любви, ласки и заботы. Для этого поколения война и послевоенный период стали временем становления и формирования их как личностей. Мотивационные установки сказались на судьбах детей. К сожалению, не всегда они были положительными.

Эта повесть – о детстве, о прошлом, о том, что мне довелось увидеть и пережить во время Великой отечественной войны. Потребность рассказать

об этом зрела во мне и была внутри меня всё последнее десятилетие, а, может быть, и более длительный срок.

Я должен донести до детей, до внуков, а, возможно, если даст Господь, и до правнуков всё то, чему пришлось мне быть свидетелем в тяжёлые годы войны. Со временем это стало идеей фикс. В этих записках я попытаюсь извлечь из недр далёкого прошлого события более чем полувековой давности. Единственным, но не всегда надёжным источником в этих нелёгких и мучительных воспоминаниях, по многим причинам, является память, которая, увы, недолговечна. И, к сожалению, со временем она становится все менее надёжной, и подобно старой, заигранной, не единожды склеенной магнитофонной ленте, неизменно дает сбои и пропуски. Тяжёлые же воспоминания о прошлом, сохранившиеся в памяти, не дают мне покоя, не оставляют по сей день и требуют выражения.

Несовершенство памяти, на которую сегодня можно опереться, тревожит меня. Множество мелких, но характерных эпизодов безвозвратно забыто. Писать приходится по прошествии более чем полувека. Утрачено почти бесследно многое в пережитом и, самое главное, в последовательности ощущений. Человек лучше запоминает хорошее, доброе и легче забывает такие моменты, которые являлись причиной страданий. Хотя общая картина в памяти остаётся. Тяжкие воспоминания угнетают, а искусство жить, если таковое имеется, по существу, есть искусство забывать. Жить с тяжёлым грузом прошлого очень нелегко.

Конечно, ни о каких записях в детстве не могло быть и речи. Для ведения дневника не было абсолютно никаких условий, да и не испытывал я в этом никакой надобности. Задача на тот момент была только одна, и имела, на первый взгляд, простую цель – выжить, во что бы то ни стало. Но вот достижение поставленной цели оказалось делом весьма не

простым. Тяжкая голодная повседневность, хронический стресс, многочисленные отрицательные эмоции – все это в комплексе угнетало неокрепший детский организм и интеллект, и, наоборот, спонтанно развивало то плохое, что было приобретено или заложено в индивидууме. Память, конечно, не воспроизведёт всего того, что было пережито. Воспоминания же являются попыткой возврата в прошлое, но этот процесс бывает весьма сложным и порой болезненным. По крайней мере для меня это так. И тогда, помимо воли, часто включается защитный механизм, который просто блокирует отрицательные события, находящиеся в памяти, а в дальнейшем постепенно убирает из памяти то, что негативно воздействовало на неокрепшую психику ребёнка и оказывало отрицательное влияние на его личность. В памяти остаётся лишь общая картина.

Наиболее характерный случай произошёл со мной в начале 1945 г., когда я волею судьбы провёл почти две недели в трюме сухогруза, «путешествуя» из Данцига в Киль. В течение этого времени «пищей» для нас служила, если можно так сказать, только вода из котла, так называемого «титана». Этот период времени не оставил в моей памяти воспоминаний, кроме холода и голода. Продолжая эту тему, могу добавить, что из памяти моей исчезли подробности проживания в лагере, куда нас поместили после прибытия в Киль. Помню только то, что в лагерь мы прибыли в этот же день. Через короткое время, неделю или две, нас отправили дальше. Холод, голод, сопровождавший наш переезд, воздействовал на меня таким образом, что из памяти исчезли подробности этого «путешествия». И это не единственный эпизод такого характера, произошедший в моей жизни.

Года три или четыре тому назад, во время телефонного разговора с моим товарищем, Александром Лабко, с которым мы вместе прибыли в

Киль, тот спросил у меня, помню ли я, как назывался лагерь нашего кратковременного (7 – 14 дней) пребывания. После моего отрицательного ответа, товарищ сказал мне, что это был Берген-Бельзен. Страшный лагерь. Я писал туда, но подтверждения не получил.

Каждый уходящий год неизбежно закрывает какую-то частичку памяти, затеняет впечатления и события прошлого. И это – в порядке вещей, ведь многим из нас уже по восемьдесят лет, а то и больше.

У каждого из нас, детей, прошедших через горнило войны, потерявших родных и близких и оказавшихся в тяжелейших ситуациях, была в жизни своя история и своя трагедия. У каждого из нас своя боль, которая не отпускает нас и не освободит до последнего дня бытия на этой Земле, а пепел от перегоревшего, по выражению известного датского классика, пока мы живы, «будет стучать в наших сердцах».

Возможно, в процессе воспоминаний я могу ошибиться во времени или месте, когда в моей жизни происходили те или иные события, но не в сути самих событий. Все то, что мне пришлось увидеть и пережить, чему пришлось оказаться свидетелем, всё то страшное время останется со мною до конца моих дней. И тяжесть пережитого всегда будет присутствовать во мне мрачной страницей в жизни.

Человеку, пишущему о себе, характерно приукрашивать события минувших дней. В своём свидетельстве я постараюсь избегать этого.

ЧАСТЬ 1. РАСТОПТАННОЕ ДЕТСТВО

ГЛАВА 1

Родился я в 1930 году в городе Минске. До начала войны семья наша проживала в центре города по улице Урицкого, в доме №19. Отец мой, Степан Баранов, работал в Борисове на лесокомбинате, который назывался «Фандок». Его положение позволяло ему, по меньшей мере, один раз в неделю, чаще по выходным, бывать дома. Моя мама, Лина Баранова (в девичестве – Тарасик), растившая меня с пелёнок, работала заведующей детским садом, находившимся на углу улиц Володарского и Карла Маркса, недалеко от дома, где мы жили. С нами проживала сводная шестилетняя сестрёнка Нелли.

Улица Урицкого начиналась от улицы Карла Маркса и проходила параллельно улице Володарского, далее пересекала Советскую улицу (ныне проспект Независимости) и упиралась в улицу Интернациональную. Бывшая улица Урицкого сегодня называется Городской Вал.

Нашим детским ареалом обитания был отрезок улицы, располагавшийся между улицами Советской и Карла Маркса. За забором нашего двора располагался большой гараж НКВД¹ – один из крупнейших гаражей довоенного Минска.

Мы занимали приличную по тем временам двухкомнатную квартиру на втором этаже кирпичного дома.

22 июня 1941 года был выходной день. Этот день запомнился мне на всю жизнь.

Всё в то воскресное утро было прекрасно. Стояла великолепная погода. На небе не было ни облачка. Начинался тёплый летний день.

¹ Народный комиссариат внутренних дел

Ничто не предвещало внезапного наступления страшной трагедии, которая буквально растоптала не только моё детство, но и жизни многих миллионов людей.

Девочки на асфальте тротуара безмятежно играли в классики, прыгали через веревочку и скакалки. Мальчишки самозабвенно гоняли футбольный мяч.

Для детей, живших в окрестных двух- и трёхэтажных домах и не выехавших в пионерские лагеря, школой района была организована пионерская дружина – дворовой пионерский лагерь. В тот день мы взяли билеты для коллективного похода на утренний сеанс в кинотеатр «Детский», где демонстрировался новый художественный фильм «Танкер „Дербент“». Во второй половине дня был намечен поход на Комсомольское озеро по случаю его открытия, которое должно было состояться как раз 22 июня.

В то воскресное утро коллектив дворового пионерского лагеря под руководством старшей пионервожатой уже собрался выходить. Буквально на выходе со двора соседка окликнула меня и сказала срочно идти домой. Дома я застал мать в слезах. Она обняла меня и срывающимся сквозь слёзы голосом сказала: «Случилось ужасное, началась война».

По радиорепродуктору выступал В. Молотов и говорил о том, что без объявления войны немцы напали на нашу страну. Бомбовым ударам подверглись некоторые города.

Дата этого дня стала знаковой. Наша жизнь раскололась на две части: до и после войны.

Я, будучи ребёнком, пытался успокоить мать, и стал говорить, что красноармейцы дадут отпор фашистам, и воевать с ними наши воины

будут на чужой стороне. В ответ мать, качая головой и молча утирая слезы, прижимала меня к себе.

А из репродуктора, как бы в подтверждение моих слов, бодро звучала песня:

*Если завтра война – всколыхнётся страна
От Кронштадта до Владивостока.
Всколыхнётся страна, велика и сильна,
И врага разобьём мы жестоко.*

И далее – припев:

*На земле в небесах и на море,
Наш ответ и могуч и суров,
Если завтра война, если завтра в поход,
Мы сегодня к походу готовы.*

Но, к сожалению, это осталось только призывом, только патриотической песней. Действительность же для нас оказалась иной: жестокой, суровой и страшной.

Весь оставшийся день было очень тревожно. Передавали, что бомбёжке подвергнулся Киев. После полудня меня попросили сходить за хлебом. Придя к магазину, я увидел очередь, стоящую в ожидании подвоза хлеба. Через некоторое время хлеб подвезли, и стали продавать по булке хлеба в одни руки. Все говорили о начале войны с фашистами. Придя домой, я услышал всё те же разговоры о начале войны.

На углу противоположной стороны нашей улицы размещалась лавка по продаже керосина. Там также образовалась длинная очередь.

Мама была мудрой женщиной. В этот же день из клеёнки она сшила мне и сестрёнке прямоугольные сумочки, куда вложила документы каждого из нас и велела, чтобы мы без её разрешения не снимали их с шеи.

Повторюсь, день был очень тревожным. Все говорили только о войне. Но в Минске никаких воздушных налётов в тот день не было.

Ночь с 22 на 23 июня была спокойной. С утра меня послали за хлебом. Очередь в магазине была уже длиннее, чем накануне. Но хлеб в булочную уже не завозили. Характерным признаком войны стал повышенный спрос на соль и спички.

Утром 23 июня нам позвонил отец (телефон был в соседней квартире) и сказал, что, возможно, вместе с предприятием уедет в Кыштым, но также не исключена вероятность ухода в армию.

«А вы, – добавил он, – должны выбираться из города, и чем, скорее, тем лучше». Обо всем мы не успели поговорить, связь оборвалась.

Спустя короткое время завывли тревожные сирены, извещая о приближении немецких самолетов.

В нашем доме было небольшое подвальное помещение (скорее, его можно было назвать погребом) площадью 6 – 8 м², куда по сигналу тревоги мы спустились. Налёт длился недолго. Бомбовых взрывов мы не слышали. Ближе к вечеру мы узнали, что немецкий самолет сбросил бомбы на товарную станцию и аэродром в Слепянке. Оставшийся отрезок дня прошел спокойно.

Утром 24 июня по сигналу воздушной тревоги мы спустились в наше «бомбоубежище». Первые минут пять там было не очень тесно. Но после первых услышанных нами взрывов соседи быстро наполнили подвал. В непригодном для длительного пребывания людей месте скопилось человек 15 – 20. Было тесно, дышать было нечем. Бомбардировка, уничтожавшая город, началась. В этот день был произведён наиболее сильный воздушный налет. Сила бомбовых взрывов постепенно нарастала и, так же постепенно, удаляясь, стихала. Процесс волнообразно

повторялся. В апогее бомбардировки земля, стены и потолок нашего убежища сотрясались от разрывов так, что, казалось, ещё немного, и стены нашего убежища рухнут. Спустя короткий промежуток времени взрывы стали раздаваться со всех сторон. Буквально рядом с нами, как это выяснилось потом, упало несколько бомб. Одна из них разорвалась в 8 – 10 метрах от нашего подвала. Ударная волна была настолько сильной, что с потолка и стен подвала отрывались и падали непосредственно на людей большие куски штукатурки. Люди прикрывали головы руками. Все ждали смерти. Кто-то кричал от ужаса, некоторые плакали и даже молились Богу и просили Его о спасении. Бога часто вспоминали, называя Его Всевышним. Почему Всевышний? Что общего между Богом и Всевышним? Как может Бог, Господь или Всевышний спасти нас? Это для меня тогда было весьма странным и непонятным.

В замкнутом пространстве стоял невероятный шум. Половина штукатурки с потолка в нашем подвале обрушилась. Дранка на потолке искривилась и деревянными лохмотьями свисала вниз. На стенах подвала образовалась сетка больших трещин, и штукатурка во многих местах обвалилась. От вибрации всего помещения пыль стояла в воздухе столбом, что значительно затрудняло дыхание скопившихся в тесном подвале соседей. Сильная запыленность помещения вызывала у людей приступы кашля. Было страшно. Казалось, что ещё немного, и стены нашего убежища рухнут. Всем происходящим был очень напуган четырехлетний мальчик Андрей, сынишка нашей соседки по дому.

Фашисты методично уничтожали город. Первый воздушный налёт этого дня продолжался несколько часов. Убежище наше выстояло. После отбоя воздушной тревоги внезапно наступила тишина, и обитатели подвала, серые от пыли, вышли на воздух и, спустя некоторое время, стали убирать осыпавшуюся со стен и потолка штукатурку.

Из-за многочисленных пожаров стоял смог из гари и пыли, который стелился, подобно туману. Многие одевали невесть откуда взявшиеся влажные марлевые повязки. Но всё же дышать было легче, чем в подвале. Соседи собирались и обсуждали всё увиденное. Говорили, что много пожаров на Ленинской улице.

Примерно через час вновь завывли тревожные сирены, и мы вновь спустились в подвал.

Воздушные налёты возобновились с такой же интенсивностью и периодичностью, и продолжались не менее 4 – 5 часов. Было такое ощущение, что бомбы падают буквально рядом. Я насчитал, по меньшей мере, около десятка сильных взрывов. Дым от пожаров проникал в подвал и все, не без основания, опасались худшего. В этот день налёты немецких самолетов следовали волнами, один за другим.

По окончании бомбардировки, выйдя из подвала, мы увидели, что горел большой дом на углу улиц Советской и Володарского. По улице Карла Маркса горел дом, расположенный не очень далеко от нашего здания, отделённый от нашего дома пустым пространством двора. Всю ночь оставшиеся в доме соседи, сменяя друг друга, следили за вероятностью распространения пожара. К счастью, ветер благоприятствовал нам, относя искры и пламя в противоположную от нашего жилища сторону. Утром то здание еще дымило, но сама улица Карла Маркса пострадала меньше, чем окрестные улицы.

25 июня бомбардировка началась с утра. Налеты самолетов следовали друг за другом. От близких разрывов бомб обрушилась практически вся штукатурка со стен нашего убежища. Люди задыхались от пыли и дыма, проникавших в помещение.

Тогда же я, впервые для себя, увидел реальную жертву войны. От сердечного приступа, или, возможно, из-за неприемлемых для больного человека условий и последовавшей в связи с этим комы (так сказал доктор, бывший с нами в этом убежище), в погребе скончалась пожилая женщина-соседка, болевшая, как тогда говорили, сахарной болезнью – диабетом. Ей давали пить валерьянку, давали сульфидин (так, кажется, называлось это лекарство) и ещё какие-то медицинские препараты. Рядом с ней постоянно находился её внук – соседский мальчик лет пятнадцати, и тихо плакала её дочь. Но обстоятельства оказались сильнее этой женщины. После смерти её усадили в угол подвала так, чтобы она занимала как можно меньше места. В такой позе, со склоненной на бок седой головой, прислоненная к стене, несчастная находилась долгие часы бомбардировок.

В довершении всего, у нас в подвале закончились свечи. Стало особенно жутко. Бомбардировки продолжались. Дышать в подвале было нечем. После всего произошедшего казалось, что все мы будем заживо погребены в этом подвале.

Ближе к полудню, после внезапно наступившей тишины, мы вышли наружу. То, что мы увидели, было ужасно. Горели цистерны с топливом, находившиеся за забором гаража НКВД. Само гаражное и административное здание были в огне. Горел сарай, расположенный близко от торца здания гаража НКВД. Вокруг гаража и далее по направлению к Советской улице то, что ещё не было разрушено, горело. Безусловно, гараж НКВД для немцев являлся желанной целью. Этим и можно объяснить стремление немцев уничтожить этот важный стратегический объект. За торцом нашего дома были большие разрушения. Дом, в котором мы жили, не был разрушен. В нашем дворе было несколько больших воронок.

С глухой стороны нашего дома по улице Карла Маркса дымилось большое строение, кажется, это была гостиница или какое-то административное здание. Частично оно было разрушено. Говорили, что в подвале этого дома жертвами бомбардировки стали многие люди.

Невредимым оставался дом в нашем дворе, стоявший на углу улиц Урицкого и Карла Маркса. На первом этаже этого дома размещалась филармония. На втором была скульптурная мастерская, там проживал и работал известный белорусский скульптор. Боюсь ошибиться, но по тому вниманию, которым он пользовался у властей, и некоторым другим признакам, мне кажется, что это был Азгур. Скульптор запомнился мне тем, что в довоенные годы он часто приглашал детей в свою мастерскую, рассказывал и показывал, как происходит творческий процесс создания скульптуры.

От гари многочисленных пожаров было трудно дышать даже выйдя из нашего погреба. Соседи собирались и обсуждали всё увиденное. Говорили, что много пожаров на Ленинской улице. На улице Володарского горел многоэтажный центральный родильный дом города. На противоположной стороне улицы горела клиника нервных болезней и стоявшее рядом деревянное здание детского сада, где работала мама.

На перекрестке улиц Советской и Урицкого стоял искореженный взрывом бомбы трамвай, вокруг которого были разбросаны тела погибших людей. Смотреть на это мне было страшно. Практически весь центр города и соседствующий с нами отрезок Советской улицы были охвачены пожаром. По Советской улице влево от улицы Урицкого по направлению к бетонному мосту догорало здание 25-ой школы. Пожары никто не тушил.

Посоветовавшись с соседкой и воспользовавшись паузой, мама быстро собрала накануне приготовленные пожитки, и мы с тётёй Надей (так звали соседку) и её маленьким сыном Андреем решили выбираться из

центра города в один из перерывов между воздушными налетами. С большой осторожностью мы гуськом проходили по пылающим улицам.

Иной раз с обеих сторон на нашем пути стояла стена огня. Рушились стены, взметая снопы искр, разносимые ветром. Всем происходящим дети были повергнуты в ужас, и во время прохода по району пожарищ постоянно плакали. Маленького Андрея, по-видимому, от перевозбуждения непрерывно трясло. Немного легче переносила происходящее моя сестрёнка.

Пробравшись между горящими зданиями, мы вышли на улицу Свердлова. Там дымился угол здания 47-ой школы – школы, в которой я учился – но само здание разрушено не было. В конце-концов, мы вышли к Червенскому рынку. Тут было относительно спокойно, но непрерывные разрывы бомб по-прежнему доносились из центра города.

В этот день было ещё несколько сильных воздушных налётов. Зарево от пожаров вечером было огромно, а запах дыма сильно ощущался даже в районе улицы Маяковского – нашей конечной цели. Тревожные сирены к этому времени уже не извещали о приближении немецких самолетов. Они прилетали, сбрасывали свой смертоносный груз и спокойно улетали. Волна бомбардировок города следовала одна за другой с коротким перерывом. Это было прицельное бомбометание. Одиночные советские самолёты не были способны противостоять этой армаде. Я видел их только в начале второго дня войны. Преимущество немцев в воздухе было подавляющим и неоспоримым.

Знакомая тёти Нади, тётя Катя, несмотря на всё происходящее, приняла нас хорошо.

Только к вечеру закончилась бомбардировка города. За прошедший день все мы устали – и физически, и от нервного напряжения. Поэтому

решили пораньше лечь спать и отдохнуть. На следующий день, как сказала мама, нам предстояла далёкая и нелёгкая дорога.

Всю ночь зловещим заревом был охвачен центр города.

Полноценно отдохнуть не получилось. Ночью Андрей стал плакать и кричать. Он всхлипывал и непрерывно метался в кровати, его рвало. Всю ночь тётя Надя попеременно с мамой носили его на руках. Лишь к утру он успокоился.

Утром тётя Надя о чем-то посоветовалась с приютившей нас женщиной, и после практически бессонной ночи мы вышли из города. Андрей капризничал, и тётя Надя, меняясь с мамой, несли его на руках. Я вёл за руку шестилетнюю сестренку.

Со слов тёти Нади, в деревне за Червенем у неё жили родственники, и там, как говорила она, можно было отдохнуть и может быть, переждать это тяжелое время.

Могилевское направление было выбрано нами по совету людей, утверждавших, что бомбить это шоссе будут меньше, чем московское, поскольку московское шоссе являлось в Союзе дорогой номер один. В действительности, всё оказалось наоборот. Могилёвское шоссе подвергалось бомбардировке очень интенсивно. Московское же направление немцы не бомбили, полагая, по-видимому, что впоследствии эта дорога им понадобится для наступления на Москву.

Рано утром мы собрались, и, не мешкая, вышли из города. С рассветом немецкая авиация возобновила полёты. Проходя по шоссе в районе нынешнего автозавода, мы слышали глухие разрывы бомб. Фашистские лётчики с самого утра взялись за свое чёрное дело.

Минск продолжал гореть, и туманная дымка, висящая над городом, была видна за много километров.

Люди по дороге шли молча. Дорога была узкой. Две встречные машины едва могли разъехаться. Печать усталости и безысходности лежала на лицах беженцев.

Двигались медленно, поскольку у каждого идущего была какая-нибудь кладь. Отдыхали редко, стремясь поскорее уйти от войны, от оставшегося позади горящего города, от того места, где в нашу жизнь ворвалась война.

Многие беженцы были с детьми, повзрослевшими за это короткое время. На дороге часто встречались воронки от разорвавшихся бомб. Нередко можно было увидеть сгоревшие и разбитые автомашины. На обочинах дороги встречались лежавшие и сидевшие в различных позах люди. Некоторые из них были перебинтованы. Изредка над нами не очень высоко пролетали двухкорпусные немецкие самолёты, по-видимому, разведчики; позднее мы называли их «рамами». Мы не смогли уйти от войны. Война уже была вокруг нас.

Через 8 – 10 км нашего пути нас догнала выехавшая из-за поворота бортовая машина, на которую усадили меня, маму, сестрёнку, тётю Надю с заснувшим на руках Андреем и ещё двух женщин с детьми. Мы уселись на ящики и канистры, от которых исходил запах бензина.

Из-за часто встречавшихся воронок и групп беженцев, двигавшихся в том же направлении, скорость машины была невысокой.

Не доезжая до Червеня, это примерно 65 км от Минска, машина остановилась. Впереди нас стоял большой грузовой автомобиль с открытым капотом. На очередной остановке к нашей колонне пристыковалась телега, груженная домашним скарбом, наверху которого сидели люди. За ней остановился грузовой автомобиль. Длина остановившейся колонны, ограниченной двумя грузовыми машинами,

составляла 30 – 40 метров. Солнце стояло в зените. Было не просто тепло – было жарко.

Выйдя из кабины, наш водитель о чём-то переговорил с шофёром стоявшего впереди автомобиля, а по возвращении сказал, что мы продолжим путь минут через 30, и попросил кого-либо сходить за водой в находившуюся рядом деревню. А сам, проявив шофёрскую солидарность, подошёл к стоящей впереди машине. Гужевые повозки и идущие пешком люди объезжали и обходили стоящий транспорт, но небольшой затор всё-таки был. Мама попросила меня сходить за водой в деревню Куколевку – как было написано на дорожных указателях. Это простое название запомнилось мне на всю жизнь. Куколевка находилась в нескольких сотнях метрах от дороги.

Наполнив флягу шофёра и свой бидончик водой, уже выходя из деревни, я увидел группу самолётов, вылетевшую из-за леса. Самолеты летели на бреющем полёте. Казалось, что их крылья могут зацепить верхушки деревьев. В считанные секунды они оказались над скопившимися машинами и людьми. Разрывы бомб, пулемётная стрельба слились в сплошной гул. После разворота самолеты вновь и вновь сбрасывали свой смертоносный груз на головы несчастных беженцев. Этот участок шоссе превратился в сплошной огненный ад.

Когда я подбежал поближе, какой-то мужчина схватил меня за руку и сказал, чтобы я близко к дороге не подходил. «Не видишь, что творится?» – добавил он. А взрывы на шоссе следовали один за другим, перемежаясь с пулемётными очередями. Когда, наконец, самолёты закончили расстреливать мирных граждан, мы подошли немного ближе к шоссе.

То, что я увидел, было ужасным. Громадным костром горели искорёженные машины. Сполохи пламени машины, в которой ехали мы, имели взрывной характер. По-видимому, взрывались канистры с бензином.

Сколько времени я простоял вместе с мужчиной, не знаю. Зрелище вокруг было ужасающим. Спустя некоторое время я подступил к месту трагедии чуть ближе. Пронзительно и истошно кричала напуганная женщина. Слышны были стоны и мольба о помощи. Через некоторое время, пройдя дальше, я увидел разбитую повозку и храпящую, лежащую на боку в луже крови лошадь. Увидев всё это, я не мог заставить себя сдвинуться с места и стоял среди этого хаоса, разрушения и смерти. В этот момент я ещё не осознал всей трагедии произошедшего, поскольку открывшаяся картина была настолько ужасна, что подобное не увидишь даже в самом страшном сне. Пострадавшие от бомбардировки люди были разбросаны по проезжей части. Движение застопорилось. Среди уцелевших и проезжавших мимо людей нашлись добровольцы, оказывавшие помощь раненым.

Когда пожар стал утихать, я попытался среди этого кошмара увидеть кого-нибудь из близких мне людей. Вокруг были жертвы налёта и пожара. Но ни мать, ни сестру, ни нашу соседку с Андреем я не видел. Машина, на которой мы ехали, была полностью разбита и догорала. Машина, стоявшая впереди нас, также была исковеркана взрывом и дымилась. Горела и грузовая машина, стоявшая в десятке метров позади нас. Я не узнавал знакомых мне людей ни в ком из погибших, кроме маленького сильно обгоревшего трупика, лежавшего недалеко от догорающей машины. Возможно, это был Андрей – сынишка нашей соседки. Точно опознать его было невозможно.

Смутно помню, как ко мне подошла пожилая заплаканная женщина и спросила, был ли я там во время налёта немецких самолетов? Я был нем и не совсем понял то, о чём она спрашивала. Она переспросила несколько раз. Я молчал. Говорить на тот момент я не мог. Словно какой-то обруч сжал мне горло. Спазм был настолько силён, что я даже ощущал его

физическое воздействие – телесную боль. «Где ты был?» – в очередной раз спросила женщина и, осмотрев меня, увидела фляжку и бидончик с водой. «Ты ходил в деревню за водой?» Я кивнул. Она обняла меня и сказала, что мне повезло, и что-то добавила о Всевышнем. То, что она сказала мне тогда, я понял спустя некоторое время.

Мое состояние в ту минуту было очень сложным, я находился на грани отчаяния, психологического срыва и был не в состоянии адекватно оценить произошедшее. Сознание моё на тот момент не было ясным. Но что я понял вполне определённо, что случившееся отделило от меня прошлого непроницаемой стеной. Отделило навсегда.

Иногда в голове включалось просветление. И тогда в глубине сознания маленькой искоркой зарождалась мысль о продолжении поиска родных. И я, пытаюсь увидеть кого-нибудь из близких мне людей, вновь и вновь проходил путь печали и скорби вдоль расстрелянной колонны, постоянно возвращаясь к догорающей машине. Но тщетно. Жертвы, как правило, были не в лучшем состоянии для опознания, а некоторые просто ужасны. Ни маму, ни сестрёнку, ни нашу соседку с Андреем я не находил ни среди живых, ни среди погибших. Но разве мог я, одиннадцатилетний ребёнок, даже в здоровом душевном состоянии произвести хоть что-то наподобие «опознания»?

Снова и снова я останавливался возле догорающей машины, но через некоторое время опять проходил по скорбному отрезку пути, в надежде разыскать кого-нибудь, но напрасно. Вернувшись после очередного обхода к машине, я задержался у зловещего огня. Оглянулся в раздумье – кругом были горе и смерть. Рядом находились тела погибших, собранные добровольцами. Таких мест, куда собирали погибших, было, по меньшей мере, два. Часто останавливались проезжавшие мимо машины.

Оценить масштабы трагедии на шоссе в тот момент мне было очень сложно. Мне кажется, что не считая моих родных и знакомых, всего погибло человек 8 – 12, а быть может, и больше. Когда и куда вывезли останки, не знаю.

Моё мироощущение на тот момент, моё духовное состояние после того, что я увидел, невозможно передать никакими словами. Испытываемое мною потрясение было настолько велико, что я не мог не только плакать, но даже и говорить. Самое подходящее слово для моего состояния – ступор. Я не понимал происходящего. Через некоторое время меня всего стало трясти. Я был в таком состоянии, что не ощущал времени, и мне казалось, что всё случившееся – это ужасная фантазмагория, нагромождение каких-то ирреальных событий, и всё это происходит не со мной, а с кем-то другим. Сознание в этот момент было смутным. Мне казалось, что я раздвоился. Периодически наступало просветление, и в какой-то момент я даже жалел, что не умер вместе со всеми. Мне не хотелось жить.

Я не ощущал времени и не замечал ничего вокруг не понимая, куда и зачем я бреду. Мой разум был затуманен, я не соображал, где нахожусь, почему и как там оказался, я не понимал того, что я делал в текущий момент, хотя в этот момент времени я бесцельно брёл, не разбирая дороги. В этот отрезок времени моё состояние было сомнамбулическим.

Эту ночь я провёл недалеко от дороги. Кем-то скошенная и почти высохшая трава, собранная мною, послужила мне в эту летнюю ночь постелью. Я лежал в забытии. Периодически меня трясло, хотя ночь была тёплой. В какие-то мгновения мне казалось, что я вижу ужасный сон, и мне необходимо поскорее проснуться, но в действительности сон не смыкал моих глаз. Едва я их закрывал, засыпая, как тотчас дрожь охватывала всё мое тело, и я просыпался от ужасных видений. Все пережитое

многократно, словно в фильме ужасов, кадр за кадром, вновь и вновь проходило перед глазами. Тоска лавиной накатывалась на меня и всё больше нарастала. Я поймал себя на том, что мне хочется кричать. И я, находясь в лесу, один на один с природой, стал кричать. Нет, я не плакал. Я кричал. Точнее – выл, как загнанный волчонок, пока не потерял голос. Возможно, это был своеобразный выход накопившейся негативной энергии. Сколько это продолжалось, не помню. Сознание моё всё ещё находилось в каком-то оцепенении. Я никак не мог освободиться от внутреннего напряжения от случившегося и пережитого.

Медленно, в течение нескольких часов я приходил в себя. Попил воду из фляги, предоставленной мне шофёром, и вспомнил о бидончике, который я где-то потерял.

Уже много позже, в конце восьмидесятых, мой хороший приятель по работе Николай Фёдорович Ладутько пригласил меня и Анастаса Басальгу в поездку за грибами. Мы выбрали могилёвское направление и по моей просьбе заехали в Куколевку.

В ранее процветавшей деревне осталось несколько домов. В одном из них старый человек сказал, что он что-то слышал о произошедшем неподалёку от деревни в годы войны, но подробности не помнил.

Наверное, после «удачного» воздушного налёта «стервятники» отметили свою победу над стариками, женщинами и детьми пирушкой. Такая традиция существовала у немецких лётчиков.

После освобождения Германии всему миру открылась страшная правда о деяниях фашизма. Правда о том, как уничтожались мирные жители – старики и дети. Мир узнал правду о концентрационных лагерях – лагерях смерти.

Потрясённые всем увиденным и услышанным, наши союзники, которые не очень хорошо знали о сущности фашизма, спрашивали у немцев, переживших этот период, знали ли они о том, что творилось во время оккупации даже на собственной территории, знали ли они о существовании конвейеров смерти – концентрационных лагерях. И часто получали ответ: «Нет, мы ничего не знали». Это характерное свойство противоречивой человеческой психики – не желать, не знать, не видеть того, что страшно не хочется знать и видеть.

Вслед за осознанием Германией своей вины за страдания, доставленные миллионам людей, духовное покаяние пришло к немецкому народу. Этот народ осознал свою вину перед человечеством. В этом проявилась совесть и порядочность немцев.

Я воспитывался в семье атеистов. Моё религиозное воспитание началось с того, что в школе мне сообщили, что Бога нет. До войны среди детей моего возраста антирелигиозная пропаганда проводилась очень умело. Поэтому для меня слово «Бог» имело мифическое значение, а слово «Всевышний» у меня ассоциировалось со словами «самый высокий», но не со словом «Бог». Ни дома, ни в школе, ни в пионерском отряде никто не говорил о Боге всерьёз. Однажды я спросил у отца: «А кто такой Бог?» Отец посмотрел на меня и сказал: «Это весьма сложно. Подрастешь, разберешься». Обо всём этом я не имел конкретного понятия. И немного удивился глупости взрослых: зачем говорить о том, чего нет, когда мир вокруг полон интересного и таинственного. Но в школе меня так настойчиво убеждали в этом, что я поневоле задумался: «Что же это такое – Бог?» Однажды я спросил у одного учителя: «Что значит атеист?» Из его объяснений понял только, что это человек, который не верит в то, чего нет.

Моё спасение, как я считал, являлось простой случайностью. Так думал я. Но слова той женщины о том, что мне повезло, заставили меня

задуматься и отложились в моей памяти. Эта женщина была первой, кто заставил меня посмотреть на произошедшее с другой стороны. Так ли это просто на первый взгляд? Но в самой сути разобраться я ещё не мог. Но это уже было для меня настоящим свидетельством.

Несколько дней я провел в одной из близко расположенных деревень, кажется, в Запасенье. Числа 27 или 29 июня я впервые увидел проезжавших на трёхколёсных мотоциклах немцев с закатанными выше локтей рукавами. Как это ни странно, немцы ехали с восточного направления. Возможно, это был десант, но, так или иначе, я решил, что фашисты были уже вокруг. Насколько далеко они продвинулись вглубь страны, мне было неизвестно, но судя по тому, что они от Бреста за несколько дней дошли до Минска, двигаться на восток было бессмысленно. Фронт не догонишь. Поэтому я решил идти назад к городу, где можно было попробовать разыскать кого-либо из наших знакомых.

Переходя от деревни к деревне, где сердобольные крестьяне давали мне хлеб и кров, я, пусть медленно, но продвигался к намеченной цели. Если позволяли хозяева, задерживался на короткое время. Пас коров или выполнял другую простую работу, за что получал кров и пищу. В одной деревне я обратил внимание на икону, а затем спросил у хозяйки дома: «А кто такой Всевышний?» «Это Бог», – таков был её ответ. «Бог? Значит, спас меня Бог», – почти утвердительно подумал я и был близок к тому, чтобы поверить в Его существование.

ГЛАВА 2

В Минск я пришел в начале или в середине августа. Сразу пошел на улицу Урицкого, к дому, где раньше проживал.

То, что я увидел в центре города, было подобно неоднократно публикуемым фотоснимкам того, что стало с Хиросимой после взрыва ядерной бомбы. Различие, пожалуй, состояло только в отсутствии радиации. Приближение к «родному гнезду» волновало меня. Вокруг, куда не посмотришь, стояли сгоревшие или разрушенные дома. Увы, и ареал моего детства был покрыт обломками разрушенных зданий и уничтожен пожарищем.

Наш двор представлял собою типичную картину военных разрушений. От высокого деревянного забора, отделявшего гараж НКВД, и примыкавших к забору деревянных сараев, где хранились дрова и нехитрые пожитки жильцов, ничего не осталось. Все сгорело до основания. Лишь успевшие стать плоскими, ещё окончательно не развеянные ветром кучи пепла указывали на прежнее место расположения сараев. Из-за отсутствия сараев и забора двор казался неестественно большим. А вокруг двора было сплошное пепелище.

На месте нашего дома я увидел груды кирпича, окружённые сильно разрушенными стенами, в некоторых местах с пустыми глазницами окон. Немало битого стекла лежало с внешней стороны стены полуразрушенного и сгоревшего дома. Многие осколки стекла несли на себе проклеенные полоски бумаги². Вместо большей части стены нашего двухэтажного дома была груда кирпича. Меня поразили ещё не выветрившийся дух пожара, замешанный на тяжёлом запахе гниения. Не вызывало сомнения, что в

² После первой бомбёжки жителям города по радио рекомендовали проклеить оконные стёкла полосками бумаги, для снижения риска поражения осколками.

дом, в котором мы проживали, попала бомба. Вход в подвал, где мы прятались во время бомбёжки, был завален обломками стены.

Через разбитую часть стены я пробрался внутрь сгоревшего здания. Всё, что я увидел на пепелище – это разбросанные по сторонам различного диаметра струны от пианино, возможно, от того инструмента, который был у нас. Увидел также лежавший среди битых кирпичей остов обгоревшей швейной машины «Зингер» с таким же рисунком опорной боковой поверхности, какой был и у нашей.

Безусловно, объектом бомбардировки был гараж НКВД, который сгорел и, кроме того, был полностью разрушен бомбами.

Весь отрезок улицы Урицкого в пределах улиц Советской и Карла Маркса, исключая угловой дом, где размещалась филармония, представлял собою сплошные развалины.

Среди этого хаоса, как символ продолжающейся жизни, в нашем дворе осталось стоять частично пострадавшее грушевое дерево. Листва дерева на стороне, обращённой к дому, из-за пожара пожухла и даже почернела. При порывах ветра высохшая листва шевелилась и как-то по-особенному шуршала. Звук этот, внезапно возникавший в мёртвой тишине среди сгоревших и разрушенных зданий, вызывал неприятные чувства...

На противоположной стороне дерева, обращённой внутрь двора, на многих ветвях оставались зелёные листья. Ствол груши был сильно иссечён осколками. Совсем недалеко от дерева находились воронки большого диаметра от разорвавшихся бомб.

Я стоял и смотрел на израненное войной дерево и даже чувствовал к нему, к этому неодушевлённому созданию, какую-то нежность, теплоту и даже уважение: «Господь, ты сохранил и нашу грушу! Выжила и ты,

родная, несмотря на бомбардировки и пожары. Значит, и о тебе Всевышний позаботился!»

Глядя на эти развалины, я вспоминал своё безмятежное детство, казавшееся уже далёким. Вспоминал как нас, пострелов, ругал дворник за то, что мы прежде времени начинали сбивать ещё терпкие, зелёные, не набравшие вкуса и аромата незрелые плоды. За это мы также получали «нахлобучку» от своих родителей.

Первое время я часто приходил на «свои развалины». Что-то влекло меня на это место, ставшее кладбищем моего детства.

Я ходил на пепелище своих рано закончившихся детских лет, смотрел на грушевое дерево и мне казалось, что кто-то из моих знакомых сюда обязательно придёт, и я должен встретить его. Мне так хотелось кому-нибудь излить душу, поведать о том, что во мне накопилось и тяжким грузом лежало у меня на сердце.

Трудно и горестно было смотреть и ходить по своей биографии, по своему сожжённому и разрушенному родному гнезду, по неожиданно оборвавшемуся детству. И всегда в этих походах сердце охватывала такая глубокая печаль и безысходность от внезапно нахлынувшего одиночества, что мне хотелось плакать и выть, как это я уже однажды делал.

А результаты варварской бомбардировки были видны далеко окрест. Было разрушено и сгорело многоэтажное здание центрального роддома и все прилегающие к нему здания по улице Володарского, в том числе и детский сад, где работала моя мама. По Советской улице были сплошь разрушенные и сгоревшие здания. Улицы Урицкого как таковой не стало, она исчезла в небытие. Остались лишь развалины и сгоревшие дома. Меньше пострадала улица Карла Маркса. Не пострадавшим от бомбардировки, но сгоревшим оказалось угловое здание филармонии,

располагавшееся на углу улиц Урицкого и Карла Маркса. После войны это здание было отремонтировано и получило адрес: улица Карла Маркса, дом 15.

Как это ни странно, но по улице Комсомольской уцелело здание клуба имени И.В. Сталина, хотя вокруг было много разрушенных строений. Во время войны в этом здании немцы устроили нечто вроде гостиницы для солдат и офицеров (SoldatenHeim). Сегодня там размещается кинотеатр «Победа». С этим зданием у меня связан ряд воспоминаний, но об этом – чуть позже. Целым оказалось также здание тюрьмы, называемой в народе «Володаркой». Возможно, фашисты не хотели её разрушать, полагая, что тюрьма может пригодиться. Так оно и случилось.

Ближе к осени 1941 года я прибежал во двор своего детства, и старая моя знакомая, груша одаривала меня своими отменными плодами. Я набирал их впрок. К сожалению, это продолжалось недолго. Видимо, не я один пользовался её гостеприимством.

Несколько последующих дней и ночей после прихода в город я провёл в одном из разрушенных домов по Московской улице, недалеко от железобетонного моста, благо было сравнительно тепло. В качестве «базы для ночного отдыха» мною была использована полуразрушенная комната этого дома. Туда меня привел мальчик, с которым я познакомился на товарной станции. Звали его Колей, а его брата – Вовой. Фамилию их не знаю.

...Несколько заранее собранных тряпок – и лежбище готово. Таких как мы, детей, не имевших крыши над головой, в первый год войны в Минске было много. В той комнате нашли временный приют три подростка. Питались мы, где и как попало, в основном, на свалках.

Обстоятельства складывались так, что сама жизнь заставляла детей проходить школу выживания. Дети выживали каждый день, преодолевая невзгоды, набираясь опыта и настраивая себя на жизнь. Её мы, несмотря ни на что, безусловно, любили.

А ситуации случались всякие. Бывало, что в осеннее и даже в зимнее время ночевать приходилось в выгребном бункере на остывающей, но еще сохраняющей тепло куче угольного шлака, выброшенного из топки паровоза.

Многие дети, прежде чем попасть в детский дом, успели познать бродячую жизнь со всеми вытекающими последствиями. Таких детей в городе были сотни.

Питались дети в это время в основном со свалки немецкого барака-госпиталя, выстроенного в течение двух-трёх недель рядом с пассажирской станцией. Роясь в госпитальных отбросах, рядом с хлебной коркой зачастую можно было увидеть окровавленный, дурно пахнущий бинт или вату; но иной раз даже голод не мог помочь преодолеть чувство отвращения.

В один из таких голодных дней, когда я рылся на госпитальной свалке, ко мне подошёл средних лет мужчина. Увидев, как я брезгливо отбрасываю бинты вместе с лежавшим под ними небольшим куском хлеба, мужчина сказал мне: «Если хочешь быстро сдохнуть, тогда можешь не брать этот кусок, или вообще покинуть эту свалку. Но если ты в существующих условиях решил выжить, то запомни: во-первых, ешь всякий раз, когда есть возможность что-то скушать, во-вторых, при малейшей возможности мой свое тело и чисти зубы по утрам, хоть пальцем, но проделывай эту процедуру обязательно. Чистка зубов и личный туалет в таких условиях – это поступок», – добавил он.

Позже я понял, что гигиенические процедуры в тех условиях действительно были хоть небольшим, но поступком, но, увы, не всегда я мог следовать разумной рекомендации.

Голодное существование диктовало свои законы и необходимость совершать неприемлемые в других условиях поступки. Превозмогая омерзение, человек вынужден порой совершать такие поступки, но и для них, конечно, есть предел.

...Весьма важно в жизни совершать не только *правильные*, но и *добрые* поступки, при которых мы чем-то жертвуем. Такие поступки воспитывают наше мировоззрение и, вместе с другими положительными качествами, формируют из нас нормального человека. Но эту истину я понял немного позже.

А в городе было не очень спокойно. Иногда была слышна стрельба. В скором времени появились люди с белыми повязками на рукавах. Это была образованная оккупационными властями полиция.

Вспоминая то время, я удивляюсь, насколько быстро немцы организовали в городе полицейские участки. С первых дней оккупации в людных местах, особенно на рынках, ими проводились облавы. Окружив со всех сторон рынок, перекрыв все входы и выходы, полицейские вместе с оккупантами проводили досмотр крестьянских повозок и всех людей, вызывавших подозрение.

С особым пристрастием относились к молодым мужчинам, видя в них потенциальных противников. Задержанных людей приводили в полицию. Многих из них, ни в чем не уличённых, угоняли на работу в Германию.

В одну прохладную и ветреную сентябрьскую ночь я понял, что не всё так просто, как кажется. Сильно простыл младший из братьев Вова. Он температурил. Мы «лечили» и кормили его как могли. После такого

«лечения» он продолжал нутужно кашлять. И тогда братья решили искать родных.

Я понимал, что и мое такое бытие долго продолжаться не может. Уже длительное время я не был в бане. Памятуя наказ мужчины, старался при удобном случае окунуться в Свислочи или в Комсомольском озере. Несмотря на все старания, обовшивел. Если в тёплое время года хоть с небольшими проблемами, но можно было где-то скоротать ночь и найти пищу, то в холодное время проблемы накатывались лавиной. И я решил последовать примеру знакомых мальчишек и попытаться разыскать хоть каких-нибудь своих знакомых.

Прежде всего, принял решение сообщить соседям или родственникам тети Нади о её гибели. Идя к ней, в глубине души надеялся, что, может быть, там дадут мне кров на некоторое время, пока я не разыщу кого-нибудь из наших давних знакомых.

Дом, в который я пришёл, война обошла стороной. Навстречу мне вышел незнакомый пожилой мужчина на костылях. На мой вопрос: «Могли ли я видеть хозяйку соседней квартиры тетю Катю?» – так звали знакомую тётти Нади, с которой мы подались в беженцы, – он ответил, что Катя была коммунистом, и, конечно, успела уехать из города, и добавил: «Мой сын помог ей сесть в последний товарный поезд, отправлявшийся из Заславля». Узнав, что с нами произошло, он выругался, и, ничего больше не сказав, развернулся и ушёл, стуча костылями.

Сложность поиска заключалась в том, что я знал не все места проживания наших знакомых. Районы же проживания тех, о которых я что-то знал, были разрушены войной.

Перебирая в памяти круг наших бывших знакомых, я вспомнил о том, что на Восточной улице проживал человек, который часто бывал у нас в

доме. Отец вместе с ним, кажется, заканчивал институт. До войны наш знакомый работал на одном из предприятий Минска механиком. Вся сложность розыска заключалась в том, что в доме у этого человека я был только один раз, когда мне было лет шесть или семь и мы с отцом приходили к нему в гости.

...Знакомый моего отца проживал на окраине города, на улице Восточной. Пока взрослые беседовали, мне, городскому мальчишке, выросшему среди каменных стен, здесь, среди деревянных домов, утопающих в зелени, всё было в диковинку, и я бегал по приусадебному участку среди посадок картофеля и других овощных культур, гонялся за прыгающими и летающими насекомыми, которых я очень любил, пока не натолкнулся на калитку. С мальчишеской точки зрения, это было настоящее чудо техники. Большая стальная калитка, установленная на мощных завесах. Я оседлал эту чудо-калитку и катался, пока отец не снял меня с неё. Этот момент я запомнил хорошо.

Но, спустя несколько лет, я не представлял, как смогу разыскать этот дом. Улица сплошь состояла из индивидуальных застроек и к моему счастью, абсолютно не пострадала от войны. Всё вокруг утопало в зелени. Я проходил вдоль улицы с конца в конец неоднократно, но понял, что этого дома не найду. Да и мог ли я узнать это жилье, если я не представлял себе, что это за дом. Я его просто не запомнил.

И вдруг, будто молния сверкнула в моём сознании. Калитка! Ну, конечно, калитка! Нужно было отыскать калитку, которую я в своё время так усердно и успешно «обкатывал». Проходя в очередной раз вдоль улицы, я разглядел ту калитку среди окружающей зелени!

В тот момент я был счастлив.

Дядя Артур (так звали нашего знакомого), как я позже узнал, был холостяком, и проживал в комнате небольшого четырехкомнатного дома. Я прошёл во двор и увидел пожилую женщину, копавшуюся в огороде, и спросил её о дяде Артуре. Она ответила, что он должен быть дома, и добавила, что я могу к нему пройти.

Был ли я взволнован нашей встречей? Это мягко сказано. После того, как я вошёл в комнату дяди Артура и увидел его, я взорвался плачем. Именно взорвался. Плакал навзрыд, не стесняясь горьких слёз. Это была не просто истерика. Та трагедия, то несчастье, которые произошли со мною и моими родными, вновь воскресла в моей памяти настолько натурально, что я вновь и вновь пережил смерть матери, смерть своей маленькой сестрёнки, смерть моих знакомых. Я сотряслся от плача. Это был своеобразный выход горя, переполнявшего сердце ребёнка, который пережил непоправимую трагедию. Горечь от невозполнимой потери заполонила всё мое сердце. Только теперь, увидев впервые за долгое время знакомого мне человека, я осознал масштаб случившегося.

Дядя Артур, конечно, узнал меня, взял мою голову в ладони и стал успокаивать. Через некоторое время, после того, как я пришёл в себя и успокоился, я сумел рассказать ему, что произошло с нами. Рассказал о звонке отца. Покормив меня, дядя Артур на короткий срок отлучился и вскоре вернулся с машинкой для стрижки волос. После стрижки он искупал меня в большом тазу и дал мне принесённую им одежду, чистую, пусть и не по размеру.

Какое-то непродолжительное время я прожил у дяди Артура. Днём он часто куда-то отлучался. Иногда к нему приходили какие-то люди, и тогда он просил меня пойти погулять. Однажды утром дядя Артур сказал мне, что некоторое время будет занят.

«А тебя, – добавил он, – я отведу в детский дом (кто-то из его знакомых имел отношение к детскому дому). Смотри же, не забывай меня, и обязательно приходи ко мне, лучше с утра пораньше».

Не исключена вероятность того, что дядя Артур оставался в городе по заданию. И, по-видимому, он не хотел рисковать мной и определил меня в детский дом. Это произошло примерно в начале или середине сентября 1941 года. Я оказался в одном из первых детских домов, организованных местными властями в оккупированном Минске. До войны этот детдом носил номер 5 и располагался по Торговой улице. Детский дом сохранил номер, присвоенный ему Советской властью. Впоследствии в городе было образовано 8 или 9 детских домов.

ГЛАВА 3

По всему было видно, что детдом, куда я попал, находился в начальной стадии своей организации. Нехватка постельных принадлежностей, тарелок, ложек и другого элементарного инвентаря, неустроенность быта – обычные признаки детских домов того времени. Часто в детдоме не было завтрака, обеда или ужина. То, чем нас кормили, лишь отдалённо напоминало нормальную пищу.

Немного позже, после того, как начала функционировать белорусская администрация города (управа), этот детский дом получил статус приёмника-распределителя. В управе был создан отдел, ведавший детскими учреждениями. По направлению из этого отдела в детский дом стали поступать дети.

Некоторое время спустя, ещё в сентябре, меня с группой детей направили в детский дом №4 по улице Дзержинского (ныне улица Фабрициуса). В детдоме находились ребята возрастом от 6 до 14 лет. Неподалёку находился Суражский рынок. Это был самый крупный рынок довоенного и военного времени. Район товарной станции и Суражского рынка незначительно пострадал от бомбардировок и пожаров; кирпичное здание детдома оказалось нетронутым.

В последнее довоенное лето детей из этого дома вывезли в пионерский лагерь в окрестности деревни Талька. После начала войны их не успели эвакуировать; весь персонал разбежался, и дети с одной воспитательницей возвратились в Минск. Благо, здание детского дома осталось целым, но имущество было основательно разграблено. Унесли в основном зимнюю и летнюю одежду, обувь и постельные принадлежности.

Питание, особенно в организационный период, было нерегулярным. Мало того, что питались дети впроголодь, так и сами продукты были

далеко не первой свежести. В день мы получали не больше чем 80 – 100 граммов хлеба. На завтрак выдавалась половина дневной нормы хлеба и не более ложки каши (которую не всегда доставляли). Тарелки всегда вылизывались. На обед мы получали тарелку супа, который никоим образом нельзя было назвать супом. Это была скорее тёплая вода, в которой изредка встречалась прелая крупа или картошка. Иногда в качестве супа давали небольшой черпак жидкой затирки, приготовленной из прогорклой ржаной муки. Ужин очень часто «забывали» приготовить.

Такое питание приводило к пищевому дефициту. Растущему организму не хватало белковой пищи, жиров и многих других компонентов. В результате голодного истощения дети сильно теряли в весе, развивалась апатия и депрессия. Дети заболевали фурункулёзом, туберкулёзом, брюшным и сыпным тифом...

*Давали всем нам столько пищи,
Что без слёз нельзя смотреть,
Слишком мало, чтобы выжить,
Слишком «много», чтобы умереть.*

Дети, особенно младшие, были вялыми. День свой проводили на поперёк составленных кроватях, прижавшись друг к другу, сохраняя тепло.

По причине испорченных продуктов и непрерывного голодного состояния, у детей младшего возраста болели животы, у многих руки и ноги были отёкшими, а из-под ногтей сочилась сукровица. Налицо были все признаки белкового голодания – дистрофии. Бывало, в течение дня нам вообще ничего не давали – и такое случалось! – и такой день мы называли «лётным» из-за постоянного головокружения. Такое голодное состояние дети называли «голодухой», «колуном».

Если в тёплое время года, при определённом везении, дети всеми правдами и неправдами добывали себе немного провианта, то по мере понижения температуры поиск пропитания лавинообразно усложнялся.

Осенью в детдоме была вспышка сыпного тифа. Вспышки повторялись. Заболевших детей вывозили. И это был не единственный случай, когда заболевших детей куда-то отправляли. Что происходило с ними в дальнейшем, неизвестно. У некоторых детей наблюдались голодные поносы.

Помещение наше даже глубокой осенью отапливалось не каждый день. К зиме дети подошли практически без необходимой обуви и тёплой одежды. В первую военную зиму местные жители, видя бедственное состояние детей, приносили в детдом кое-какую одежду, за что мы были им весьма благодарны, поскольку это позволяло нам продолжить активную жизнь, направленную на добычу чего-нибудь съестного. Сочувствовавшие нам люди встречались, но нельзя сказать, что их было очень много.

В приютах того времени были собраны дети с разным уровнем развития и образования. Ребята покрепче, повзрослее и посмелее уходили из детского дома на «промысел». Благо, разрешения ни у кого брать не требовалось. Занимались, в основном, выпрашиванием милостыни, или, как мы говорили, «жаброўкай»; понемногу приворовывали на рынках, особенно на Суражском, который был в пяти минутах ходьбы от детского дома, или на Червенском.

Чем старше был ребёнок, тем легче и быстрее проходила его адаптация к среде обитания. Этические нормы наши соответствовали нормам, свойственным маленьким бродяжкам. Точнее, превалировала этика и поступки, которые присущи несовершеннолетним беспризорникам-воришкам. Заслугой считалось украсть, утащить что-

нибудь из крестьянской повозки или в людской толчее на рынке, даже из чужого кармана.

Не знаю, воровство ли это, или кража, когда давно изголодавшийся ребенок занимался на базаре своим скудным промыслом. Все мечтания этого ребёнка вертятся вокруг картофелины или замороженного яблока, и, как вершины желания – кусочка хлеба, чтобы просуществовать, чтобы выжить в этом совсем не легком наступившем дне. И нужно ли осуждать этого ребенка за его отчаянное действие? Однако смелость этих детей имела совсем иные корни и не походила на обычную мальчишескую бесшабашность – то была смелость отчаяния, которую волей-неволей развивала в себе большая часть детей, попавших в тяжелейшие обстоятельства и бедствующих на последнем пределе.

Тащили всё, что «плохо лежало»: от картофельных клубней до яблок и прочих продуктов, которые могли быть употреблены в пищу. Как правило, всё проходило без значительных эксцессов. Были случаи, когда застигнутого на воровстве мальчика отпускали с миром, а иногда и с даром. Иной раз провинившегося ребенка ожидал самосуд. Но о последствиях никто не думал.

Мир, однако, не без добрых людей. Были два случая, когда крестьяне прямо с рынка забрали детей с собою, в свою семью. Надо полагать, что детям в этом случае повезло.

Не буду подробно останавливаться на образе жизни и бытовых условиях, имевших место в этом сиротском доме. Если в тёплое время года они были терпимы (крыша над головой есть, и ладно), то с наступлением холодов положение детей значительно усложнялось.

Возвращаясь в зимнее время на ночёвку после «трудового дня», дети, по возможности, приносили всё, что могло гореть. Дерево находили в разрушенных домах, им топили печь.

По ночам, для того чтобы согреться, мы спали поперёк составленных рядом двух кроватей по пять-семь человек. Матрасами нам служили доски, покрытые суконными одеялами, которые кишели вшами. Иной раз спать ложились в том, в чём ходили на улице, даже не снимая обувь.

Поголовно все дети страдали педикулёзом. С наступлением зимы, днём, под наблюдением «сторожа», одеяла выкладывали на снег. После двух или трёх часов нахождения одеял при отрицательной температуре, вытряхивали насекомых. Белый снег после такой операции имел сероватый оттенок. Я не могу вспомнить ни одного случая, когда детей в четвертом детдоме сводили бы в баню. Тела детей были покрыты чесоточными расчёсами. У многих детей, кроме прочего, был фурункулёз, приносивший много страданий.

Учёт детей не производился. Не один месяц сходили с детей чирьи, полученные от постоянного переохлаждения, простуды и непрерывного недоедания.

Многие, особенно младшие дети, страдали алиментарной дистрофией. Об этом свидетельствовал отёк конечностей. За детьми никто не смотрел. В детдоме был воспитатель – молодая женщина. Но что она могла сделать с гурьбой вечно голодных детей, особенно мальчишек?

Любой приют – это, прежде всего, крыша, ночлежка, где можно было спрятаться от непогоды и скоротать холодную ночь. Многие дети, прежде чем попасть в такой «детский дом», успели познать бродячую жизнь со всеми её «прелестями». Но в подавляющем большинстве детских домов быт был практически беспризорным и по своей сути мало чем отличался от

абсолютно беспризорного существования. Важна была, прежде всего, крыша над головой.

Все дети, от мала до велика, были предоставлены сами себе. Каждый день был трудным барьером, который необходимо было взять, и ценой его, в некоторых случаях, было здоровье, а в отдельных случаях, и сама жизнь.

До Великой Отечественной войны в Минске было десять детских домов, и лишь некоторые из них были эвакуированы. Социальный срез детей, находившихся в детских домах, был различен.

В начале войны в детских домах количественно преобладали бывшие воспитанники довоенных детских домов, которые, к сожалению, в большинстве случаев не были эвакуированы. Среди довоенных детдомовцев было много детей, родители которых были репрессированы. С началом войны в детдомах появились дети, родители которых погибли во время боевых действий. Постепенно в детдома поступали дети-бродяжки, просто потерявшие родителей. В начале 1943 года появилось больше детей, которым удалось вырваться из гетто.

У каждого ребёнка была своя нелёгкая, и, как правило, грустная история. Среди детей встречались начитанные ребята, которые за возможность получить кусочек хлеба могли, благодаря цепкой детской памяти, рассказывать сказки и повести с продолжением, растянутые по времени на несколько вечеров. Быстрее всех к тяжёлой действительности приспосабливались бывшие детдомовцы.

Для приобретения какого-то опыта, для адаптации к тем экстремальным условиям детям, потерявшим семью, требовалось время. Этот период был самым тяжёлым, особенно для детей, недавно оставшихся без родителей. В непрерывном и трудном привыкании к таким условиям, в освоении сопутствовавших, не всегда хороших навыков,

тяжело, даже очень, приходилось детям младшего возраста. Девочкам приходилось тяжелее, чем мальчикам, в силу известных причин. Младшие по возрасту дети были подобны живым скелетам. От голода, холода, частых болезней и истощения почти разучившиеся плакать дети были ослаблены и передвигались по холодному помещению детского дома словно тени. Среди младших детей были заболевания с летальным исходом. Случаи эти в 4-ом детдоме никто не фиксировал.

Если бы человеческие страдания можно было выразить в цифрах, то в колонках статистики страдания сирот во время войны занимали бы одно из ведущих мест. Потеря маленьким человеком мамы и папы – уже огромная трагедия и стресс. Большим заблуждением является общепринятое мнение, что война – это только стрельба, пушки, танки, самолеты, смерть. Да, это правда, но не вся. Война – это ещё голод и холод, вши, болезни и всемерное, вселенское зло. Это чистые слёзы осиротевших детей; это слезы измождённого голодом маленького человечка; это его слёзы от неподдающихся описанию издевательств над ним; это слёзы от глубоко спрятанных им душевных мук. Слёзы подчас скрываемые, тихие, но смачивающие по ночам то, что лежало под изголовьем, а зачастую это была просто детская ладошка. Поверьте, что в совокупности такие стрессовые ситуации оказывали на неокрепший организм ребёнка чрезвычайно сильное влияние и приводили к психическим травмам и тяжким последствиям. Ведь это были дети! Я видел детей, которые под влиянием сложившихся обстоятельств замыкались в себе, становились чрезвычайно нелюдимыми и, конечно же, были склонны к различным заболеваниям. Об этом свидетельствует и книга посмертной записи детей 3-го (Козыревского) детдома. Таких детей в детдомах того времени было много.

В поисках съестного мы периодически ходили на фабрику-кухню, где, как правило, питались полицейские. Если повезёт, там можно было съесть несколько ложек оставшегося супа или забрать со стола корку недоеденного хлеба. Это было большим везением. Однако проникнуть в помещение этой столовой было не всегда возможно, поскольку на входе, как правило, стоял человек, следящий за тем, чтобы в столовую не проходили посторонние люди. Но нам это иногда удавалось.

Здесь, в приюте, я встретил девочку, мою одноклассницу, с которой мы учились в 47-й школе. Звали её Лена Врублевская. Была она очень худа и имела все признаки белкового голодания. Она, как и многие другие дети, была вывезена из детского дома в неизвестность. В дальнейшем наши дороги нигде не пересекались.

Недалеко от здания детского дома с одной стороны появилась немецкая жандармерия, а с другой стороны в скором времени образовался полицейский участок.

Однажды утром, когда дети ещё не разбежались по своим ежедневным «делам» в поисках съестного, полиция с немецким офицером вошла в помещение детдома. Все дети были построены, после чего начался расовый отбор. Всех светловолосых, или близких к ним по цвету волос, переместили в одну сторону, темноволосых — в другую. Дальше в отношении темноволосых подростков последовала команда: «Опустить штаны!» После этого мальчиков, у которых было сделано обрезание, отделили и увезли в неизвестном направлении. Под каток расовой чистки, будучи темноволосыми и обрезанными, попали два татарских мальчика. Их увезли, и назад они не возвратились. Такая процедура проводилась и в некоторых других детских домах. Подозрительных детей увозили на комиссию, которая работала в 5-ом детском доме. В случае подтверждения еврейского происхождения детей отправляли в гетто. Как правило, такая

процедура производилась по заявлению руководителя детдома – к сожалению, было и такое. Об этом мне рассказывала женщина с безупречной репутацией – Вера Леонардовна Спарнинг, бывшая в то время заведующей 2-ым детским домом. О ней будет особый рассказ ниже.

Со стороны немцев практиковалось и другое действо. В первые дни оккупации, пока дети были ещё не совсем отощавшими (в тёплый период года столь необходимое нам «дополнительное питание» найти было проще), тех, кто выглядел покрепче, немцы сажали в машину и отвозили в центральный госпиталь. Госпиталь размещался в корпусах довоенного медицинского института (ныне район Белгосуниверситета). Там производился забор крови, после чего нам давали тарелку густого супа, стакан сладкого чая, и отпускали на все четыре стороны. Через всё это пришлось пройти и мне.

Уже начавшая функционировать городская управа, возможно, пыталась улучшить тяжёлое положение детей, но для этого не хватало средств, а скорее всего, и желания, инициативы.

Не знаю, по какой причине, но в этом детском доме на меня обратила внимание пожилая женщина-кастелянша, которая принесла мне старенькое пальто и сносную обувь. Она часто давала мне что-нибудь съестное – кусочек хлеба, иногда даже с кусочком сала (как я в этот момент был благодарен ей и счастлив!), что было весьма кстати, так как иной раз, особенно по утрам, у меня сильно кружилась голова. Я «летал». Растопив печь в своей кладовой и выполнив необходимые обязанности по работе, она, если позволяло время, садилась у протопленной печи, забрасывала туда несколько картофелин, накидывала на плечи старенький, латанный-перелатанный, выдавший виды кожушок и вслух читала Библию.

Была она небольшого роста, худощава, седоволоса, интеллигентна. По моему разумению, ей было, возможно, лет шестьдесят, а может быть,

немногим больше. Когда тебе десять-одиннадцать лет, то возраст старшего человека определяется с трудом. Навык определения возраста приходит вместе с собственным возмужанием.

Как я узнал позже, она читала мне Евангелие от Луки, а также отдельные стихи из Книги Исход. Тогда же, впервые в жизни, я услышал молитву «Отче наш».

Каждый раз при нашей очередной встрече она повторяла эту молитву, просила с моей стороны её повторения, и с тех встреч я запомнил ее.

Зачастую урок, преподаваемый мне, проходил в форме общения. Она задавала мне простые вопросы. Она говорила мне о том, что нехорошо обманывать, воровать, завидовать. Говорила о лени и о других понятных мне пороках. Говорила о любви к людям и о том, что только Господь может спасти нас. Говорила и о других, наиболее важных человеческих ценностях.

После прочтения очередного стиха она поднимала голову, и внимательно смотрела на меня. Морщинистое лицо её при этом разглаживалось и озарялось любовью, лаской и доброй улыбкой. Как правило, после короткой паузы она комментировала этот стих. Следует признаться, что я не всегда был внимательным учеником. Меня тревожил и отвлекал вид и запах пекущейся картошки. Но её беседы запали мне в душу, и я, хоть маленькими шажками, старался следовать принципам Писания, изложенным ею в наших беседах. К сожалению, часто, в силу различных причин, делать это мне не удавалось.

Безмерна моя благодарность этой сердечной, пожилой женщине, которая в то тяжёлое время была ко мне добра, внимательна и всячески поддерживала моё нелёгкое бытие, в чём, безусловно, я так нуждался. Черты лица её, как и моих родных и близких, до сих пор я ношу в своей

памяти. Крохотный огонёк в моем сердце был зажжен. О, если бы можно было бы повернуть время вспять и поклониться в ноги этой доброй и мудрой женщине!

Я уверен, что моя встреча с ней на жизненном пути была не простой случайностью.

Для меня это было вторым свидетельством.

ГЛАВА 4

Первое время я часто прибегал в гости к дяде Артуру. Впоследствии, по мере адаптации к суровой повседневности, а также боясь быть надоедливым, я стал реже бывать у него. При встрече, прежде всего, он меня чем-нибудь подкармливал и неизменно повторял, чтобы я его не забывал. Во время своих посещений я видел, что иногда к нему приходили какие-то люди, и тогда он мягко меня выпроваживал.

Как-то, в середине осени 1941 года, я снова пришёл к нему, но на мой стук никто не откликнулся. Через несколько дней я повторил свой визит. Из его комнаты вышла незнакомая женщина и сказала, что моего знакомого некоторое время назад забрала полиция. Известно, что полиция редко кого-либо выпускала из своих лап. Я сильно переживал по поводу случившегося, но продолжал на что-то надеяться. В течение некоторого времени я периодически навещался по тому адресу, но дядю Артура больше не видел.

Однажды, возвращаясь после посещения дяди Артура, я увидел большое скопление людей на углу улиц Карла Маркса и Комсомольской. Причиной тому, как выяснилось, явилась казнь наших партизан. На груди у каждого из них висела табличка, на которой были написаны два слова: «Я партизан». Партизан повесили. Точно не помню, сколько человек было казнено, но мне кажется, что их было четверо. Люди проходили молча, не задерживаясь. Те, кто был посмелее, проходя мимо, снимали шапки, крестились. Многие не скрывали слёз. В этот день, насколько мне помнится, казнь партизан производилась в нескольких местах города. В этот день были казнены еще трое партизан у проходной дрожжевого завода.

В первую военную осень меня потрясло одно событие, которое я наблюдал в городе. Ранним утром одного дня мы с моим товарищем по приюту Колей Ельцовым пошли на товарную станцию, располагавшуюся рядом с детским домом, в надежде найти что-нибудь съестное. Мы обыскали с десятков товарных вагонов и практически ничего достойного нашего внимания не нашли. Оценив ситуацию, мы решили попытаться счастья на Суражском рынке, где, если повезёт, можно было выпросить или приобрести иным способом яблоко, пару картофелин или ещё что-нибудь съедобное.

Утро того дня выдалось пасмурным, ветреным и холодным. На выходе с бетонного моста, так его тогда называли (это продолжение Московской улицы), мы услышали хлопки одиночных выстрелов и увидели приближающуюся длинную колонну людей.

Это были наши военнопленные. Люди шли молча, спотыкаясь. И по этой причине глухие стоны, редкие проклятия и прощальные выкрики, доносившиеся из колонны проходящих людей, слышались очень явственно. Я смотрел на них и думал, что ещё несколько месяцев тому назад они были боеспособными солдатами, а теперь их куда-то вёл немногочисленный конвой немецких автоматчиков. Некоторые из военнопленных имели явные признаки ранений. Некоторые опирались на плечи своих товарищей. У некоторых не было головных уборов, гимнастёрки были порваны. На многих не было поясных ремней. Несмотря на холодную погоду с практически нулевой температурой, некоторые военнопленные были без обуви. Даже беглым взглядом было видно, что люди были истощены до крайности. Некоторые передвигались, опираясь на палки и самодельные костыли. За колонной следовало несколько больших телег, запряжённых лошадьми. В этих телегах люди лежали вповалку. Были они живы или нет, сказать не могу. В конце колонны,

растянувшейся более чем на квартал, с трудом передвигались больные военнопленные. В окончательно отставших стреляли. Было страшно смотреть, как хладнокровно фашисты убивали людей. Их трупы лежали вдоль обочин Советской и Московской улиц. Моим глазам предстала ужасная и неправдоподобная картина, в реальность которой трудно было поверить. Наша воспитательница рассказывала, что тела застреленных военнопленных убирали люди, пригнанные из гетто.

Мы с Колей Ельцовым молча, в подавленном состоянии возвратились в детский дом и решили дожидаться ржаной обеденной затирки. В этот день мы никуда больше не выходили. Следующую ночь после всего увиденного мы провели без сна.

Немного позже, вспоминая случившееся, я задавался вопросом: «Почему было мало случаев сопротивления?» Обычная картина: большую колонну, в составе которой много сотен человек, вели на работу десятков полицейских или эсэсовцев с собаками. Заключение – наши военнопленные – находились на своей, родной земле. Ну почему было мало попыток самоосвобождения? Почему лагерем в двадцать тысяч заключённых легко управляла эсэсовская администрация в пятьдесят – сто человек, и почти всегда был полный *ordnung*³.

Уже повзрослев, вспоминая подобные эпизоды, я понял, что всё было не так просто, как казалось на первый взгляд. Прежде всего, в таких случаях нужна организация, каковой в колонне случайных людей не было. А от больных, голодных, разобщённых горькой судьбой военнопленных ожидать упорядоченных действий было бессмысленно.

Однажды, в середине осени 1941 года, к детскому дому подъехал кортеж легковых машин. Мужчина и женщина, ехавшие в одной из машин, вышли и в сопровождении высоких офицерских чинов вошли в здание

³ Порядок (нем.)

детского дома. По команде одного из офицеров выстроили всех девочек. Мужчина вместе со своей спутницей осмотрели их. Пройдя несколько раз вдоль выстроенного ряда и указав пальцем на одну из них, женщина о чём-то переговорила с мужчиной, судя по всему, главным из приехавших. После этого они увезли выбранную ими девочку.

Это был верховный комиссар Беларуси гаулейтер Кубе со своей супругой, Анитой Кубе.

В 1995 году я был в областном архиве, где разыскивал документы, касающиеся пребывания в детских домах в период оккупации. И тогда я спросил у служащей архива, известен ли им случай, чтобы из детского дома гаулейтером Кубе и его супругой в качестве прислуги была отобрана девочка? Мне ответили, что такой факт был им известен. Девочка действительно была отобрана в качестве прислуги. В архиве мне назвали имя жены Кубе – Анита. Сказали также, что она была моложе мужа на двадцать лет и добавили, что Анита Кубе на тот момент была ещё жива.

Что касается забранной из детского дома девочки, то работники архива сказали мне, что она проживает в Минске, но на контакт не идет. Никаких претензий к ней со стороны властей не было, добавили они.

Той же осенью 1941 года я стал свидетелем ещё одного трагического события.

Будучи в «походе» за съестным, на Советской улице мы увидели колонну хорошо одетых людей, на одежде которых были нашиты жёлтые шестиконечные звезды. Основу колонны составляли женщины и пожилые люди. Среди них также были дети различного возраста. Многие из конвоируемых женщин плакали. В толпе смотревших на это граждан говорили, что это были евреи, привезённые на казнь из немецкого города Гамбурга. Конвоируемые люди прекрасно понимали, что их привезли не

на прогулку, и живыми из Минска им уже не выбраться. Свои нехитрые пожитки они в прямом смысле волокли по земле. Видно было, что люди находились в глубоко угнетённом состоянии и, следуя дорогой смерти, наверное, уже прощались с жизнью. По бокам колонны шествовали немцы, вооружённые автоматами. Конечно, людей привезли умирать.

Я стоял, смотрел на идущих на смерть людей. Вспоминал то, о чём говорила в наших беседах кастелянша 4-го детдома, и задавался вопросом – почему, с одной стороны, поступая по-христиански, люди порою жертвуют собой, спасая и сохраняя жизнь человеку, даже виновному в прегрешениях? А с другой стороны, по чьему-то приказу они уничтожают сотни, даже тысячи себе подобных, ни в чём неповинных людей? Но тогда ответа не находил.

Зима началась рано. Однажды утром ноября-декабря 1941 года в детский дом ворвались немцы и полицейские, погрузили всех детей в крытые грузовые машины и увезли в неизвестном направлении. Вполне вероятно, что тот холодный зимний день мог стать роковым в моей жизни.

В то зимнее утро, лёжа на непокрытых матрасом досках кровати, я как всегда намял бока. Мне не спалось. За полтора часа до произошедших затем событий, не дожидаясь завтрака, который зачастую мог и не состояться, я решил попытать счастья на железнодорожных путях товарной станции, находившейся рядом с нашим детдомом. Ожидать подвоза «обеденной баланды» не имело смысла. Как только занялся холодный рассвет, я пошёл на поиски «подножного корма», к которому мы относили любое зерно, перевозимое, потерянное и найденное на полу среди песка и пыли в товарных вагонах. На станции, при определённом везении, можно было найти что-нибудь из семян и, в какой-то мере, утолить свой голод, но для этого необходимо было обойти не один вагон. Но утро того дня было крайне неудачным. Товарные вагоны, стоявшие на

станции, как это часто бывало, были чисты. Желудок же не хотел оставаться пустым, и постоянно напоминал о себе. И я решил попытаться счастья в одной из ближайших деревень, расположенных в районе нынешнего аэропорта «Минск-1».

На улице было морозно. Когда я проходил по деревне, на меня, на мою, мягко сказать, не очень тёплую одежду (за которую я, тем не менее, был очень благодарен кастелянше) и изношенную обувь обратил внимание мужчина. Остановив и осмотрев меня, спросил, откуда я пришёл. Услышав ответ, он предложил мне зайти в дом и обогреться. В доме хозяева усадили меня у протопленной печи и предложили миску наваристого супа с хорошим куском хлеба. Пока я ел, хозяева вышли в соседнюю комнату и о чём-то негромко говорили с пришедшей к ним женщиной. Вслед за сытным обедом меня, прислонившегося и согревшегося у печи, быстро сморил сон.

Когда я проснулся, последовали расспросы и мой рассказ о беспризорной жизни. Затем хозяева предложили мне переночевать у них, поскольку на улице уже смеркалось, а мороз крепчал. Я с благодарностью принял это предложение. Меня уложили на лавке у печи. Мир не без добрых людей.

В город я возвратился после полудня следующего дня. В добротной торбе, подаренной мне хозяйкой, лежала булка хлеба-самопёка, нарезанное сало и вареная картошка, уложенная щедрой рукой. Так везло весьма редко.

Возвращаясь, я думал о том, что смогу порадовать голодных товарищей. Но каково было моё удивление, когда я подошел к детскому дому и увидел, что двери были закрыты. Обходя дом вокруг, я надеялся, что попаду туда через чёрный ход. Но, увы, все было надежно заперто. Постучав в двери чёрного хода и парадные двери, я понял, что в доме не

было ни единого человека. Все дети исчезли. Походив некоторое время возле дома, решился побеспокоить соседей и спросить у них о судьбе детей. Один сосед из стоявшего рядом дома рассказал о том, что он видел. Оказывается, детей погрузили в машины и увезли.

Очередную ночь я провёл на товарной станции в выгребном бункере с остывающим шлаком, выброшенным из паровозной топки. Со мною ночь коротали ещё два почти взрослых мальчика лет 14 – 15, с которыми я познакомился. Я поделился с ними щедро уложенными припасами. Они и «открыли» мне ранее неизвестную возможность ночёвки в холодную погоду вне помещения. Благо, было что покушать.

Отвлекусь от своего рассказа. Лет 12 – 15 тому назад в Беларуси была создана Ассоциация бывших воспитанников детских домов. По замыслу, Ассоциация должна была объединить всех бывших воспитанников всех детских домов военного и послевоенного времени.

Председателем Ассоциации был избран Александр Кошевой, бывший тогда депутатом районного совета, которого я хорошо знаю по работе на МТЗ. Для организации нормальной работы Ассоциация разместила объявления в центральных газетах нашей республики.

А. Кошевой передал мне списки детей, находившихся в различных детских домах нашей республики во время оккупации. Эти списки были составлены на основе откликов на объявления и содержали, помимо фамилии, имени и отчества, графу, где респондент указывал период пребывания в детдоме, номер, адрес детдома, а также свой домашний адрес и телефон.

Я провёл поиск по имевшимся в Ассоциации спискам, в которых было зарегистрировано более 3000 детей, побывавших в детских домах Беларуси во время оккупации.

К большому сожалению, ни один человек из тех, кто во время оккупации был в детском доме по ул. Дзержинского, на те объявления не откликнулся. Вполне вероятно, что этих детей фашисты могли просто уничтожить. Я склоняюсь к мысли, что остался в живых благодаря отсутствию в детдоме в то роковое утро.

По предполагаемому факту исчезновения детей детского дома №4 я обращался в Республиканский и областной архивы, но вразумительного ответа не получил. Сотрудница из областного архива сказала мне, что нехватка продуктов питания (в городе в это время было очень голодно) могла стать причиной вывоза детей, возможно, в сельскую местность. На мою ремарку, что впоследствии никто из этих детей не откликнулся на наше опубликованное объявление, ответа не последовало. Она просто пожала плечами.

Установлены факты уничтожения фашистами детей во время оккупации нашей республики.

Так, документально установлено, что в 1942 г. в деревне Домачево Брестского района были уничтожены все воспитанники одного детского дома. Об этом свидетельствует *«Акт об уничтожении детей Домачевского детского дома немецко-фашистскими захватчиками в сентябре 1942 г.»* Акт составлен 25 ноября 1944 года. Копия этого акта имеется в музее Великой Отечественной войны. Память об этом трагическом событии запечатлена также на мемориальной стене в Хатыни.

Весной 2005 года в №98 «Народной газеты» появилась публикация об ещё одной трагедии, произошедшей в белорусской глубинке. Вот её изложение.

В апреле 1942 г. в деревню Дороганово Осиповичского района Могилёвской области фашисты на подводах привезли, а

впоследствии расстреляли больных детей, ранее находившихся в санатории «Крынкi». Прежде чем уничтожить детей, фашисты превратили санаторий во временный концлагерь, и использовали детей на тяжелых работах. Всего в деревне Дороганово было расстреляно 82 ребенка, от дошколят до подростков. Были также расстреляны двое взрослых: врач-рентгенолог и фельдшер, сопровождавшие этих детей.

Вот ещё один факт умышленного убийства детей фашистами на территории Беларуси. Публикация появилась в №44 газеты «Аргументы и факты» за 2013 год. Её дословное изложение приводится ниже.

Детей тоже убивали. Подобные преступления были направлены на больных людей, невзирая на их возраст. За годы оккупации нацистами осуществлялась эвтаназия, как взрослых, так и детей. Трагический пример – убийство 144 маленьких обитателей Червенского детского дома. Такая программа представлялась убийцам наиболее гуманной. VII военное управление фельдкомендатуры 812 (г. Минск) со злорадным упорством добивалось уничтожения больных детей в течение восьми месяцев. Но даже у бывалых палачей из руководства айнзатцгруппы В не хватало духу сделать это беспрекословно. Как известно из архивных материалов её командир в ответ на подобные требования докладывал, что вследствие большой загруженности немедленная ликвидация не представляется возможной.

Полтора года спустя после вывоза детей из детского дома, находившегося по улице Дзержинского, городской управой был образован другой детский дом, получивший также номер 4. Вновь созданный детский дом располагался по Красноармейской улице или Газетному переулку.

Этот дом, однако, ничего общего кроме номера с детским домом, находившимся по улице Дзержинского, не имел. Судя по спискам детей, предоставленным мне Ассоциацией, комплектование этого детского дома началось в конце 1942 года.

Впоследствии, ещё во времена оккупации, я встречался с детьми вновь образованного детдома №4. Многие из них в начале 1943 года были переведены в детский дом №2. Никто из этих детей в детском доме по ул. Дзержинского не был.

Уже спустя несколько десятилетий, имея на руках списки откликнувшихся респондентов (списки существуют и сегодня), я переговорил с каждым из тех, кто указал, что находился во вновь созданном детском доме №4. По итогам этой проверки выяснилось, что ни один из опрошенных детей в детском доме по ул. Дзержинского не был. Куда делись дети, неизвестно. Не хочется предполагать то худшее, что могло произойти.

Оставшись зимой без крыши над головой, недолго думая, я решил пойти в 5-ый детский дом, известный мне как приемник-распределитель. После объяснения уже знакомому воспитателю сути моих приключений и короткого нравоучения с его стороны, я был повторно принят в этот детский дом.

Дети в то время часто перебегали из одного детского дома в другой по различным причинам. Понимающий ситуацию руководитель приюта принимал это за неизбежное и вносил нового «постояльца» в списки вновь оказавшихся у него детей, оставляя последующее оформление за собой. Так, например, всегда поступала заведующая детским домом №2 Вера Леонардовна Спарнинг, о чем она мне лично рассказывала.

ГЛАВА 5

В декабре 1941 года меня с группой детей направили в детский дом посёлка Дрозды, находившегося тогда за городской чертой. В этом детском доме я пробыл считанные дни, и в короткой биографии только упоминал о нем, без подробностей.

Этот детдом располагался на площадях пионерского лагеря, бывшего там до войны. Все его постройки были летнего, в лучшем случае осеннего типа, и по причине отсутствия печей не предназначались для содержания детей в холодное время года.

Зима же 1941 года была чрезвычайно холодной. Температура часто опускалась ниже 25 градусов мороза, а отопление было установлено в одном или в двух помещениях. Температура в домиках, в которых мы жили, была почти нулевой. Согреться можно было только днём у костра. Появились первые обмороженные. Многие дети были больны. Спали в зимних пальто, если таковые имелись; обувь не снимали. Порою за всю ночь невозможно было согреться. Это был не сон, а забытие. В жилых помещениях лагеря было много голодных крыс, и многие дети были ими покусаны. Подсобного хозяйства детдом не имел.

Тёплые вещи детям обещали привезти, однако скоро об этом забыли. Все оказались абсолютно незащищёнными перед наступившими холодами. Ветхая одежда и обувь в сильные морозы приводили к частым обморожениям. Были случаи серьёзного обморожения. Так, один из «воспитанников» детского дома Геннадий Босов в зиму с 1941 на 1942 год отморозил пальцы обеих ног. После этого попал в 3-ю клиническую больницу к профессору Клумову, где парню ампутировали третью часть стопы на каждой ноге. Вместо стоп у него были сформированы культы. С

тех пор с чьего-то «лёгкого» языка он получил кличку «Куксатый». Впоследствии мы вместе с ним находились в детском доме №2.

Вот что отметил инспектор детских домов И.С. Коньков, проводивший инспекцию зимой 1942 года.

Дети в детском доме ослаблены от голода и холода. Сегодня в детдоме имеются дети со следами голодных отеков и с обморожением конечностей. Одежда и обувь детей порваны, подошва укреплена проволокой, ширинки без пуговиц... Проводить какую-либо работу с ними невозможно. Один внешний вид мог взволновать «душу дзікуна, а не выхавацеля»...

В окрестностях Дроздовского приюта валялось много оружия, и дети, случалось, находили действующие образцы винтовок, патроны к ним и даже пистолеты, которыми в нарушение всех правил безопасности баловались. Попадались и гранаты, которые мы обходили стороной. Такое баловство ни к чему хорошему не приводило. Дикий случай произошел в конце сентября 1941 года. Вот как описывает случившуюся трагедию её свидетель Ф.Сорин.

В это время я с Витей Панфиловым находился в изоляторе по случаю сильной простуды. В тот злосчастный день Витя Панфилов, которому едва исполнилось 10 лет, пригласил меня к себе в комнату посмотреть на найденный вместе с Витей Горлановым наган. В комнате находился родной брат Вити Олег Горланов. Витя Панфилов попросил, чтобы я закрыл дверь на крючок, и стал показывать мне свою находку. Был этот наган вороненый с коричневыми щеками на рукоятке. В это время я сидел на подоконнике, свесив ноги на стоящую внизу табуретку, а Витя Панфилов сидел за столом лицом к двери. Он вынимал патроны из

барабана. Потом еще что-то делал. В это время мимо окна прошел Витя Горланов с тарелкой баланды, которую он нёс своему брату Олегу. Тарелку он нёс в двух руках, держа ее перед собой. Я потянулся к двери, сбросил крючок, толкнул дверь от себя и увидел входящего в коридорчик перед комнатой Витю Горланова. Я повернулся, чтобы вновь усесться на подоконник и краем глаза увидел, что Витя поднял наган и направил его в створ двери. И одновременно раздался хлопок. Я был уверен, что Панфилов очень сильно стукнул либо ногой по полу, либо рукой по столу. Садясь на подоконник, я увидел стоящего в проёме Витю с тарелкой в руках, но в следующий момент тарелка выскользнула из его рук, а он как-то медленно начал валиться назад и упал на спину. Мы бросились к нему. Из головы сочилась кровь, но немного. В. Панфилов с криком «Что я наделал! Что я наделал!» схватил стоявший на столе графин, стал лить воду на его лицо, не переставая кричать диким криком. Затем схватил наган и бросил его под матрас кровати. Поглядел по сторонам ужасным взглядом, прыгнул в окно, и убежал в поле. Что было потом, помню смутно. В комнате появились два полиция. Нас коротко опросили. Витю унесли.

Так случайным выстрелом один мальчишка застрелил другого. Подтверждается старая истина – человек, взявший в руки оружие, становится потенциальным убийцей.

Когда я оказался в Дроздовском приюте, у всех на устах был случай гибели достаточно взрослого, по нашим меркам, подростка (14 – 15 лет). Мальчик этот стрелял из найденной винтовки в сторону овсяного поля, расположенного неподалёку от детдома. В процессе этого баловства он был застрелен немецким патрулём.

Был в детском доме случай пропажи семилетней девочки. Все всполошились, искали её, поскольку такого возраста дети из детского дома

не убегали. Спустя 10 дней её нашли в речке, протекавшей недалеко от детдома.

Кормили нас не лучше, чем в детском доме №4 г. Минска. В Дроздах перед приёмом пищи дети в нетерпении собирались перед закрытыми дверьми столовой. Первыми у закрытых дверей всегда стояли старшие, подростки лет четырнадцати – пятнадцати. Они же первыми врывались в столовую и, пробегая мимо тарелок, «выуживали» руками видимую в супе картошку. Что касалось кусочка хлеба весом не более 60 – 80 грамм, то его раздавали сидящим детям прямо в руки.

Возле костров обогревались, варили картошку в консервных банках, зачастую примороженную. Такая картошка после приготовления издавала весьма неприятный запах, не разваривалась и была твёрдой со сладким привкусом. Тут же у костров сушили свои лохмотья. За разведение костров нам крепко доставалось. Но дети уходили подальше от лагеря и продолжали нарушать запрет.

Плохое снабжение продуктами питания, вынуждало детей проявлять о себе индивидуальную заботу. То небольшое количество продуктов питания, которое предоставлялось местной администрацией для питания детей, было явно недостаточным, и дети занимались традиционным для нас выпрашиванием милостыни в окрестных поселениях. Кроме этого, как и во всех детских домах того времени, дети занимались воровством.

В Дроздах при удобном случае тащили из незапертых сараев селян всё, что попадало под руки – от картошки, брюквы, бураков до садового инвентаря. Инвентарь, украденный в сарае в одной деревне, обменивался на какие-нибудь овощи или продовольствие в другой. Иногда дети попадались на воровстве. И, как правило, были биты.

Недалеко от Дроздов располагался лагерь, где содержались наши военнопленные, а рядом, в рабочей зоне, они же трудились на заготовке строевого леса. Кормили их, конечно, плохо, и при таком питании заставляли много и тяжело работать. Мы, видя их состояние, старались по мере наших возможностей как-то облегчить их участь и бросали им через ограждение то, что от случая к случаю перепадало в наши руки: брюкву, бураки, картошку.

Некоторые охранники, стоявшие на вышках, молчаливо и равнодушно взирали на это действо, некоторые грозили кулаком или хватали винтовку, демонстративно направляя ствол в нашу сторону – тогда мы, конечно, сломя голову разбегались.

До сих пор в моих глазах стоит картина каторжной работы заключённых, когда 15-20 военнопленных тащили телегу, груженную спиленным лесом. У каждого из заключённых была перекинутая через плечо веревка, и таким образом, подобно бурлакам на Волге, они волокли нагруженную телегу. Их сопровождали автоматчики, подгонявшие людей, как скотину. Порой из лагеря военнопленных доносились выстрелы.

Однажды мы стали бросать имевшуюся у нас на тот момент картошку военнопленным, возвращавшимся с работы. Голодные люди пытались её подобрать, но охранники стали избивать их прикладами. Двое из охранников стали стрелять в нашу сторону, и мы разбежались. Охрана военнопленных производилась белорусскими полицейскими, и я, с высоты прожитых лет, думаю, что не все из них были способны на убийство ребёнка.

После этого инцидента мы изменили тактику. Когда не было осадков мы, зная где работали военнопленные, выкладывали на пути их следования то, что было нами добыто: печёную или сырую картошку, брюкву и всё

остальное, что могло быть съедено, и были весьма рады, когда видели, что цель была достигнута.

Заведующим детским домом в Дроздах был Беззубенко – человек, который насаждал «порядок» в детском доме отнюдь не педагогическими методами. Малейшее замеченное отклонение от установленных им порядков вызывало в нём сильное возмущение, и за ним следовало наказание «провинившегося». Рукоприкладству подвергались многие дети. Однажды заведующий сильно избил детдомовца Ваню Богданова, оставив на его теле многочисленные отметины. Наказание последовало только за то, что в карманах у мальчишки была обнаружена недопеченная картошка, которую тот по какой-то причине не успел довести до готовности и кушал практически сырой. Жена Беззубенко (она была врачом детдома) случайно увидела следы этих побоев – не только на теле, но и на лице, – узнала их причину, после чего устроила мужу скандал. Об этом Ване рассказала рабочая кухни, оказавшаяся случайным свидетелем этого скандала.

Вместе с Ваней Богдановым мы впоследствии находились во многих детдомах города, и сегодня поддерживаем тесную дружбу. Что касается Беззубенко, то в 1942 году он ушёл к партизанам. Не знаю, каким он был партизаном, но Макаренко из него явно не получился. Позднее, в 1943 году, стало известно, что за связь с партизанами врач детского дома была арестована фашистами. Дальнейшая судьба этой женщины неизвестна, но по слухам, её казнили.

Однажды, вблизи железной дороги, дети обнаружили уложенные в ряд и присыпанные снегом десятка два мужских трупов. Почти все из них имели привязанные к большим пальцам ног бирки, где были написаны, по-видимому, сведения об умершем или убитом человеке.

Вот что вспоминает бывший детдомовец Ф. Сорин, увидевший однажды процесс казни наших людей – советских военнопленных.

В начале осени 1941 года, ближе к вечеру, мы с товарищем возвращались с «жаброуки». Проходя мимо карьера, который находился недалеко от бывшего черепичного завода, услышали выстрелы. Подобравшись поближе, мы увидели страшную картину расстрела людей. Это были наши военнопленные. Страшная картина. Увидев такое, ночь не спали.

С первых дней нахождения в этом детском доме я был уверен, что моё пребывание там будет недолгим. Так оно и оказалось в действительности. Основной причиной этому явилось то обстоятельство, что там, в Дроздах, условия «приобретения дополнительной пайки» были существенно затруднены, прежде всего, потому что было ограничено поле нашей деятельности. Видя нас проходящими по деревне, некоторые крестьяне демонстративно закрывали калитку, а ходить в далеко расположенные деревни мы не могли по многим причинам.

После нескольких дней пребывания в этом детском доме, быт которого был весьма проблематичным, я увидел складывавшуюся ситуацию, понял, что предстоявшая зима в Дроздах ничего хорошего не сулила, и решил при удобном случае податься в город. Нас – ребят, желавших совершить «побег» – было трое, и мы жили в одной палате. Однажды, дождавшись благоприятной погоды, мы решили податься в Минск.

Неожиданно, узнав о нашем решении, к нам присоединился четвёртый мальчик, проживавший в соседней палате, которого я не знал из-за кратковременного нахождения в этом детском доме.

Решение об уходе из Дроздов не было спонтанным, и во второй половине дня мы, не мешкая, покинули наше негостеприимное прибежище.

Одного моего попутчика звали Витей. Жил он в деревне неподалёку от Минска у дальних родственников и по какой-то причине потерял с ними связь. Мальчик он был своеобразный. Его худоба и прирожденная сутулость, а также присущий ему артистизм, виртуозно используемый им в своих просьбах о милостыне, его жалобный и неповторимый тембр голоса, его согбенная фигура – всё вызывало щемящее чувство жалости и сострадания к нему. В искусстве обратить на себя внимание он мог дать фору даже профессиональному актёру или любому нищему, просящему милостыню. Кличка у него была соответствующая его тогдашнему образу – «Дед-Капшук».

Как и откуда прилипла к нему эта кличка – не знаю, но, тем не менее, мальчиком он слыл добрым и делился со всеми тем, что имел, даже последним куском.

Вторым моим попутчиком был мальчик года на два старше нас. Звали его Женья. Фамилии не помню. Был он хорошо развит физически, начитан. Знал много интересного и не давал нам скучать во время нашего перехода.

Четвертым, неожиданно присоединившимся к нам попутчиком был Ваня Богданов, с которым до нашего перехода я вообще не был знаком. Пути наши за то короткое время, что я находился в Дроздах, нигде не пересекались. О том, что зовут его Ваней, я узнал только по дороге в Минск.

В скором времени наступили сумерки. К вечеру похолодало. Чтобы не замёрзнуть, мы старались, насколько позволяли силы, идти поскорее. Дорога до Минска была лесная. Мороз крепчал. Небо было чистое, усыпанное звёздами. Стояла полная луна. Лунный свет, освещая ели, отражался и создавал феерическое зрелище. Казалось, что на обледеневших ветвях были развешано множество звёзд, и сам Господь, способствуя нашему переходу, освещал нам путь.

Без приключений добрались до Суражского базара, который в те времена находился недалеко от товарной станции. После недолгих размышлений Витя предложил нам знакомый ему, уже испытанный и мною «способ ночлега» в выгребном бункере, каковых на товарной станции было шесть или восемь. Ваня решил пойти в известный ему 5-ый детский дом, в котором провёл не один год жизни. Что касается Жени, то он сказал, что переночует у знакомых. А я решил переночевать в выгребном бункере. Идти в пятый детдом я не захотел по той причине, что в третий раз попадать туда за столь короткий промежуток времени мне было просто стыдно. И я последовал приглашению Вити.

Выбрав на станции бункер с подходящей поверхностной температурой шлака, мы с «комфортом» устроились на ночлег. Долго не удавалось уснуть. Нагревалась та часть тела, которая соприкасалась с остывающим, но еще тёплым шлаком. Противоположная же часть тела замерзала раньше, чем нагревалась другая. И это заставляло нас постоянно крутиться на острых шлаковых выбросах.

Утром, «пошарив» по Суражскому рынку, мы добыли несколько примороженных яблок и, по предложению Вити, пошли в восьмой детский дом, который Витя ранее уже «освоил» в качестве воспитанника. Детский дом находился по улице Свердлова.

Здание, в котором располагался восьмой детдом, находилось с правой стороны нынешнего главного корпуса Белорусского технологического университета. Это кирпичное здание существует и теперь. Сегодня там размещается лаборатория кафедры машин и механизмов. В этом здании раньше располагался 8-ой детский дом, в котором Витя провёл некоторое время. В 1975 году по служебным делам я побывал в этом здании; внутренние помещения его были уже перестроены.

Накануне описываемых событий дети детдома №8 были распределены по другим детским домам, поскольку во всём комплексе этих зданий не работала система центрального отопления, и в помещениях стояла отрицательная температура.

О расформировании детдома мы узнали от женщин, ранее работавших в нём, задержавшихся там по какой-то причине. Эти женщины дали нам по кусочку хлеба и напоили кипятком; утром следующего дня, после ночёвки вповалку, одна из них отвела нас в детский дом №3. Сопровождавшая нас женщина велела нам подождать и через короткое время вернулась вместе с пожилым мужчиной. Дед Кисель – так его звали. Как оказалось в дальнейшем, этого человека дети любили и даже обожали за его доброту и за его отношение к сиротам. Дед Кисель отвёл меня с Витей в палату.

Так, после кратковременного перерыва, я вновь оказался в Минске.

ГЛАВА 6

В палате, где нас поселили, проживало четыре человека. Кроватей было восемь или десять, количество проживающих детей часто менялось, поскольку ребёнка иногда находили и забирали из приюта родные или близкие люди; порой дети просто убегали из детского дома, особенно летом.

Спустя несколько дней после нашего прихода в детдом в палату вбежал Витя. Лицо его светилось от радости. Он тут же сообщил, что в коридоре стоит Ваня Богданов. Конечно, я был рад этой встрече. По просьбе Вани, знавшего Деда Киселя ещё с довоенного времени, мальчика поместили в нашу палату.

Тут, в приюте, я близко познакомился и долгие последующие годы общался с Ваней – сыном репрессированных родителей, мальчиком, не помнившим материнской ласки, проводшим большую часть своей короткой жизни в детских домах. О том, что его, четырёхлетнего ребенка, привезли какие-то военные, ему поведала воспитательница, принявшая в своё время мальчика. Случилось это, когда Ване было уже восемь лет, перед его переводом в детский дом №5.

Вот история, которую Ваня (Иван Иванович Богданов) мне рассказал.

1930 года рождения, в 1934 году он оказался в детском доме №3, находившемся тогда на улице Юго-Западной (ныне – ул. Козыревская). Своих родителей он помнил весьма смутно. В детский дом Ваню привезли военные. По воспоминанию няни, принявшей ребенка, это были работники ГПУ.

В довоенное время это был дошкольный детский дом. Детей, достигших восьмилетнего возраста, переводили в подростковые детские

дома. Одним из них был детский дом №5, располагавшийся по улице Торговой. Туда были переведены Ваня и его товарищ по детскому дому Николай Вовна. С Ваней и Колей я впоследствии побывал в нескольких детдомах.

До войны, будучи в этом детском доме, Ваня окончил три класса специальной общеобразовательной школы, одновременно он и Коля окончили три класса хореографического училища при театре оперы и балета. В 1940 году Ваня и Коля были участниками 1-ой Всебелорусской декады искусств, проходившей в Москве. На этой декаде Белорусский театр оперы и балета был награжден орденом Ленина за развитие театрального искусства в стране.

В первые дни войны, после интенсивной бомбёжки, было принято решение об эвакуации детей детского дома №5. В одну из ночей детей выстроили и увели из города. Через несколько дней дети оказались в деревне Дукора, недалеко от Минска. После прихода немцев часть детей по неизвестным обстоятельствам возвратили в Минск. Спустя некоторое время их отправили в детский дом деревни Дрозды, откуда впоследствии и был совершён наш групповой «поход» в Минск, после которого Ваня, уже во второй раз, оказался в детдоме №5.

Тёмными зимними вечерами, в отсутствии освещения, сидя на кроватных тюфяках – матрасах, жидко набитых соломой – мы беседовали «за жизнь». Дружба эта, можно сказать, прошла через всю нашу жизнь. Тут, в Козыревском приюте, мы с Иваном встретили новый 1942 год.

Впоследствии мы с Ваней были и в других детдомах города. После моего возвращения из Германии мы встретились с ним в детдоме №12 г. Минска, откуда в сентябре 1946 г. ушли служить в школу юнг Балтийского флота.

Через некоторое время к нам присоединился Женя, который ушёл от своих знакомых. Причина он объяснил так: «Семья бедная, не хочу быть нахлебником». Он был старше нас года на два, а может быть, и на три. В Минске он занимался в каком-то училище. С началом войны их не успели эвакуировать, а с приходом немцев, после организации управы, человек восемь или десять его соучеников направили в детский дом №5, а позже, осенью, в Дрозды, где мы и встретились.

В нашей палате проживал мальчик, наш ровесник, накануне войны выехавший из северной части России, кажется, из Мурманска. Звали его Артём. Он был отправлен в Беларусь родными на оздоровление. 24 июня Артёма должны были встретить в Минске. Но поезд в Минск не пришёл. Встреча не состоялась. Минск уже сильно бомбили, в связи с чем состав задержали под Минском. В город мальчик попал недели на две или на три позже. Разыскав с помощью граждан указанный адрес, он не увидел не только дома, но и улицы. Вокруг были только обгоревшие стены. А дальше – известно: базары, выпрашивание милостыни, воровство. В конце августа и в сентябре ночи были уже прохладные, а ночевать приходилось где повезет. Артём был очень худым, и когда он, будучи в Козыревском детском доме, снимал с себя нижнее белье, то весь его позвоночник и рёбра могли служить наглядным пособием по изучению человеческого скелета.

«Случалось так, что за всю ночь невозможно было согреться. В хорошую погоду приходилось ждать восхода солнца. Ну, а если погода была плохая, необходимо было двигаться, а сил для этого не было никаких», – рассказывал Артём.

В один из голодных дней Артём на Червенском рынке таскал яблоки из мешка, стоявшего на крестьянской телеге. Увидев это, хозяин схватил его за шиворот, ударил, стал трясти и кричать на весь рынок, что поймал

вора. Вокруг собралось много чем-то обиженных людей, готовых «почесать кулаки». Слышалась ругань и выкрики: «Надо дать ему как следует, чтобы другим неповадно было!» Толпа гудела, и казалось, что в пьяном угаре она разорвёт мальчика. Но вдруг раздался женский голос: «Мужики! Как вам не стыдно! За пару яблок вы готовы убить сироту! Побойтесь Бога и отпустите малыша!» Женщина смело прошла сквозь толпу людей, окруживших повозку; яблоки, взятые у мальчика, положила обратно, что-то шепнула «обиженному хозяину», и, взяв мальчика за руку, увела с собой.

Эта женщина оказалась нянечкой, бывшей работницей Козыревского детского дома. Обо всем об этом нам поведал Артём.

Небольшой коллектив нашей палаты оказался на редкость дружным и сплочённым. Мы, дети примерно одного возраста, уже тогда усвоили одну простую истину – в сплочённом коллективе легче выжить. Зимой все ребята, исключая Артёма, по мере своих возможностей ходили на «заработки» Всё, что удавалось заполучить в течение дня, распределялось между нами. Таков был негласный закон детей нашей палаты.

С болью вспоминаю о трагической судьбе ещё одного мальчика проживавшего в нашей палате. Звали его Алексей Казаков. Всегда весёлый, искромётный, душа нашего небольшого коллектива, никогда и ни при каких условиях он не унывал. О таких в народе говорят: «На нём шкура горит». Его история проста и печальна.

Перед началом войны воспитанники детского дома №4 были вывезены на летний отдых в окрестности деревни Талька. В этих живописных местах было ещё несколько лагерей, куратором которых являлся горно⁴. С началом войны лагеря, в которых находились дети из общеобразовательных школ, были своевременно и организованно

⁴ Городской отдел народного образования

эвакуированы, а о лагере детдома №4, как и о некоторых других, просто забыли. С началом войны в Минск уехали помощники воспитателей – комсомольцы, привлечённые из рабочей среды в качестве помощников. За ними потянулись и воспитатели. Продукты закончились. Лагерь остался с одной воспитательницей. Тогда Алексей сам подался в Минск. А дальше всё шло, как по расписанию: базары, попрошайничество и всё, что за этим следовало. В середине лета, при попытке украсть на рынке из кармана кошелек, он попался и был препровождён в полицию, где его избили и отправили в детдом №5, а затем в Козырево, в детдом №3. О трагической судьбе Алексея я расскажу позже, по ходу повести.

В нашей палате находились ещё два мальчика, двоюродные братья: старший, 12-летний Николай и младший, 10-летний Аркадий. Проживали они в соседних деревнях.

В деревне, где проживал младший из братьев, неизвестно кем был убит фашист, после чего в эту деревню внезапно приехала зондер-команда (подразделение с особыми полномочиями). Ею было расстреляно несколько семей, в том числе и семья Аркадия. Самому Аркадию удалось скрыться, и после гибели родственников он ушёл в соседнюю деревню к родным отца. Отец Николая в первые дни войны ушёл к партизанам, а его мама была связной в том же партизанском отряде.

Беда не ходит одна. Однажды мама не возвратилась через оговоренное время. Спустя двое суток она также не появилась. На третьи сутки её, подорвавшуюся на mine, нашли партизаны.

В начале 1942 года осиротевших мальчиков привёл в детдом бывший его воспитанник, шестнадцати–семнадцатилетний парень Семён Кособуцкий. Он попросил хорошо знакомую ему няню опекать ребят. Семён Кособуцкий в своё время также был воспитанником третьего и пятого детских домов. Тогда в Козыревском детдоме вновь встретились

бывшие детдомовцы, Иван Богданов и Семён Кособуцкий, будущий партизан.

Коля и Аркадий Жучкевичи были хорошими ребятами, немножко стеснительными, что присуще детворе, выросшей в деревне и вдруг оказавшейся в многолюдной, незнакомой среде; но вскоре это прошло, и они ничем уже не отличались от своих сверстников.

Мы сравнительно легко освоились в этом детском доме. Сделать это было не очень сложно, поскольку многие дети, из-за постоянной миграции, уже были знакомы между собой. Что касается моей обуви, то этот переход она ещё выдержала, но на большее способна не была.

Быт сиротского дома №3 мало чем отличался от того, что я видел в других детских домах. На завтрак, который, как и в других детдомах, был не каждый день, нам давали ложку пустой каши и кусочек хлеба, испечённого неизвестно из какого злака. На обед в качестве первого блюда (а оно было и вторым) нам давали черпак варева, представлявшего собой похлёбку на воде, в которой не было ничего, кроме примороженной, дурно пахнущей, не разварившейся картошки или брюквы и плавающей шелухи от злаковых культур, которую мы называли «остюками». Суп-кондер – так мы называли это варево. Это было нашим обедом. Но даже черпак такого супа с кусочком хлеба не более 50 – 70 гр. дети почитали за благо.

По поводу обеденного супа в ходу был не хитрый детский слоган:

*Остюки с дубинкой,
Бегут за крупинкой,
Ты попробуй их поймай,
Только ложку не сломай.*

Получив небольшую пайку хлеба, дети прятали её в карман и, чтобы продлить удовольствие, в течение какого-то времени, по маленькой

крошке отщипывали от этого кусочка, бормоча нехитрый, неведь откуда взявшийся стишок:

*Чик-чирик, чик-чирик,
Маленькая птюшка,
Чик-чирик, чик-чирик,
Птюшка без добавки.*

На детдомовском сленге «птюшка» – маленькая порция хлеба. Особенно часто эти немудрёные слова повторяли младшие дети.

Вот, что вспоминает Лариса Лозовая, 1938 г.р., бывшая воспитанница детдома №3 (проживает в Москве).

Мы были постоянно голодными и раздетыми... Ступни ног были с трещинами. За мной на полу во время ходьбы оставались следы крови. На правой руке с внутренней стороны у меня что-то делали, остался рубец с того времени. Позже на этой руке удалили опухоль. Нас заставляли подолгу сидеть на судне. Из меня выпадала прямая кишка, я ложилась на пол и сама заправляла ее назад. Хорошо помню двух мальчиков: Эрика и Юру. Они не могли ходить и даже стоять на ножках. Я становилась на карачки и перевозила их из спальни в комнату. У них было ночное недержание мочи. Летом мы ели траву и цветки во дворе. Всегда были голодными. Когда я пошла в школу, то меня освободили от письма, потому что у меня дрожали руки, и я осталась на второй год. После детского дома я несколько лет лечилась у невропатолога. До сегодняшнего дня меня мучают головные боли. К сорока годам я потеряла все зубы. Часто случаются нервные срывы.

Температура в нашей палате во многом зависела от температуры внешней среды; при сильных морозах холод чувствовался во всём организме. Печь топили с утра, и к ночи тепло едва сохранялось. Палата

наша была своеобразным культурным центром для детей среднего возраста. Некоторые наши ребята обладали музыкальным слухом. А начитанный Женя мог рассказывать интересные истории. Когда ребятам удавалось дополнительно перекусить, как мы говорили, «заморить червячка», то в тёмные зимние вечера мы начинали петь. Пели песни, различные по жанру, среди которых были и блатные, такие как «Мурка», «Гоп со смыком», «Кофточка» и другие. Но начинали мы свой вечер и заканчивали его жалостливой песней «Позабыт, позаброшен». Песня эта родилась в середине двадцатых годов прошлого столетия. В предвоенные годы она прозвучала в фильме «Путёвка в жизнь», где повествовалось о детях-сиротах, потерявших родителей во время гражданской войны. Сегодня эта песня с успехом исполняется Жанной Бичевской. Возможно, сюжет этой песни напоминал каждому из детей его судьбу, его трудную долю. И ведь каждому ребенку хотелось чуть-чуть любви, которой они были обделены, немного внимания и самую малость жалости. Дети, услышав знакомый мотив, брали с собой одеяло, приходили к нам, усаживались поплотнее и слушали песню, тайком вытирая скупую слезу.

Привожу наш детдомовский вариант песни из кинофильма «Путевка в жизнь».

*Там, в лесу, у рябины,
Громко пел соловей,
А я, мальчик из приюта,
Позабыт у людей.*

*Позабыт и заброшен
С молодых юных лет,
И мальчонке из детдома
Счастья в жизни все нет.*

Я, мальчишка, в приюте

*Уже месяц живу,
А родной уголочек
Я никак не найду.*

*Часто мне доводилось,
День без хлеба прожить,
А ещё на морозе
Тёмну ночь проводить.*

*Вот и холод, и голод,
Он меня изморил,
А я, малый подросток,
Это всё пережил.*

*Вот нашел уголочек,
Да и тот не родной,
Я сижу за решеткой
А фашист за спиной.*

*Привели, посадили
Я-то думал, шутя,
А они вдруг сказали:
— Расстреляем тебя.*

*Вот убьют, и умру я,
Похоронят меня,
И никто не узнает,
Где могила моя.*

В один из холодных зимних дней пошёл на поиски съестного Женья. Ушёл и больше не вернулся. Мы, дети нашей палаты, жалели об уходе Жени из нашего коллектива. Он был нашей защитой от тех, кто желал поживиться за счёт чужого труда. Все мы надеялись на лучшее, на то, что его приютили родные.

Однажды, в середине зимы 1942 года, выпросив на время у своего товарища галоши (моя обувь была уже совершенно непригодна), укутав ноги онучами и подвязав покрепче отстававшую подошву проволокой, я пошёл на поиски съестного.

В конце улицы Маяковского я вошел во двор одного дома, калитка которого оказалась незапертой. Я постучал в дверь добротного жилища. Постучал второй и третий раз – безрезультатно. Не получив ответа, я отворил дверь и громко попросил милостыню. В ответ – молчание. Пройдя сени, я вновь громким голосом попросил милостыню. На мою просьбу никто не откликнулся. Повернув направо, я оказался на кухне. И тут меня привлёк запах свежего, как оказалось, недавно испеченного хлеба.

На столе я увидел нечто, покрытое белым полотенцем. Отбросив полотенце – о, чудо! – я увидел полбулки настоящего хлеба-самопёка (так мы называли хлеб, испеченный в домашних условиях). Схватив хлеб, я запихнул его в сумку-торбу, подаренную мне добрыми людьми, и пошёл к выходу.

Я уже почти прошёл сени, как что-то заставило меня остановиться. Несмотря на опасность быть застигнутым на воровстве, я решил вернуться в дом и направился ко второй двери, как мне казалось, ведущей в комнату. Чем я руководствовался, не знаю. Рассудок мой был отключён.

Открыв дверь и отодвинув занавеску, я вошёл в комнату и увидел спящего мужчину. На столе стоял ряд пустых бутылок, покрошенный лук, банка с мочеными яблоками, тарелка с кусками нарезанного сала и ещё что-то. Воздух был насыщен тяжёлым духом самогона. Остро пахло кислой капустой и луком. Моё внимание привлекло сало, на детдомовском жаргоне – «бацилла». Этот был желанный для голодных детей продукт, которого многие из нас не видели много дней.

В тот момент я не помнил ни одной заповеди, о которых мне говорила кастелянша 4-ого детдома.

Собрав с тарелки всё сало, я уложил его в сумку и направился к выходу. Внезапно в углу, у стены рядом с дверью, я увидел стоявшие на полу немецкие сапоги с широкими голенищами из толстой кожи, а рядом – небольшого размера стёганные бурки с одетыми на них глубокими галошами. Выше, на крючке, висела чёрная униформа, рукав которой был «украшен» белой нарукавной повязкой. Полицай!

Не рассуждая и не думая о последствиях, я взял бурки, запихнул их в торбу, прикрыл все двери, вышел из дома и покинул двор. Всё это я проделал в полнейшем спокойствии духа, хладнокровно, скорее даже бессознательно. Я действовал подобно сомнамбуле.

Всё, что я делал, всё, что я видел в доме, всё, что со мною происходило в действительности – мне казалось, что всё это происходило не со мною. Я видел себя как бы со стороны. Только на обратной дороге, подходя к детдому, я понял, как и чем я рисковал.

То, что я «случайно» приобрёл обувь, безусловно, сыграло положительную, не побоюсь утверждать, даже знаковую роль, и не только в моей жизни, но и в жизни других детей. Благодаря «приобретению» этой обуви, мои друзья могли пополнять свой скудный рацион куском выпрошенного хлеба, картофелиной или чем-либо ещё. Имея хорошую по тем временам обувь, я не сидел в холодной палате постылого дома, а старался раздобыть что-нибудь из съестного для себя и для своих товарищей по несчастью. Обувь эта настолько интенсивно использовалась, что к середине весны от нее остались одни лишь воспоминания.

Эпизод с обувью в моей детской жизни является наиболее важным. Это произошло не случайно. На всё Божья воля. Это был подарок судьбы.

Завхоз детдома по прозвищу Дед Кисель один или два раза в неделю привозил в детдом пищевые остатки из какой-то столовой, что являлось небольшим подспорьем для малышей. Детей постарше Дед Кисель не подпускал к привезённой ёмкости. И тогда малыши консервными банками вычерпывали содержимое привезённого бачка. И тут же, не отходя от бачка, поедали содержимое. Они тоже боролись за жизнь, которая в этих условиях практически никем не была защищена.

В Козыревском приюте, как и во многих подобных заведениях, была полнейшая антисанитария. Никто и никогда, кроме нас самих, не производил уборку в помещениях. Постельных принадлежностей, как таковых, в приюте вообще не существовало. Чесотка, фурункулёз, педикулёз были для детей постоянными спутниками, с которыми никто, кроме самих детей, не боролся. К слову сказать, в Германии, где позже пришлось побывать, было чище.

С целью избавления от насекомых, как и в других детских домах, мы практиковали выкладку своих суконных одеял на мороз. Это позволяло хотя бы зимой в какой-то мере уменьшить количество насекомых. А нательное бельё с той же целью осторожно укладывали на толстую деревянную доску-поддон в протопленную, но уже достаточно остуженную печь, и с большим удовлетворением слушали, как, взрываясь, потрескивают насекомые. Санация производилась быстро. Об окончании санации свидетельствовало прекращение потрескивания. Топка печи и сами печи были установлены в коридоре, и каждая печь отапливала две палаты. По этой причине процедуру по уничтожению насекомых мы вынуждены были проводить в общем коридоре, не отходя от печи, предварительно выставив «караул» у палат девочек с запретом их выхода на время проведения нашей санации. Девочкам, по этическим

соображениям, производить такую процедуру было сложнее, даже практически невозможно, не говоря уже о малышах.

Мыла для стирки у нас, конечно, не было. Летом для стирки использовали золу прогоревших костров.

В Минске во время оккупации было около десяти детских домов, в которых находились голодные дети, искавшие пропитания любыми способами. Дополнительный кусочек хлеба для таких детей был очень желаем и являлся большим лакомством. Кроме того, в городе было много празднично шатавшихся и также голодных детей; это способствовало росту детской преступности.

Касательно склонности к воровству: не один год прожив в этой среде, я думаю, что в то тяжелейшее время каждый второй мальчик способен был, преодолевая страх, в толчее на рынке взять из мешка или телеги какой-нибудь овощ или фрукт, или даже, при удобном случае, вытащить содержимое из чужого кармана или сумки.

Для снижения количества преступлений по распоряжению комиссариата города на базе детского дома №3 была создана колония для детей возраста 10 – 14 лет, склонных к правонарушениям, с целью изоляции и последующей отправки в Германию⁵.

Выписка из письма Минского городского комиссара В. Янецке Генеральному комиссару Беларуси В. Кубе о молодёжной политике:

г. Минск, 25 февраля 1942 г.

...Таким образом, в сиротских домах и детских яслях размещено 1555 детей. Среди них примерно 40 трудновоспитуемых, часть которых склонна к воровству.

⁵ См. выписку из книги «Белорусские остарбайтеры», Минск, 1996 г. Документ №20, стр. 57.

В пригороде Козырево 14 января этого года создана трудовая детская колония. В ней на 14 февраля содержалось 70 детей.

18 февраля примерно 42 человека из 70 направлены в рейх, как рабочая сила. В настоящее время предпринимаются усилия увеличения числа направляемых в Германию детей.

Отправка детей производилась под охраной полиции.

18 февраля (полагаюсь на пунктуальность писавшего записку) в первой половине дня к приюту подъехали две крытые грузовые машины. Детей выстроили в длинном коридоре и отобрали больше мальчиков, чем девочек. Отбор производился по внешнему виду. Артём, находясь в строю, непрерывно кашлял. Осмотрев его, немец фыркнул и отправил его в самый конец шеренги. Ваню и Аркадия также перевели в конец выстроенной шеренги, по причине их неподходящего физического развития. Что касается Вити, то он успел спрятаться под угловой кроватью, и его полицейский не заметил. Всего было увезено человек 15 – 20 мальчиков в возрасте 12 – 15 лет, и не более десяти девочек такого же возраста. Из нашей комнаты в число отобранных попали Алексей и Николай.

Утро того дня я провёл на Червенском рынке. Благо, я был обут. Придя в детдом, я увидел плачущего Аркадия. Ему было о чём переживать. У мальчика забрали близкого ему человека, его опору и надежду – двоюродного брата. Нашему Алексею при посадке в вагон удалось убежать.

Особенно тяжело все переносили холодное время. Состояние детей усугублялось тем, что они вошли в зиму не одетыми и не обутыми по сезону. От прежней летней обуви остались одни воспоминания. Это в значительной мере сковывало личную инициативу детей, но такое положение, безусловно, устраивало заведующего, или, как мы его

называли, директора – Константина Носова⁶. Иметь какую-либо обувь было большим счастьем, поскольку можно было выбежать на «добычу», попросить милостыню, «пажабраваць», как мы говорили. А выход зимой на улицу, даже по малой нужде, приносил детям много страданий, поскольку отхожее место было только во дворе, и располагалось в метрах пятидесяти-шестидесяти от дома. Часто дети, не дожидаясь высвобождения дежурных галош, вынуждены были выбегать по нужде без обуви, поскольку на выход с обувью была очередь. У некоторых детей была кое-какая обувь, которую они тщательно прятали от глаз директора. В любом случае малую нужду, и не только её, старались справлять поближе к дому. Хорошо, если оставшееся «место преступления» было припорошено снегом. В снежную погоду скрыть это место было легче, в этом нам помогала сама природа. Весной и осенью было сложнее. В результате обнаружения следов «злодеяния», наказанию подвергалась группа детей, в которой, по мнению директора, мог находиться предполагаемый «преступник». Что служило критерием для отбора детей в наказуемую группу, оставалось тайной за семью печатями: это решал сам директор. Наказание могло быть таким: Носов выгонял детей на улицу и, стоя в центре, заставлял детей бегать вокруг себя. Это действие совершалось, несмотря на глубокую осень, даже при отрицательных температурах. А многие из детей в то время были босыми и далеко не здоровыми.

Этот изуверский подход, который успешно применялся и в немецких лагерях, заставлял самих детей следить за тем, чтобы в детдоме всегда всё было в «полном порядке». Тебе не дадут совершить «плохого» поступка твои же товарищи по несчастью: они вовремя «повяжут» тебя по рукам и по ногам. Так, по крайней мере, считал директор – полицай Носов,

⁶ Директор имел клички «Нос» и «Цербер». Кличка «Нос» – производная от его фамилии, а вот почему называли его «Цербером», никто не знал, не знали и то, что она обозначала, но кличка к нему «прилипла».

несомненно, прошедший соответствующую выучку. Парадоксальная ситуация – интересы изувера-директора и детей-сирот, над которым он измывался, начинали совпадать. Правда, дети также были не лыком шиты и со временем научились искусно маскировать свои следы.

Всегда ходивший в чёрной униформе полицейского, с неизменной белой повязкой на рукаве, в немецких сапогах, с плетью в руке, он не знал ни имён, ни фамилий детей. Его обращение к ребёнку всегда было на повышенных тонах. Едва ли можно назвать обращением крики: «Ну, ты, козёл вонючий!», «Грязная свинья!» или «Паршивая собака!» – и эти фразы перемешивались с непечатными словами и оборотами. Таких выражений у него было много. За этой тирадой следовали неопишуемые, унижающие достоинство детей высказывания. И всё это сопровождалось отборным матом. Ругань могла завершиться ударом плетью и другим мерами физического воздействия. Часто от изувера-директора доставалось моему другу Ване Богданову.

Когда однажды молодая воспитательница сказала директору, чтобы тот следил за своей речью, Носов нецензурно выразился в её адрес, и всё это происходило в присутствии детей.

Ходили слухи, что Носов до появления в Минске служил надзирателем в каком-то лагере, а в детский дом он пришёл из полиции, куда в конце 1942 года он снова возвратился.

Друзья-полицейские часто навевали Носова. Заканчивалось это, как правило, попойкой, руганью, матерщиной и непристойными песнями. Единственное, что нас удовлетворяло в такой «деятельности» – это его частое отсутствие на «работе», при этом длительность таких прогулов-загулов иногда доходила до недели. Появлялся он после этого в плохом настроении. Особенно часто это было в понедельник или во вторник. И

все, зная эти его привычки, старались в такие дни не попадаться ему на глаза.

Директор бил детей за всё, что не нравилось ему, но чаще ради своего садистского удовольствия. При этом, матерясь, он приговаривал: «У задатак, каб менш кралі!»

В начале своего повествования я далеко не полностью назвал те обстоятельства, с которыми детям пришлось столкнуться в те страшные времена. В результате комплексного воздействия таких тяжёлых условий у некоторых, наиболее ослабленных детей, было спровоцировано заболевание энурезом – недержанием мочи. Болезнь не смертельная, но весьма неприятная, и в условиях антисанитарии она приносила ребёнку массу проблем и дополнительных страданий, особенно в зимнее время. Если бы можно было хотя бы прополоскать нательное бельё! – но колодец отстоял от выхода из дома метров на 70 – 80. А на улице мороз. А где просушить хотя бы простынь, если печь не топлена? А что делать с мокрым матрасом, набитым соломой, которая с начала холодов не просыхает (в тёплое время матрасы на просушку выносили во двор), и пахнет не только мочой, но и гнилью? Сушить его в очередной раз ночью своим телом? И это далеко не все проблемы, с которыми сталкивался ребенок. Хорошо, если Носов устроит себе прогул, а если придёт и на построении, которое он периодически проводил, начнёт принохиваться? Ведь тяжёлый запах пропитывал насквозь не только одежду «виноватого», но и его самого, а от себя не спрячешься.

Тогда, вытолкнув и без того пристыженного несчастьем ребёнка, Носов начинал издеваться над ним: «Ну, что козёл вонючий, опять об... я!» Далее следовали сплошные непечатные междометия. В некоторых случаях Носов мог сильно выкрутить уши, ударить ребёнка плетью, дать пинка, подзатыльник или посадить ребёнка в углу своего кабинета на

камушки. По всему видно было, что сам процесс наказания доставлял директору садистское удовольствие. После экзекуции пострадавший ребёнок должен был самостоятельно собрать все камушки и отдать их Носову, который хранил их в своём кабинете.

Жизнь детей проходила в абсолютном бесправии. И невдомёк было деспоту, что постоянные несправедливые и жестокие наказания и издевательства над ребёнком приводили не только к первичному заболеванию энурезом, но и ухудшали состояние уже болевшего ребёнка. Кроме того, такое издевательство над детьми порождало ответное зло и приводило в будущем к преступлениям. Я знал детей, подвергавшихся в детдомах издевательствам и унижениям, которые после войны, уже будучи взрослыми, за совершённые проступки оказались в заключении.

Что касается воспитателей, то я припоминаю только ту, которая попросила Носова не употреблять бранные слова при обращении к ребенку. Эта молодая женщина едва успела поработать у нас три или четыре недели, как однажды, в позднее время, во время её дежурства, к ней вошёл полицейский и изнасиловал её. Это произошло в присутствии мальчика, которого полицейский поднял с постели и заставил освещать сцену насилия фонарём. Не исключена вероятность того, что это произошло по «рекомендации» Носова.

К большому сожалению, Носову, возможно, удалось избежать ответа за свои преступления.

Вот что об этом рассказывает Ваня Богданов, который оказался свидетелем бегства Носова. В это время Ваня уже находился в детдоме по Красивому переулку.

Это происходило за день до освобождения Минска. В эту пору я находился в детдоме №2. После полудня, ближе к вечеру, я

возвращался домой, и возле полицейского участка увидел крытую грузовую машину, возле которой сустились несколько человек. Один из них, старший, – был Носов. Я зашёл за угол дома и стал незаметно наблюдать за ними. Они загружали чемоданы, клунки. Загружено было несколько швейных машинок и что-то из домашнего имущества. Из кузова машины явственно доносились женские голоса, говорившие на повышенных тонах. Погрузка закончилась. Носов сел в кабину и дал команду на отправку. Машина тронулась. Надеюсь, кара Божья постигнет его, и он понесет ответственность за свои деяния.

Среди руководителей детского дома №3 во время оккупации была некая Петуховская, занявшая пост заведующей после ухода в полицию «Цербера» – Константина Носова. Занимался ли Носов расовыми чистками за те восемь месяцев, что я был в детдоме №3, – не помню. Впоследствии Вера Леонардовна Спарнинг рассказывала мне, что Петуховскую на совещаниях в городском управе хвалили за то, что она добровольно сообщала немецким властям о наличии у неё «подозрительных» детей. После таких сообщений приезжала соответствующая служба, и детей увозили на комиссию, откуда некоторые из них уже не возвращались. Уже после окончания войны эту женщину осудили сроком на десять лет за преступления, совершённые в период фашистской оккупации.

В старшей группе детского дома находились подростки 14 – 16 лет. Их мы называли «горловиками». Превосходя остальных в силе, некоторые из них чувствовали свою безнаказанность. Это выражалось во всём их поведении. Они позволяли себе не только морально обидеть младшего, но также допускали рукоприкладство. Большая обида наносилась ребёнку тогда, когда выпрошенный или добытый тем или иным способом кусочек хлеба или несколько сырых картофелин отбирались старшими. Такое

действие на детдомовском сленге называлось «горлованием». Образно говоря, «брать за горло» или «вырывать из горла» – таков был смысл этого слова. И тогда десяти-тринадцатилетние дети объединялись в группы по 4 – 6 человек и противодействовали творимому произволу, устраивая, при удобном случае, «тёмную» обидчику. Дети взаимно выручали друг друга, помогая, например, при необходимости, пройти в детдом и остаться незамеченным. А уже в палате с трудом заработанная «добыча» быстро пряталась в укромных местах или в карманах товарищей, ожидавших твоего возвращения, оставляя с «носом» доморощенных грабителей. Зимой, при подходе к дому мы зачастую прятали в снег, а затем тихонько забирали хлеб, вареную картошку и другие продукты, не чувствительные к морозу. Шла, как мы говорили, «малая война».

После вывоза старших детей в Германию практика отбора добытых продуктов почти прекратилась, однако, ненадолго. На место вывезенных детей пришли новые подростки, которые в скором времени приобщились к нехорошим традициям.

Это продолжалось до той поры, пока в детском доме не появился парень, бывший воспитанник детдома №5 Семён Кособуцкий. Мы звали его просто Сеней. Он хорошо знал Ваню Богданова по довоенному детдому №5. Именно Семён ещё до нашего появления привёл в Козыревский детдом братьев Жучкевичей. В скором времени Сеня получил звание «директора №2». Хорошо сложенный юноша возраста 16 – 17 лет, до войны он учился в школе со спортивным уклоном, по специализации бокс. Вся жизнь Сени прошла в детских домах. По характеру он был лидер. На своём уровне достаточно знавший психологию детей и коллектива, он быстро разобрался в отношениях противостоявших групп и установил иной порядок. Семён потребовал немедленно прекратить практику отбора старшими подростками у младших добытого

ими провианта, пригрозив в противном случае суровыми последствиями. Порядок был быстро восстановлен.

У Сени был большой альбом с марками. Где и как он приобрёл этот альбом, я не знаю, но он им дорожил. Ещё одно его «чужачество» – он собирал стреляные гильзы и просил детей, чтобы они приносили ему не только использованные, но и целые патроны, которые он иногда демонстративно разряжал. Ване Богданову, который был с ним в довоенном детдоме №5, он по большому секрету сказал, что патроны передает туда, где они больше всего нужны, а разряжение патрона перед детьми – не более чем «игра на публику». Иногда Сеня пропадал в течение суток (это происходило в субботу или в воскресенье, когда Носов отсутствовал), иногда дольше. Говорил, что ходил на побывку к родным в деревню. Уже потом стало известно, что в это время он был у партизан. В конце 1942 или в начале 1943 года Семён Кособуцкий ушёл к ним окончательно. Уже после освобождения Минска, в 1944 году, он на подводе привёз во второй детский дом картошку, крупу и муку. Там его и встретил Ваня Богданов.

Как-то, в самом начале весны 1942 года, в перелеске за железной дорогой, проходившей недалеко от детского дома, нами был обнаружен труп замёрзшей лошади. Причина её смерти была неизвестна. Скорее всего, лошадь была падшей. Мы «приобрели» чугунок литров на восемь, развели костёр рядом с нашей «находкой» и, отрубив неизвестно откуда взявшейся сапёрной лопаткой подходящие куски, варили мясо. Конина, по-видимому, была старая. Мясо варилось долго. Пены было много, её приходилось постоянно снимать, но игра стоила свеч. После мы устраивали себе пиршество, смакуя жёсткое мясо. В поедании конины нам стали активно помогать бродячие собаки. Обнаружив следы непрошенных зверей, мы лопаткой отделили мякоть, куски которой, перевязав

проволокой, подвесили повыше на дерево. Мы всей нашей палатой попеременно ходили на трапезу. На дополнительном питании мы пробыли примерно неделю, каждый раз принося кусок мяса в палату. Порезав его на куски поменьше, к общей радости угощали малышей. По утрам мы рассказывали друг другу свои фантастические сны, в которых неизменно присутствовала вкусная еда, о которой мы уже давно забыли. Наши помыслы постоянно были направлены на то, чтобы где-нибудь найти что-нибудь съестное.

Имевшуюся у нас обувь мы прятали в подполье, оторвав половицу. Это необходимо было делать, поскольку директор имел привычку – появившись после пьянки, он совершал обход палат, изымая всю пригодную к носке сезонную обувь, попадавшуюся ему на глаза.

Трудно выходили дети из зимнего периода. Особенно тяжело было малышам. Бледные, исхудавшие, изболевшиеся дети, кожа да кости, месяцами видели мир только сквозь заледенелые стекла окон.

Вот что, будучи уже пожилым человеком, перешагнувшим семидесятилетний рубеж, вспоминает Иван Иванович Богданов, присутствовавший при первом весеннем выходе детей во двор после зимы. Рассказывает он об этом мне со слезами на глазах.

Весною, выйдя во двор, дети, возраст которых был в пределах четырех – пяти лет, сбились в кучу, и с удивлением оглядывались вокруг. Ножки у многих из них были опухшие. Солнышко уже пригревало. Неизвестно, сколь долго продолжалось бы это стояние, если бы одна из старших девочек не показала деткам и не сказала, что жёлтые цветы одуванчика можно есть. И детки, подобно цыплятам, нагнув головки и вытянув исхудалые шейки, переваливаясь на опухших ножках, начали собирать цветы одуванчика в стадии

желтого цветения, тут же поедая их.

В детском доме №3 была высокая смертность, особенно среди детей младшего возраста. Захоронение проходило тихо и мирно. Дед Кисель сколачивал ящик-гробик, запрягал свою лошадку и куда-то увозил трупик. Он не разрешал детям провожать товарища дальше переулка. В архиве этого приюта сохранились данные о 23-ёх случаях смерти детей (газета «Звезда» от 04.02.95 г.). Как правило, умирали дети младшего возраста. Были случаи тяжёлой болезни и среди старших детей. Таких детей Дед Кисель отвозил в больницу. Иногда, в более лёгких случаях, больной ребёнок добирался до больницы сам. Я не помню, чтобы за моё пребывание в этом детдоме кто-либо из оказавшихся в больнице детей возвратился обратно.

Война забрала наше детство. Мы, дети войны, не выбирали время для своего рождения. Время выбрало нас. И всё то, что легло на наши хрупкие плечи, и всё, что неизбежно преподносил нам этот суровый час, мы воспринимали как неизбежное, и, как могли, боролись за жизнь, сопротивляясь всему тому, что было неприемлемо для нас.

К лету 1942 года в детском доме была предпринята попытка организации школы для обучения семи-восьмилетних детей грамоте. Из этого ничего не вышло, поскольку голодным детям учёба на ум не шла. Спустя короткое время на чёрной доске, которую откуда-то принёс дед Кисель для планируемого обучения, появился простенький стишок:

*Гитлер, Гитлер, ты дурак.
Что ползёшь ты к нам, как рак?
Мы тебя к себе не звали,
И фашистский флаг порвали.
А в Берлине наши будут,
И тебя, палач, не забудут!*

Этого детского слогана директор не видел. Кто-то из персонала вытер этот крамольный стишок, но умевшие читать дети успели его прочитать.

Третий детский дом располагался в окраинном районе города, сплошь застроенном небольшими деревянными домами и, по сути, находился в окружении таких построек. Окрестные жители относились к нам недоброжелательно. Звали нас воришками и бандитами. В их глазах мы были ни на что не пригодными изгоями, «исчадием ада», «ворьём», не имеющими ни стыда, ни совести, «мазуриками». Конечно, у нас был свой жизненный уклад. Он был чрезвычайно прост: там, где «плохо лежало», необходимо было «исправить положение». Но едва ли кто-либо из соседей знал, как были мы чисты в своей вороватой повседневности и грёзах, как тяжело было голодным детям в своей безысходной обыденности. Да, мы лазили по огородам и по садам. Да, мы тащили на базаре всё, что могли утащить. Но делали мы это не ради озорства или удовольствия. Вороватость наша была у всех на виду, но тихие и тайные слёзы безнадежности на глазах многих детей были невидимы посторонним людям, готовым проклинать нас за каждую выкопанную картофелину.

Нет, дети не разучились плакать. К сожалению, многие из окружавших нас жителей были щедры на осуждение обездоленных, как бы малы ни были наши проступки, но чрезвычайно скупы на любовь и сострадание к нам, как бы тяжёл ни был наш удел.

Немногие из взрослых в своей жизни видели доведённых до крайнего отчаяния голодных и плачущих детей, страдающих дистрофией, энурезом и другими серьёзными болезнями. А ведь даже среди семилетних мальчиков слёзы считались делом постыдным, не мужским. Девочки плакали очень часто. Это было видно по их воспалённым глазам. И если посмотреть сквозь призму происходивших событий на то, что пришлось пережить этим детям, что выпало на их долю, и задаться вопросом, как и

почему совершалась такая жестокость, то, полагаю, что не найдется такого человека, сердце которого останется нетронутым от ужаса всего происходившего.

Дети этого концлагеря (иначе назвать третий детдом я не могу) видели умиравших товарищей и друзей и зачастую провожали их в последний путь.

Так проходил день за днём.

ГЛАВА 7

То, о чём я хочу поведать, произошло ранней весной 1942 г. Во время очередного похода в поисках провианта я остановился напротив бывшего клуба им. Сталина (сейчас на этом месте находится кинотеатр «Победа»). С этим местом у меня были связаны ещё довоенные детские воспоминания. Я стоял, обдуваемый холодным ветром, напротив здания, не разрушенного войной, и вспоминал, как незадолго до войны отец, приехавший на выходной, улыбаясь, сказал мне, что он взял билеты в клуб имени Сталина, и мы пойдем на концерт, слушать выступление одного из лучших мировых скрипачей Давида Ойстраха.

Мои родители старались приобщить меня к музыке.

Шестилетним мальчиком, успешно сдав экзамены, я поступил в музыкальную школу. Учёба моя продвигалась вполне успешно, и на итоговом школьном концерте мне предложили выступить с детским концертом Ридинга, который я успешно отыграл. *(По прошествии более чем семи десятков лет, я вновь услышал концерт Ридинга, в прекрасном исполнении мальчика из церковной школы, было очень волнительно).* В 1941 году я окончил четыре класса музыкальной школы по классу скрипки и мандолины, имеющих одинаковый музыкальный строй.

И вот, спустя несколько лет после посещения концерта Давида Ойстраха, по воле судьбы я стоял уже перед немецкой гостиницей под названием «SoldatenHeim»⁷. Я смотрел на знакомое мне здание бывшего клуба, и на меня невольно нахлынули грустные воспоминания. Я вспоминал отца, мать, сестрёнку, беззаботные детские годы. Прошрое уже казалось мне фантастически далёким и даже ирреальным. Я стоял, думал и в который раз задавал себе совсем не детские вопросы: «Почему же всё это

⁷ Солдатский дом-гостиница (нем.)

произошло? Почему человек истребляет себе подобного? Кому нужна эта война?» Ответа, конечно, не находил. Душу тяготила непреходящая обида за растоптанное детство.

Быстро наступали сумерки. Было сыро и зябко. Я стоял под пронизывающим холодным ветром, и уже собрался было уходить, когда меня кто-то окликнул. Обернувшись, я увидел, что меня подзывала женщина в форме немецкого офицера или унтер-офицера. Я уже готов был убежать, но её миролюбивый тон и понятный мне, почти русский язык прервали моё намерение. Женщина бегло говорила на ломаном, но знакомом для моего слуха русско-польско-белорусском диалекте и, как я узнал позже, она временно проживала в этой солдатской гостинице. Она спросила, хочу ли я кушать (странный вопрос!), и после моего утвердительного ответа велела подождать. Вскоре она вернулась с булкой хлеба, большой банкой консервов, пачкой маргарина и ещё чем-то в картонной упаковке. Указав на упаковку, она сказала, что это конфеты. Вручив мне всё это богатство и ничего не спросив, она сказала мне, чтобы я пришёл на это же место через два дня. Предвкушая настоящий праздник, я летел в детдом, словно на крыльях. В тот момент я был самым счастливым человеком. Вокруг была разруха и необъятное людское горе. Не хватало продуктов питания, одежды, обуви. Но я спешил, словно на крыльях, в детдом, к своим друзьям, ожидавшим моего возвращения, радовался предстоявшей встрече, и настоящее счастье, счастье, от которого поёт душа, затапливало меня с головой.

Я хорошо помню взгляды детей, полные тепла, благодарности и радости. Радость эта была для меня тем самым счастьем, которое важнее сиюминутной сытости. Эту мудрость я усвоил ещё в детстве. Настоящее счастье — это духовное счастье, и оно, в отличие от материального, не зависит от марки машины, количества денег и прочего.

При очередной встрече моя немецкая знакомая попросила меня рассказать о себе. На сей раз она была с попутчиком, офицером. Она переводила мой рассказ стоявшему рядом офицеру, который, поглядывая на меня, внимательно слушал её перевод, изредка кивая головой. Позднее, несколько раз вместо моей знакомой на встречу выходил этот офицер и приносил что-нибудь из продуктов. Всё это становилось значимой добавкой к тому скудному рациону, что нам давали в детдоме. Однажды, при очередной встрече, этот офицер дал мне несколько десятков оккупационных марок, на которые я неоднократно покупал хлеб. На встречу к своим «знакомым» я ходил не менее десяти раз.

Зная о таком знакомстве, в ожидании какой-нибудь снеди, дети непрерывно спрашивали меня, когда я пойду к «своему немцу». Но однажды, придя на встречу в очередной раз, своего знакомого я так и не дождался. Больше этих добрых людей я не видел.

Несколько десятилетий спустя мы с Ваней Богдановым вспоминали наше детство, и он признался, что по-доброму завидовал тогда мне и моему знакомству с этими немцами. У Вани также был знакомый «добрый» немец, который при встрече всегда давал мальчику чего-нибудь из съестного. «Свои немцы» были также и у других детей. Кроме того, у некоторых из нас были так называемые «свои дома», в которых, как мы знали, можно было получить что-нибудь съестное. В этих домах, как говорили мы, «нам подавали».

Однажды зимой, ближе к вечеру, когда наступало время комендантского часа, Ваня возвращался домой из очередного «похода» (мальчик в то время находился в детдоме №2 по Красивому переулку). Внезапно Ваню позвал к себе немец, перемещавший поочерёдно три больших чемодана. Он сказал Ване, чтобы тот взял один из них, за что, по

прибытию на место, пообещал ему «Brot»⁸. Все мы прекрасно знали, что это означает, также как и цену этого продукта в условиях дефицита. Несмотря на поздний час, Ваня решился поработать в роли носильщика. Да и мог ли он послушаться приказного тона оккупанта? Ослабевший, голодный подросток с трудом тащил непосильно тяжёлый чемодан. По прибытию на место немец велел ему подождать. Начинало смеркаться. Наступил комендантский час, которым предусматривался расстрел за его нарушение, а «работодатель» Вани отсутствовал. Мороз крепчал. Далее рассказ продолжит сам Ваня — Иван Иванович Богданов.

Прождав ещё какое-то время, я понял, что этот немец меня обманул, и решил идти в детдом. Ведь надо было где-то ночевать, иначе замёрзну. Застрелят, так застрелят! Другого выхода не было. Я шёл, прижимаясь к стенам разрушенных домов, и, окоченевший, глотал слёзы от обиды. Выйдя на привокзальную площадь, я увидел патруль, стоявший на переходном мосту, выставляемый там с началом комендантского часа. Пешеходный мост тогда соединял два района города – привокзальную площадь и район, называемый сегодня «Дружная». Больше всего немцы опасались диверсий со стороны партизан, а мост представлял собою идеальное место для совершения такой диверсии. «Ты видишь всё, а тебя никто». Я шел к мосту, безмолвные слёзы от обиды текли по щекам, и не представлял, как выйти из этой ситуации. На переходном мосту патруль, который никого не пропускает. В детдом пройти не могу. Надо где-то переночевать, но где?

В этот момент я увидел немца, который шёл навстречу. На моё счастье, им оказался мой старый знакомый. Этот немец служил в железнодорожных войсках. Генрих (так звали моего знакомого)

⁸ Хлеб (нем.)

вполне внятно разговаривал на русско-польском диалекте, и в процессе нашего знакомства постоянно подкармливал меня. Вопрос его был о причине моего плача, и почему я оказался здесь в столь позднее время. Я показал ему на приказ коменданта города, который был развешан на всех столбах и стенах, где указывались меры, применяемые за нарушение комендантского часа, и рассказал ему, как был обманут. Поняв ситуацию, мой знакомый выругался, взял меня за руку, и мы с ним пошли как старые добрые друзья. Подойдя к переходному мосту, он что-то сказал часовому, и, проведя меня через мост, довел до ворот детдома. Все удивились, что я пришел в такое позднее время и тому, что моим провожатым был немец.

В конце зимы 1942 года со мной произошёл весьма неприятный инцидент.

День, когда произошли описываемые события, был крайне неудачным. Обед запаздывал. После полудня я решил пройти по улице Маяковского, но мой провиант составил лишь несколько сырых картофелин. Пошатался по полупустому Червенскому рынку, и, ничего не приобретя, пошёл на пассажирскую станцию. Какое-то время постоял на переходном мосту; не увидев ничего подходящего, пошёл на фабрику-кухню. Пройти в столовую не смог, только раздражил свой аппетит, и решил попытать счастья на стоянке гостиницы «SoldatenHeim».

Во дворе гостиницы останавливались приезжавшие машины, и мы, дети, видели, что по приезду многие солдаты не закрывали на ключ кабины своих машин. Во многих немецких машинах кабины просто закрывались, но не запирались – запоров не было. Хозяевам этих машин и в голову не могло прийти, что кто-то осмелится проверить содержимое кабины. Мы пользовались этой беспечностью, и при удобном случае залезали в кабину машины, а иногда и под тент кузова, и брали что-нибудь

из продуктов, но столько, сколько можно было взять, не вызвав подозрения. Однако внимание наше привлекали не только продукты. Иногда под тентом кузова или в кабине мы находили патроны, выроненные на пол или уложенные в пачках. Мы помнили просьбу Семёна Кособуцкого. Оружие немцы всегда забирали с собой, а патроны, конечно, они не считали.

Пребывание солдат в гостинице, как мы замечали, было не очень длительным. Сутки, иногда двое. А иногда и несколько часов. Поэтому мы почти не опасались, что о нашем хищении будет известно немедленно. Да и будут ли они горевать, что пропал у них кусок хлеба?

Я наблюдал за хозяевами приехавшей машины и увидел, что немец нёс в руках какие-то продукты. Вполне вероятно, что в кабине могли быть оставлены ещё какие-либо припасы. Было понятно, что готовился, по меньшей мере, ужин, а чаще всего это был ужин с возлиянием и песнями. Тогда и наступало наше время. Это, как правило, происходило ближе к вечеру, когда начинало уже смеркаться. Мы залезали, как правило, в незапертую дверь автомашины. Старались делать это незаметно и быстро.

Так было и на сей раз. Было ли страшно? Не знаю. Но особого страха я не испытывал. Мы рисковали, но страх сидел где-то далеко-далеко в глубине сознания, и он был кратковременным, а ощущение голода, сопровождавшее нас непрерывно, в этот момент превалировало над всеми другими эмоциями.

На улице смеркалось. В тот раз, дождавшись песнопения и прождав необходимое, как мне показалось время, я залез в кабину машины. Не успел закрыть дверь кабины, как увидел, что во двор гостиницы вышел немецкий солдат. То, что он направлялся именно к «моей» машине, я понял в последний момент. Моё сердце ёкнуло.

Его внимание, скорее всего, привлекла приоткрытая дверца кабины. Он подошёл, некоторое время постоял у дверцы, затем распахнул её, и, конечно, увидел меня, съездившегося мальчика. Взять я ещё ничего не успел. Карманы и моя сумка не содержали ничего, кроме нескольких картофелин. Он осветил меня фонариком и стал кричать, да так громко, что своим криком привлёк внимание солдат, находившихся в помещении гостиницы. Они дружно выволокли меня из кабины и, подталкивая пинками, завели в комнату дежурного или охранников.

В помещении находилось человек шесть или семь, трое из них были одеты в форму жандармов. Поверх униформы у каждого из них на шее висел плоский металлический предмет, по форме напоминающий молодую луну, на котором было что-то написано. Все они стали кричать на меня. Я же в свою очередь повторял три слова: «Kalt, Kinderheim, essen»⁹. Один из этих трёх ударил меня, да так, что я отлетел в угол комнаты. Меня обыскали, но, конечно, ничего не нашли. Солдат, который обнаружил меня в машине, расстегнул свой ремень и, возможно, это завершилось бы, в лучшем случае, хорошей трёпкой. В это же время из-за спины я услышал чей-то властный, хорошо поставленный голос. Повернулся и увидел офицера, который в тот момент вошёл в помещение дежурного. Я видел, что между солдатами и офицером идет диалог, в процессе которого я постоянно повторял слова «Kalt, Kinderheim, essen». Подняв руку, офицер прекратил диалог с солдатами, вернул мою пустую сумку и что-то сказал подчиненным. Я понял, что я помилован и мой «недоказанный» проступок прощен. После этого один из присутствовавших солдат открыл дверь и показал мне, что я могу идти.

⁹ Холодно, детдом, кушать (нем.)

Щека пылала от полученного удара. Из рассечённой губы сочилась кровь. Болела голова от удара о стену. Проверив языком целостность зубов, я убедился, что они не были повреждены.

Кто был тот офицер, который предотвратил намечавшуюся экзекуцию, я не знаю, и, конечно, никогда не узнаю.

Идя в детдом, я испытывал благодарность к этому неизвестному человеку. Слава Богу, что всё кончилось так, как кончилось.

ГЛАВА 8

Весною 1942 года в детском доме произошла вспышка сыпного тифа. За больными на подводе приехали «санитары» и увезли заболевших детей. Дед Кисель сказал, что детей увезли в Тростенец. «Там ёсць тыфозныя баракі», – говорил он. В Тростенец ли их увезли, или в другое место, я не знаю, но ни одного из увезённых детей мы больше не видели.

Весна была затяжной. Земля едва подсохла и ещё не согрелась от долго лежавшего снега, а дети были одеты далеко не по погоде. Из соответствующего отдела управы пришла команда о проведении всеобщей санации с целью профилактики. В первой клинической больнице имелось специальное отделение, где производилась тепловая обработка (прожарка) вещей, которые мы месяцами не снимали с себя. В тепловую обработку несли все свои вещи, в том числе и пальто, если таковые имелись. Суконные одеяла погрузили на подводу деда Киселя. Как всегда, у детей было плохо с обувью, и многие босиком шлёпали до первой клинической больницы, до места прожарки. Для меня лично это была первая баня с момента начала войны. После такой «прогулки» многие из детей были основательно простужены. Меня Бог от тифа и простуды в ту зиму уберёг, хотя я и находился в прямом контакте с заболевшими детьми.

После такой обработки пальто с кожаными воротниками оказывались непригодными к последующей носке.

Недалеко от детского дома проходила железнодорожная ветка, которая вела на пассажирскую станцию. Когда станционные линии были забиты другими эшелонами, то прибывающие в Минск поезда останавливались у семафора этой колеи. Иногда это были воинские эшелоны, перевозившие немцев и их союзников; иногда поезда, неизвестно что перевозившие, строго охранялись. Часто следовали

санитарные поезда. Вот они-то, эти поезда, и были для нас особенно желанными. Далее я поясню, почему.

Рядом с железнодорожной насыпью находилось поле, ранее засеянное картошкой. По-видимому, наспех убранное, это поле служило для нас желанным источником получения дополнительного питания в виде примороженного, а иногда и хорошо сохранившегося картофеля. Орудием труда служила «взятая взаймы» в чужом подворье лопата. Перекопав определенный участок, мы собирали необходимое количество слегка подмороженных клубней, после чего, перемешав картошку с сырым песком, упаковывали её в жестяную литровую банку и укладывали в угли заранее разведённого, уже прогоревшего «цыганского» костра, а затем сидели, глотая слюны в ожидании готовности продукта. Как правило, окончательного приготовления мы не дожидались. Индикатором готовности служила деревянная палочка, которую можно было сравнительно легко ввести в банку с приготавливаемым продуктом. Обычно картошка была недоваренной. Но у нас был девиз: «Горячее сырым не бывает!» И мы с удовольствием поглощали такое блюдо, даже полусырое и без соли. Не отходя далеко от насыпи, мы совмещали процесс ожидания подходящего для нас поезда с приготовлением пищи. Кроме подмёрзлой картошки, дети варили вымытую в ручейке картофельную шелуху, называемую нами «шайморой». Ее дети выпрашивали в небольшой столовой Червенского рынка: какая-никакая, а пища!

В один из таких весенних дней я, Ваня Богданов и ещё двое мальчиков, в числе которых был Алексей, сидели у костра в ожидании «обеда». Мимо проходили поезда, некоторые останавливались у семафора, но на тот момент они нас не интересовали. Нас интересовали санитарные составы с ранеными солдатами. Перекусив и собравшись уходить, мы увидели приближающийся пассажирский поезд. Этот состав, как мы

полагали, мог быть только санитарным. По нашим наблюдениям, немцы неплохо кормили своих солдат, особенно раненых, и у них, если повезёт, можно было получить какую-нибудь снедь. Особенно радовались дети, когда удавалось заполучить несколько леденцов под названием «*bon-bon*», которые напоминали нам давно забытый вкус сахара. Возможно, на поведение немцев оказывало влияние полученное ранение, ведь в таком состоянии человек склонен к размышлениям. Не исключено, что в такие моменты он вспоминает своих родных и близких, своих детей; может быть, вспоминает и о том, что он христианин. И это располагало раненых давать нам значительно больше, чем давали солдаты, отправлявшиеся на фронт. Порою, как я уже писал, нам перепали даже кое-какие сладости. Но на сей раз радость наша была преждевременной. Мы ошиблись.

Когда мы взобрались на железнодорожную насыпь и подбежали к остановившемуся составу, то увидели, что окна всех вагонов были закрыты, а на некоторых подножках стали появляться охранники. Ничего не подозревая, мы продолжали бежать вдоль вагонов, в надежде найти открытые окна, но все окна были занавешены. Вдруг сзади раздался окрик: «Halt!»¹⁰. Повернув голову, я увидел двух немцев, по-видимому, вышедших из вагона, который мы минули. У одного из них в руке был пистолет. Тут же раздался выстрел. Едва мы сбежали с насыпи, раздался второй и третий выстрелы. Не обращая внимания на повторяющийся окрик, мы что есть мочи продолжали бежать. Отбежав на порядочное расстояние и увидев, что за нами нет погони, мы остановились. И тут, не успев отдышаться, Лёша указал на ногу и сказал: «Ребята, меня кажется, зацепило». На его штанине было видно бурое, расплывающееся пятно крови. Приподняв штанину, мы увидели рваную продолговатую рану длиною несколько сантиметров. Слава Богу, оказалось, что пуля прошла по касательной, слегка задев бедро, не причинив тяжких последствий.

¹⁰ Стой! (нем.)

Алексей снял рубашку, мы разорвали её и помогли сделать перевязку. Рана заживала не очень долго.

Несколько позже, в конце весны 1942 года, Алексей получил ещё одно ранение – на этот раз, смертельное. Лёша, прыгая с горки, напоролся на ржавый гвоздь. На первый взгляд, рана была не очень глубокой. Всё, что надо было сделать в тех условиях, было выполнено. Рану он промыл мочой, перевязал. Наутро следующего дня появилась краснота. К вечеру дня вся стопа уже была опухшей, а на утро третьего дня стала бурой. Поднялась температура. Он весь горел. После полудня дед Кисель запряг свою лошадку и завёз мальчика в третью клиническую больницу. Однако воспалительный процесс развивался очень быстро. Мы всей палатой ходили в больницу, навещали Лёшу, но он к этому времени уже был в бесспамятстве.

Через пару дней я вновь побывал в этой больнице, увидел сестру из медперсонала и спросил, что с Алексеем. Она мне сказала, что Алексей умер ещё вчера. Диагноз – заражение крови.

Для нас это была большая потеря. Не стало хорошего и верного товарища.

Этой же весной мы освоили промысел на пассажирской станции, более действенный, но и несравненно более рискованный. На станции мы промышляли тем, что у проходивших эшелонов продавали солдатам газеты или обменивали газету «Minsker Zeitung» на что-нибудь съестное. В Минске немцев, как правило, кормили. Немцы давали нам котелки с остатками пищи, которые мы выскребали себе в банку, а затем мыли котелки. Воду брали из колонки, стоявшей на пристанционных путях, и приносили прямо к вагону. В городе занимались чисткой обуви, подносили, а зимой подвозили на санках чемоданы и т.п., за что получали что-нибудь съестное или сигареты, которые на рынке обменивали на

какие-нибудь продукты. Сами при этом курили собранные «бычки-чинарики» – окурки.

Иногда везло. К сожалению, везение – это элемент случайности. Наличие его определялось целым рядом факторов, таких, как прибытие на станцию подходивших нам воинских эшелонов, отсутствие на железнодорожных путях полиции, жандармерии и т.п. Поэтому, подойдя к пристанционным путям, мы сразу не решались выходить к прибывавшим эшелонам из-за опасности, в лучшем случае, быть пойманным или избитым. И тогда, в целях безопасности, мы некоторое время проводили на переходном мосту, который проходил над пристанционными путями и соединял привокзальную площадь с районом улицы Дружной, изучая обстановку и оценивая безопасность планируемого мероприятия.

Облегчалось наше состояние ближе к лету. В свой скудный рацион мы включали конский щавель, который рос во дворе детского дома практически повсюду. Подобно жвачным животным, мы ели семена подорожника, предварительно собрав их в шапку, варили в консервных банках «суп» из крапивы и лебеды, добавляя туда картофель и соль, которую тоже выпрашивали. По мере возможности, эпизодически совершали набеги на соседские огороды, лакомились ранним салатом, луком и другой зеленью, но такая пища ни в коей мере не могла удовлетворить голодное состояние наших растущих организмов. Во снах, которые мы видели, продолжала, превалировать пищевая тематика, обсуждаемая по утрам.

Однажды этой же весной, когда я попытался подойти к воинскому эшелону на пассажирской станции, за мной погнался охранник-литовец, требуя, чтобы я немедленно остановился. От моего преследователя я почти убежал, но охранник успел хлестнуть меня плетью. На конце плети, по-видимому, был закреплён металлический предмет. Конец плети обвил моё

плечо, и сильный удар металлическим предметом пришелся мне в верхнюю часть груди, в то место под горлом, где сходятся ребра. В результате этого удара у меня была раздроблена кость, и образовалась большая, гноящаяся рана, которая долго не заживала.

Поздней весной 1942 года к воротам детского дома подъехала крытая грузовая машина. Два немца и полицейский, сопровождавшие эту машину, отобрали ходячих детей, начиная примерно с десятилетнего возраста. Детей погрузили в машину и повезли. Приехали мы в Слепянку, где в то время были большие окультуренные поля – подсобное хозяйство немцев. Там мы были заняты всеми сезонными сельскохозяйственными работами. Если мне не изменяет память, то аналогичными работами мы были заняты и в 1943 году, будучи во 2-ом детском доме.

Начало лета 1942 года было весьма тёплым. В конце весны долго не было осадков. Уже в полдень было душно, а работать на полях нам приходилось часов по восемь в день. Воду для полива носили за 150 – 200 метров. В обед нам давали тарелку густого супа и грамм сто хлеба, чему мы были весьма рады. К вечеру мы едва волокли ноги. По окончании работ нас, как правило, отвозили в детдом.

В середине лета дети Козыревского детдома практиковали охоту на грачей. С этой целью мы на свалках подбирали негодные камеры (это был большой дефицит!), разрезали их на полосы и делали рогатки. В сгоревших домах находили керамическую плитку и разбивали её на мелкие куски. Мы называли их «шрапнелью». В один заряд рогатки помещалось 10 – 20 острых осколков-«пуль». Найдя дерево, на котором сидела стая птиц, один из нас стрелял в них сквозь листву. Когда испуганные птицы разом поднимались в воздух, следовал залп из всех имевшихся у нас рогаток. В результате пять-шесть птиц обычно были убиты или ранены. Приходилось примерно по одной, а иногда и по две

птицы на человека. Глядя, на убитого птенца, едва вставшего на крыло, на его полузакрытые глаза, я испытывал к этому существу щемящее чувство жалости. Жить бы ему и летать, но война коснулась и его...

Отделив голову и лапы, обмазывали птицу глиной, упаковывали в консервную банку и укладывали в костер. Спустя время, вытряхивали содержимое, снимали глину вместе с оперением и выбрасывали внутренности. Этот небольшой кусочек мяса в какой-то мере являлся необходимой белковой добавкой к нашему скудному рациону.

Рана после удара литовца продолжала гноиться. В конце концов, я стал чувствовать себя не очень хорошо, поскольку длительное время периодически испытывал озноб. Затем я стал чувствовать себя совсем плохо. Температура держалась постоянно. Дед Кисель сказал мне, что с такой раной шутить нельзя. В детдоме к ране мне прикладывали чистую тряпочку, смазанную по краям коллодиумом, принесённым невесть откуда. Вот и вся помощь. В очередное утро, ещё до приезда машины, я пошёл по известному мне адресу в третью клиническую больницу. После расспроса и осмотра меня без всяких формальностей поместили в больницу.

После недолгого пребывания в больнице меня направили в детдом-изолятор, который находился на улице Базарной, рядом с вокзалом. Ныне там находится университетский городок БГУ. Своё старое название улица получила от базара, который до войны размещался на площади, прилегавшей к пассажирскому вокзалу. Базар этот, если мне не изменяет память, назывался Виленским.

В изоляторе находились дети из детдомов, тяжело и длительно болевшие различными инфекционными заболеваниями, в том числе и туберкулёзом. Некоторые из детей были лежачими.

В палате с нами находился мальчик восьми или девяти лет. Звали его, кажется, Владиком. Фамилию запомнил.

Передвигался Владик с помощью костылей. С большим трудом, тяжело дыша, он делал десять–пятнадцать шагов и останавливался. Больная, неразгибающаяся нога, обмотанная жёлтым бинтом, постоянно влажным от гноя, неизменно лежала у него поверх одеяла. «Вот, опять косточка вышла», – говорил Владик после того, как возвращался в палату из перевязочной. У Владика была осложнённая форма остеомиелита. Почти всё время Владик лежал в кровати. Кроме остеомиелита, по всей вероятности, у него было заболевание лёгких – скорее всего, туберкулёз.

Болезнь у Владика зашла далеко, и, насколько я теперь понимаю, протекала бурно. Отсутствие необходимых лекарственных средств и плохое питание неотвратимо приближали конец мальчика. С каждым днём Владик становился всё хуже. Он был очень худ, почти прозрачен, и, несмотря на свои девять лет, казался совсем ребёнком.

Те из нас, кто мог ходить на своих ногах, после удачного промысла (благо, до станции было рукой подать) приносили Владику то суп в консервной банке, то кусок хлеба, а если повезёт, несколько круглых леденцов «bom-bom», заработанных продажей газеты или чисткой обуви. Взяв предложенное, Владик никогда не забывал своим тихим голосом поблагодарить детей, а когда у него не было сил, он просто ненадолго закрывал глаза и легко кивал головой.

Все мальчишки из той комнаты уже привыкли к хрипам и свистам, исходящим из груди Владика, к его тяжёлому дыханию и натужному кашлю.

Во время очередного приступа кашля его худенькое тельце содрогалось и судорожно билось о дырявый матрас с торчавшей из дыр

соломой, покрытый не менее дырявым суконным одеялом. Голова Владика после такого приступа откидывалась на бок. На его худой шейке, под прозрачной, почти белой кожей ярко синели тонкие вены, проступившие от напряжения, а на лице появлялись бледно-розовые пятна и бисеринки пота. Большие, серые с голубизной глаза, казавшиеся ещё большими на его исхудалом лице, выражали боль и страдание. Измученный очередным приступом, он виновато смотрел на нас и как бы просил прощения. Взгляд его был наполнен надеждой и отчаянием.

Часто после очередного приступа кашля в уголках его посиневших губ выступала кровь, которая ещё более подчёркивала их синеву. Кровь тоненькой струйкой скатывалась по подбородку. Вытянувшись после припадка натужного кашля, мальчик лежал, тяжело дыша, полностью обессиленный. Свист и хрипы доносились из его исхудалой груди. В такой момент наши детские голоса, как правило, затихали. Каждый из нас старался говорить шёпотом. Нам казалось, что только покой может облегчить страдания Владика. Помочь мы ему ничем не могли, и все мы, почему-то чувствовали себя в чём-то виноватыми перед больным товарищем. Даже своим детским разумом мы понимали, что должно было скоро произойти.

Диагноз «остеомиелит» встречался у многих детей. Двоих из них я помню по детдому №2. Одного звали Костей, другого – Кимом, по фамилии Грушевский. Больные остеомиелитом были и в детдоме №3.

Когда умер Владик, никто из нас, находившихся рядом с ним, не слышал даже стога. И это несмотря на то, что сон наш, как правило, был тревожным, в отличие от безмятежного сна, которым обычно спят дети.

Первым заподозрил что-то неладное вставший по нужде мальчик, спавший рядом с кроватью Владика. Позже он рассказал, что в углу, где спал Владик, была неестественная тишина. Утром пришла врач, пощупала

пульс, профессиональным жестом открыла веки, посмотрела глаза, затем накрыла тело Владика одеялом с головой, и ничего не сказав, вышла.

Спустя некоторое время пришёл сторож, завернул тело в простыню и унёс в сарай – туда, где он обычно готовил последнее ложе для таких детей.

Постоянный голод по-прежнему накладывал свой отпечаток на всё наше существование. Питание в изоляторе мало чем отличалось от детдомовского. Больные дети не могли столь же «успешно» добывать дополнительную «пайку». Засыпая и просыпаясь, думали только о пище, которой нам катастрофически не хватало. Пустой желудок постоянно напоминал о себе. Чувство голода не отпускало нас ни на минуту. Всё наше существо, весь наш голодный, растущий детский организм протестовал и неустанно напоминал о необходимости удовлетворения одной из основных потребностей человека.

Лечили меня тем, что промывали рану перекисью водорода и присыпали её порошком красного стрептоцида. Кроме того, давали таблетки красного стрептоцида перорально. После их приёма, многие дети испытывали боли в желудке и мочились ярко окрашенной в красный цвет мочой.

После примерно двухнедельного пребывания в изоляторе моё состояние несколько улучшилось. Врач сказала, что была договорённость о моём переводе в другой детский дом. Спустя какое-то время, она лично отвела меня туда. Таким образом, в начале лета 1942 года я оказался в детском доме №2 по Красивому переулку.

ГЛАВА 9

Во время оккупации детдом по Красивому переулку имел номер 2, вплоть до освобождения. После освобождения мальчиков отправили во вновь организованный детдом №12, а девочек – в детдом №7. На этом этапе детдомом был утерян номер 2, а детдом, точнее здание бывшего детдома, вновь стало детскими яслями.

В детдоме №2 я встретил своего старого знакомого – Ваню Богданова, с которым мы коротали зиму 1941 – 1942 года в Дроздах и в Козыревском детдоме №3. Конечно, я был несказанно рад этой встрече.

Заведовала детдомом №2 Вера Леонардовна Спарнинг. 1902 года рождения, она имела немецкие корни. Впервые я спросил её об этом в 1954 или 1955 году, и ответ был отрицательным, однако по моему приезду в Краснодар 40 лет спустя, она по секрету рассказала о том, что в её роду были немцы. Вера Леонардовна почти всю свою жизнь, за исключением последних лет, прожила в Минске.

Умение хорошо работать и руководить людьми, прекрасные деловые качества, позволили Вере Леонардовне ещё до войны занять высокую по тем временам должность заведующей санаторным детским садом, где лечили детей по поводу туберкулёзного заболевания. В таком детском саду дети находились круглосуточно многие месяцы, до полного излечения.

Вера Леонардовна вместе с сыном Борисом, 1929 года рождения, проживала в мансарде этого санаторного детского сада.

В последнее довоенное лето она отправила Бориса в пионерский лагерь, находившийся рядом с деревней Талька. В районе этой деревни располагалось несколько пионерских лагерей. Лагерь, в котором находился Борис, успели эвакуировать. Беспокоясь о сыне, Вера Леонардовна

неоднократно пыталась дозвониться до гороно, но безуспешно. С утра второго дня войны она уже была в гороно, но ничего не узнала. Борис в первые дни войны был эвакуирован и оказался в глубинке России, в детском доме города Чебоксары. Встреча с сыном состоялась после войны.

В середине 1943 года Борис убежал из детского дома на фронт, стал сыном полка и прошёл с этим подразделением всю Западную Европу. Награждён. После войны Борис окончил школу аэрофлота и авиационное училище транспортной авиации. Демобилизовался в звании майора. В настоящее время проживает в Краснодаре.

Вера Леонардовна, будучи заведующей санаторным садом, ещё с довоенного времени пользовалась большим авторитетом в кругу соседей и имела среди них много друзей.

Этот санаторный детсад располагался в живописной местности на окраине Минска, среди зелёных насаждений улицы Красивой и Красивого переулка. Санаторный детский сад имел небольшое подсобное хозяйство. Территория детского сада, ставшего детдомом, была окружена частными фруктовыми садами. Детский дом также имел свой большой озеленённый участок с ягодным кустарником, фруктовыми деревьями и цветником.

С началом войны многие родители разобрали лечившихся в санаторном саду малышей, но некоторые дети остались.

Когда после прихода немцев в городе оказалось много бездомных детей различного возраста, Вера Леонардовна вместе со своими бывшими сотрудниками, воспитательницей Ниной Ивановной Бурой и бабушкой Бессер, организовала поиск таких детей. Женщины находили, обмывали, кормили и по мере возможности одевали осиротевших ребят, без какого-либо принуждения, ещё до организации в городе управы, делая всё то, что в таких случаях необходимо было делать для спасения беспризорных.

Таким образом, инициативе Веры Леонардовны на базе детского сада был создан приют для беспризорных детей.

Жившие в частном секторе вокруг детского дома соседи вели полунатуральное хозяйство, держали скотину, выращивали картошку и другие необходимые овощи, что было весьма характерно для пригорода довоенного Минска. Особенно расширился подобный промысел после оккупации города фашистами.

В начальный период организации детского дома никакого централизованного снабжения продуктами не было.

Многие из соседей не только на первых порах, но и в последующем весьма активно помогали Вере Леонардовне решать её нелегкие задачи по обеспечению детей хотя бы скромной, но достаточной для выживания помощью. Это позволило детскому дому без содействия городской администрации безболезненно пройти начальный период организации.

Не ожидая окончания продуктового запаса, Нина Ивановна Бурая поехала к себе на родину и привезла из деревни полный воз картошки, капусты и других овощей.

С началом работы городской администрации, Вера Леонардовна обратилась в управу с просьбой о помощи детям, оставшимся без родителей. С этого момента, приблизительно с конца июля 1941 г., бывший детский сад получил официальный статус детского дома №2, которому хоть и не регулярно, но стали выделять некоторое количество продуктов. Постепенно дом наполнялся детьми. Некоторых направляли через управу, некоторых переводили из других детдомов или больниц. Кого-то приводили люди, прослышав о том, что существует такой детский дом, а кто-то из бродяжек, узнав о нём по «сарафанному радио», приходил сам. Многонационален был и состав детей.

Под крышу этого дома в тяжелейших условиях оккупации Вера Леонардовна собрала примерно тридцать пять детей-сирот. А ведь их надо было обмыть, накормить, одеть и обогреть, а помимо детей, необходимо было содержать штат обслуживающего персонала.

Вера Леонардовна – женщина высокой нравственной культуры, никогда не разделяла детей по какому – либо признаку. Всю жизнь она работала с детьми и любила их как женщина, как мать, просто потому, что это были дети, которые в силу определённых обстоятельств оказались сиротами. Она была прекрасно осведомлена о национальности всех детей. Война уничтожила детство этих детей, и Вера Леонардовна делала всё возможное и даже невозможное для спасения осиротевших ребят. Дети военного времени, обиженные судьбой, особенно нуждались в её опеке, ласке, помощи и заботе. В этом она видела свой долг и предназначение.

Деятельная по натуре, используя довоенные связи, Вера Леонардовна договорилась с руководством молочного завода¹¹ об отпуске детдому молочных продуктов вторичной переработки: сыворотки, обраты и др. Следует отметить, что главный технолог завода проживал за забором детдома. Иногда работникам завода при выдаче продуктов детдому удавалось скрыто вывезти с завода что-нибудь более существенное. Все это в комплексе было важной добавкой к питанию детей.

Забываясь об улучшении быта и сохранении здорового микроклимата в коллективе, Вера Леонардовна тщательно подбирала сотрудников, что способствовало сохранению хорошей моральной обстановки не только среди сотрудников, но и среди детей. Эта сильная женщина с прочным моральным и нравственным стержнем фактически совершила подвиг в военное время.

¹¹ Действующий и ныне Минский молочный завод №1

Оказавшись в этом детском доме, я, прежде всего, увидел то, чего не видел ранее ни в одном из них. Меня поразила чистота, от которой, находясь в других детдомах, я практически отвык. Обеденные столы были покрыты клеёнкой. Кровати были с матрацами, простынями, одеяла были с пододеяльниками. У каждого имелось полотенце. Постельное бельё было не новым, но чистым. В помещениях зимой было не холодно и довольно уютно. Делая скидку на военное время, быт был налажен достаточно хорошо. Детдом был небольшой. Дети размещались в трёх палатах. В одной из них, самой маленькой, размещалось четыре старших подростка. В двух других палатах для мальчиков и девочек было не более чем по 12 – 16 человек.

Вот в такой детский дом привела меня врач из диспансера, и с такими людьми я встретился на новом месте.

Стремясь лучше обеспечить быт и питание детей, в конце лета 1942 года Вера Леонардовна сдала в аренду помещение под сапожную мастерскую. В ней работало несколько мастеров, осуществлявших изготовление и ремонт обуви по частным заказам. Одновременно производилось обучение детей сапожному мастерству, а также ремонт детской обуви и изготовление простейшей обуви для детей детского дома. Арендная плата за сдачу помещения использовалась для улучшения быта детей.

В своей подвижнической деятельности Вера Леонардовна обратилась за помощью, кажется, к какой-то церкви (по её мнению, наиболее зажиточной). Однако уже после второго посещения детского дома представителями этой церковной конфессии, Вера Леонардовна вынуждена была отказаться от их помощи по моральным причинам. «Дары приносящие» при повторном посещении явились в детдом в неприличном

состоянии, и Вера Леонардовна сочла необходимым отказаться от услуг таких благодетелей.

После этой неудачной попытки Вера Леонардовна вышла на евангельскую церковь, во главе которой стояли Антон Митрофанович Кецко и Яков Филиппович Рапецкий. В этом Вере Леонардовне помогла бабушка Бессер. Верующая, член евангельской церкви, она занималась в детдоме хозяйственной деятельностью. Евангельская церковь в дальнейшем сыграла важную роль в оказании продуктовой помощи, обеспечению детей одеждой и даже кое-какими медикаментами.

Позже, вспоминая Веру Леонардовну, её нравственный стержень, я пришёл к выводу, что основная опора общества – это люди трудолюбивые, толковые, ответственные и мудрые. Такие люди составляют оплот общества, его славу и гордость. Пусть они не очень известны; пусть они не вписали свои имена в анналы истории, но они имеют свою крепкую меру уважения и доброе имя среди окружающих. Таким человеком, несомненно, была Вера Леонардовна.

В этом детском доме нашли прибежище белорусы, русские, украинцы, татары, еврейские дети и даже один мальчишка-негритёнок по имени Джим Комогоров.

Вывезенный по линии МОПР (международное общество помощи рабочим) для лечения и летнего отдыха в Дятлово, Джим оказался в БССР. Вера Леонардовна нашла его в Минске, больного дистрофией, чесоткой и педикулёзом, и привела в детский дом. Несколько месяцев Джима выхаживали в детдоме. Родители его были профессиональными революционерами и находились в одной из стран Южной Америки. После освобождения Минска Вера Леонардовна написала в Москву, откуда немедленно приехал представитель МОПР и забрал мальчишку в Интернациональный детский дом. После войны Джим снимался в

кинофильмах «Миклухо-Маклай», «Серебряная пыль» и др. Сегодня Джим живёт и работает в Челябинске. Женат, имеет двоих детей. Будучи в командировках на Челябинском тракторном заводе, я дважды встречался с Джимом. В начале 1990-х годов Джим с женой приезжали к нам в гости. Затем наша связь, к сожалению прервалась. После Челябинска Джим переехал в Хабаровск, а из Хабаровска – в Пермь. Мой минский адрес также изменился.

В марте 2012 года я случайно увидел передачу на телеканале ОРТ, в которой Джим рассказывал о своей «одиссее». Впоследствии моя дочь разыскала Джима в социальной сети. В феврале 2015 года я получил от него письмо. Полный текст этого письма находится в Приложении 2.

Для «охраны» детского дома и сапожной мастерской заведующая приняла на работу сторожа. Звали его Иван Иванович. Фамилию его я запомнил.

Иногда Иван Иванович исчезал на несколько дней, а на вопросы любопытных неизменно отвечал, что ездил на побывку к родственникам, или говорил, что забрали в полицию, где ему пришлось пилить дрова.

Вечером ребята собирались вокруг Ивана Ивановича послушать его байки, а рассказывал он очень образно, чем всегда привлекал к себе детей. После своего повествования, внешне равнодушно, даже чуть-чуть с каким-то безразличием, он выслушивал наши рассказы о результатах ежедневных походов. Умел безучастно задавать, на первый взгляд, ничего не значащий вопрос.

В действительности, его вопросы имели глубокий смысл. Иван Иванович анализировал информацию и получал полное представление о движении воинских эшелонов и перевозимых грузах.

Дети, в силу своей мобильности, были для него вездесущими, всевидящими глазами. Обычно Иван Иванович задавал ничего не значащий вопрос, а затем постепенно выводил разговор на интересовавшую его тему. Подсознательно мы догадывались о цели таких бесед и, бывая на станциях или в других местах скопления техники, старались всё запомнить, и с явным удовольствием рассказывали Ивану Ивановичу об увиденном.

Уже позже, после войны, Вера Леонардовна рассказала мне об истинной деятельности Ивана Ивановича. Имя «Иван Иванович» было псевдонимом. До войны он являлся работником исполкома в каком-то белорусском городе, и был оставлен для работы в качестве связного с партизанским подпольем.

В конце осени 1942 г. из комиссариата городской управы в детдом пришло предписание о необходимости комплектования колонии для трудновоспитуемых детей, создаваемой на базе детдома №3. Отдел управы, ведавший приютами, «взял под козырёк» и разослал всем детским домам контрольные цифры по комплектованию вновь организуемой детской колонии. Второму детскому дому надлежало отправить семерых или восьмерых мальчиков, в число которых попал я и Ваня Богданов. Неизвестно, что конкретно замышлялось полицией. Наихудшим вариантом было создание действующей колонии, которая должна была быть окружена колючей проволокой и сторожевыми вышками. Но кого охранять? Больных детей? Возможно, замышлялось что-то иное, но любой вариант устройства колонии ограничивал бы свободное перемещение ребят и был неприемлем.

Вера Леонардовна собрала отправляемых детей и предупредила, что дети пойдут в Козырево в сопровождении дяди Степана. Дядя Стёпа работал в детдоме завхозом. Строгий по натуре, он, тем не менее, был

добрым человеком, и никогда не отказывал в просьбе детям, если мог эту просьбу удовлетворить.

Пройдя небольшой отрезок пути по Железнодорожной улице, дядя Стёпа остановил группу и сказал о том, что было ранее договорено с Верой Леонардовной. Он назвал группу из трёх человек, у которых в городе были родные или знакомые и сказал, чтобы названные дети некоторое время пожили у них. Одного человека дядя Стёпа сам взялся отвести в изолятор на Базарную улицу, а нам с Иваном сказал, чтобы мы шли в хорошо знакомый нам детский дом №5. Как дядя Стёпа распределил остальных ребят, не помню. В завершение он сказал, что пройдет шум, и нам можно будет возвратиться в детдом. «Вера Леонардовна примет вас», – сказал он.

Мы с Ваней по известной причине не пошли в 5-й детдом, а решили провести время на станции.

Ночевали в выгребном бункере. Примерно через неделю явились назад, грязные и чумазые. Нина Ивановна дала нам мыло и бельё, мы пошли в первую клиническую больницу, упросили дежурную, и она разрешила нам прожарить одежду и отмыться.

За то время, что мы отсутствовали, в детдоме побывала инспекция во главе с куратором детских учреждений В. Орловым. На вопрос Орлова, почему дети не поступили в детский дом №3, Вера Леонардовна ответила, что детей сопровождал мужчина, известный своей строгостью и ответственностью. Несмотря на это, дети разбежались. «А выделить полицейских для охраны и сопровождения группы детей я не могу. У меня на это нет никакой власти», – объяснила Вера Леонардовна.

Весной 1943 года в детский дом прибыла группа детей из вновь образованного 4-го детского дома, среди них были Анатолий Дикушин,

Ким Грушевский, а также Никитины – брат и сестра, Виля и Эмма. Всего детей было человек пять или семь. Остальных, к сожалению, не запомнил.

Еврейские дети попадали в детский дом разными путями. Об их национальности взрослые из работавшего персонала, я полагаю, догадывались. Глядя на Вилю Никитина, на его черный как смоль и кучерявый волос, услышав горловое произношение буквы «р» – можно было предположить истинную национальность ребёнка. Но, как позже мне рассказывала Вера Леонардовна, она, собрав персонал, в приказной форме потребовала прекращения всех разговоров, касающихся национального вопроса. И, слава Богу, среди персонала не оказалось плохих людей. Благодаря неустанной работе, проводимой Верой Леонардовной, Яковом Филипповичем, (об этом человеке особый рассказ) и воспитателем Иваном Александровичем, который вёл группу мальчиков, все работники детдома и дети жили одной дружной семьей, и за время оккупации в коллективе не было никаких эксцессов.

Вот что вспоминает Лена Антонова, 1935 года рождения, еврейка по матери, оказавшаяся в гетто с мамой и бабушкой. Бывшая воспитанница детского дома, впоследствии преподаватель музыкальной школы города Молодечно, рассказывает:

Гибель мамы, бабушки, ужас пережитого, неоднократные стрессовые ситуации, которые я пережила в гетто, сделали меня пугливой и замкнутой. Некоторое время я ночевала в подъездах, разрушенных домах, погорелищах. Превозмогая страх, голод заставлял меня стучаться в чужие двери и просить подаяние у незнакомых людей.

Боже! Мне казалось, что весь мир знает, что я еврейка и что я убежала из гетто! Страх сковывал меня днем и ночью. Особенно

страшно было по ночам, когда я оставалась наедине со своими мыслями. Страшила неизвестность, но мир оказался не без добрых людей. Однажды сердобольная женщина, увидев меня (я была очень маленькой и худенькой), пригласила к себе домой, покормила и отвела меня в детский дом. Это произошло в конце 1942 года.

В этом детском доме я впервые увидела того человека, который долгие, чёрные дни оккупации не только был рядом с нами, но поддерживал и заботился о нас всё это время. Это была Вера Леонардовна Спарнинг – заведующая детским домом, где я оказалась по воле случая.

Когда после моего прихода она стала записывать мою фамилию, то спросила меня: «Ты пришла из гетто?» Я не могла обманывать, но и правду сказать тоже не могла, боялась. Я расплакалась. Вера Леонардовна, как могла, успокоила меня и сказала, что все будет хорошо, а когда я заплакала на отчестве мамы, она сама записала имя и отчество, как Ольга Николаевна. И всё, вот тогда я поняла, что детский дом – это моё спасение. Вера Леонардовна прекрасно всё понимала, и больше меня никогда ни о чем не спрашивала и не беспокоила. Была война, оккупация и конечно, мы в чём-то нуждались, в чём-то были ущемлены. Конечно, хотелось вкуснее и сытнее покушать, но с голоду никто не умирал и не опухал. Каждый из нас имел свою постель, спали мы на простынях и укрывались одеялами, заправленными в пододеяльники. Зимой в помещениях было тепло.

В том, что в детдоме №2 не было расовых чисток, огромная заслуга Веры Леонардовны Спарнинг, сделавшей в то тяжёлое время всё возможное для сохранения детей, оказавшихся на её попечении.

ГЛАВА 10

После установления связи с евангельской церковью, в детский дом №2 стали приходить Яков Филиппович Рапецкий и Антон Митрофанович Кецко.

Яков Филиппович бывал в детском доме почти ежедневно, учил детей Слову Божьему. Вместе с Яковом Филипповичем в детский дом приходила его жена Евгения. Отчества её не помню. Она хорошо играла на гитаре и аккомпанировала детям, когда с девочками разучивала и пела христианские гимны. Кроме этого, она учила девочек рукоделию.

Когда Яков Филиппович приходил, то детям казалось, что в помещении становилось светлее, что погода улучшалась, да и дети вновь становились детьми, обретали свою непосредственность, забывая о том, что происходит вокруг. Образно говоря, его любовью дети были окружены, буквально купались в ней, и они это ощущали.

Был он человеком неординарным, очень добрым. Вокруг него детвора постоянно толпилась, дети исподволь чувствовали его доброту и его искреннюю к ним любовь, платили ему той же монетой – любовью и полнейшим доверием. Детей не обманешь.

Уже после войны бывший воспитанник детского дома Виля Лившиц, впоследствии кандидат технических наук, доцент Белорусского политехнического института, рассказывал, что он, будучи тринадцатилетним мальчиком, в приватной беседе признался Якову Филипповичу, что он еврей. С его стороны – стороны ребенка, который провел много дней и ночей в гетто и повидал много ужасного – было высшим актом доверия. Доверие, с которым открылся мальчик, еврей по национальности, с учетом времени и обстоятельств, было беспримерным,

поскольку цена такого признания – это две жизни. Но любовь и доверие к Якову Филипповичу были абсолютны.

В детском доме Виля и его сестра Эмма носили фамилию Никитиных. В повседневной детдомовской жизни Виля никогда не ходил просить милостыню, чистить обувь, продавать газеты или выпрашивать у немцев съестное и делать всё то, чем были заняты другие ребята. Такое поведение объяснялось чрезмерной осторожностью, боязнью выдать своё еврейское происхождение. Его можно было понять.

После войны Виля успешно окончил политехнический институт, работал в «Белпромпроекте» (освещение стадиона «Динамо» – один из его проектов), работал преподавателем на кафедре электротехники в БПИ. Сегодня он проживает с семьей в США.

Часто в доме Якова Филипповича по заданию Веры Леонардовны бывала Вера Иванова, которая при необходимости осуществляла связь между Верой Леонардовной и Яковым Филипповичем. Вера Иванова впоследствии стала моей супругой.

Вера Степановна Иванова (Баранова) рассказывала, что супруги Рапецкие жили очень скромно. Жильё Рапецких состояло из маленькой комнатухи, в которой едва умещалась железная кровать, небольшой столик и две табуретки. Тем не менее, такая неустроенность быта не мешала этим людям выполнять ту важную работу, которой они себя посвятили и постоянно, будучи не только в Минске, ею занимались, с большой ответственностью и любовью.

Любовь к людям, а к детям особенно, была нравственной сердцевиной Якова Филипповича. Людям Яков Филиппович отдавал все силы души так, что в каждом человеке, с которым он соприкасался, оставалось от него обязательно что-то хорошее.

Главным делом он всегда считал то, которым был занят в текущий момент. Второстепенных дел у него не было. И Богослужение, и общение для него были работой его души. Ему был интересен любой ребенок, каждый человек, общаясь с которым, он не отвлекался ни на миг.

Забываясь о культурном развитии детей, он разыскал для детского дома мандолину, а затем балалайку.

Когда Яков Филиппович узнал, что до войны я учился в музыкальной школе, он принёс небольшую скрипку, и я по слуху стал сопровождать песни, которые разучивали дети.

Совсем недавно, весной 2004 года, ко мне прилетел музыкальный привет из прошлого. Будучи в церкви, я услышал в исполнении девочки песню, которую мы называли «Зорка з неба». Было необычайно трогательно и волнительно спустя много лет услышать эту незабытую песню из моего далекого детства.

Воспитатели также с интересом слушали рассказы и проповеди Якова Филипповича. В своих беседах он говорил о любви к ближнему, об ответственности друг перед другом, о грехе предательства и многом другом. Он учил детей обращаться к Богу с молитвой. Дети и взрослые, можно сказать, жили одним домом, одной семьей, и прекрасно понимали сложившуюся ситуацию. Яков Филиппович с Верой Леонардовной были большими друзьями. Общая цель их сблизила. Всё это, в конечном итоге, возымело действие и благотворно сказалось на всём коллективе в целом.

Каждый из детей получил от Якова Филипповича «Евангелие от Иоанна», которое было издано карманным форматом в мягкой бумажной обложке на серой бумаге. Это Евангелие, как охранный талисман, я пронёс через всю войну.

Приходил и беседовал с детьми пастор дома молитвы Антон Митрофанович Кецко, который организовывал работу по сбору, доставке продуктов питания и одежды детям, что было крайне необходимо.

Вера Леонардовна также беседовала с детьми, рассказывая о принципе равенства всех людей. В своих беседах она многократно повторяла, что у нас в детском доме не должно было быть ни споров, ни распрей. «Только дружба, – говорила она, – только уважение и любовь друг к другу поможет нам в это тяжёлое время выжить». И слова эти возымели своё действие.

На собранные евангельской церковью денежные средства по месту работы мужа Нины Ивановны, дяди Коли, и при его содействии были изготовлены несколько саней для перевозки грузов. По двое, а иногда и по трое, мы подрабатывали тем, что занимались перевозкой грузов для приезжавших немцев, что позволяло нам иметь лишний кусок хлеба.

По мере роста и развития партизанского движения подходы к путям, эшелонам и железнодорожным станциям стали всё строже охраняться. Несмотря на усиление охраны, диверсии на станциях и подъездных путях участились.

Однажды на рассвете нас разбудил сильный взрыв. Выбежав на улицу, мы увидели на подъездных путях Могилёвского переулкa, недалеко от детского дома, зарево большого пожара и клубы чёрного дыма. Были взорваны и горели две железнодорожные цистерны с топливом. Нет сомнения, что это была работа партизан.

К лету 1943 года активизировалось партизанское движение в городе. Была подорван фугас в столовой СД, располагавшейся в медицинском городке (ныне район Белорусского государственного университета), было также взорвано устройство и в театре Янки Купалы во время проведения

там какого-то мероприятия. По чистой случайности, я находился в скверике рядом с театром, был свидетелем тех событий, и видел эвакуацию раненых.

В скором времени на станциях и железнодорожных путях появилась специальная охранная полиция; как правило, патрульную службу они несли вместе с собаками и при малейших подозрениях применяли оружие.

Для поимки тех, кто без разрешения находился на путях железнодорожной станции, охранники заходили с двух сторон эшелона и при надобности спускали собаку. Убежать от станционных полицейских было практически невозможно. Вот в такую облаву я и попал с одним мальчиком, из нашего детского дома – Мишей Турцевичем.

А произошло следующее. Мы уже направились к выходу со станции. В этот момент тронулся эшелон, груженный военной техникой, находившийся справа от нас. С левой стороны стоял короткий состав, примерно из 8-10 товарных вагонов. И тут мы услышали сзади себя чей-то громкий приказной голос, принадлежавший, как оказалось, немцу-жандарму, вышедшему из-за крайнего вагона стоявшего поезда. Не договариваясь, мы побежали вперед. Немец вновь крикнул «Halt!» Раздалось 3 или 4 выстрела, и в тот же момент мы услышали щелчки пуль о металлические части вагона. Не договариваясь, мы юркнули под вагон. Едва мы вылезли из-под вагона, как увидели ещё двух немцев, стоявших вначале и в конце товарного состава. У одного из них на поводке была собака. От собаки не убежишь. Всё. Мы были пойманы.

После поимки нас в сопровождении двух станционных полицейских отконвоировали на противоположную сторону пассажирской станции и завели в здание, где размещалась охранная немецкая полиция. Сегодня это район улицы Дружной. Здание охранной полиции на сегодня ещё сохранилось. Открыв дверь в подвальное помещение, охранник втолкнул

нас в полутёмный сырой подвал, запер на засов дверь подвала и удалился. Маленькое окно под потолком, сквозь которое едва проникал дневной свет, было зарешечено. Вскоре стемнело, и мы, прижавшись друг к другу, улеглись на цементный пол, в надежде, что нам удастся заснуть, утром нас выпустят и всё закончится благополучно. Но неопределённость и пронизывающий холод не способствовали этому. Сон не приходил. Мы не спали всю ночь.

Рано утром в помещение вошел немец-охранник, толкнул меня прикладом, вывел из подвального помещения и отвёл на второй этаж в комнату. За столом сидел офицер, как оказалось, сносно говоривший по-русски. Вопросы были несложными и ответы на них были простыми.

По окончанию допроса офицер что-то сказал охраннику. Когда я в сопровождении охранника вышел из комнаты, где меня допрашивал офицер, я увидел Мишу, который шел мне навстречу в сопровождении другого охранника. Я полагал, что всё закончится благополучно. Но глубоко ошибался. Это я понял после того, когда немец велел мне идти с ним, взять скамейку и нести в подвал. Спустя короткое время в подвал вошёл его коллега, который принес верёвку. Велели раздеться. После чего привязали ноги к скамейке, а руки связали под скамейкой, да так, что я едва мог пошевелиться, и стали избивать плетью. Били сильно, до потери сознания. После чего облили водой, и тут я только увидел, что Михаил стоит рядом и плачет.

Меня отвязали от скамейки и оттащили в угол. К скамейке привязали Михаила. Всё то же повторили с ним. Мы оба некоторое время были без чувств.

Я вспоминаю это, как сквозь туман. Всё тело горело. Спина и то, что ниже, было огромным кровоподтеком. Казалось, что туда приложили раскалённый лист железа. Болело так, что невозможно было даже

повернуться. При каждом шевелении струпья лопались, вызывая дополнительные страдания.

Остаток дня и ночь были для нас сплошным кошмаром. Ночь прошла в забытии. После полудня принесли хлеб и воду. Воду мы выпили, а к хлебу почти не притронулись – было не до него. Лишь к полудню третьего дня нас выпустили. С большим трудом мы добрались до детского дома.

По поводу нашего избиения Вера Леонардовна и Яков Филиппович по горячим следам пошли в городскую администрацию (управу), но, конечно, ничего не добились. Слава Богу, что все закончилось этим. Могло быть и хуже.

Окончательно мы пришли в себя недели через полторы.

ГЛАВА 11

Вера Леонардовна, как правило, знала о вероятных облавах или обысках в нашем районе. Об этом её предупреждал Яков Филиппович, который, в свою очередь, получал эти сведения от немецкого офицера, евангелиста Герарда Крюгера. По службе он имел какое-то отношение к немецкой комендатуре, и те сведения, которые приходили к нам, были абсолютно верны и для детского дома бесценны.

Вслед за пришедшим сообщением о готовящейся акции в нашем районе (облава, проверка документов и т.п.) некоторых детей, которых нежелательно было видеть немцам, на всякий случай укладывали в постель, оборачивая головы полотенцем. А на воротах детского дома вывешивали плакат с надписью на русском и немецком языке – «Seien Sie vorsichtig! Im Waisenhaus Fieber. Будьте осторожными! В сиротском доме тиф». Грамотный перевод сделал Иван Александрович, до войны преподававший немецкий язык в одном из институтов города.

Практиковался и другой вариант (или оба вместе), когда некоторых детей на это тревожное время уводили или отсылали куда-нибудь подальше. Иногда – к соседям. Активную помощь в этом оказывали воспитатели Нина Ивановна Бурая и воспитатель мальчиков Иван Александрович (к сожалению, фамилии не помню), да и старшие дети активно помогали взрослым. Их забирала к себе бабушка Бессер.

Кроме информации о предполагаемых действиях комендатуры, Герард Крюгер оказывал и другую помощь.

Шефом одной из немецких пекарен в городе был человек, которого ещё в довоенные годы крестил Герард Крюгер. И эти два немца, два глубоко верующих человека, нашли возможность передавать детскому

дому столь важные продукты, как муку и даже сахар. В то голодное время такая помощь имела большое значение.

Тогда мы увидели и, конечно, удивились, что в детском доме стали появляться мучные изделия. Но никто, кроме Веры Леонардовны, Якова Филипповича и Антона Митрофановича не знал, что всё это являлось делом рук немца-евангелиста Герарда Крюгера. Рисковала ли Вера Леонардовна, спасая еврейских детей? Безусловно, да. В тех условиях достаточно было одного доноса злого человека, и тогда не жди добра от фашистов. Груз ответственности за все происходящее она взвалила на свои плечи. За это, без всякого сомнения, ей в лучшем случае грозили каторжные работы, концлагерь. Но, слава Богу, этого не произошло.

В январе или феврале 1944 года в детдом неожиданно приехали немцы, которых никто не ожидал. В информационной цепочке произошёл сбой. Спустя два года Вера Леонардовна рассказывала мне, что наш «ангел-хранитель» Герард Крюгер в тот период какое-то время отсутствовал в городе.

Все дети были построены. Немцы отобрали несколько человек, в том числе четырёх мальчиков: двух двенадцатилетних братьев-близнецов, латышей по фамилии Биргер, подростка шестнадцати лет Лёню Демова и меня, и трёх или четырёх девочек. Всех увели. В число отобранных девочек попала и Вера Иванова, осуществлявшая связь между Яковом Филипповичем и Верой Леонардовной. Нас привели в какой-то дом на Московской улице. Через некоторое время привели ещё несколько партий подростков. Всего в помещении находилось примерно 15 – 20 детей, взятых из других детских домов города. В полдень следующего дня нас отвезли на железнодорожную станцию, погрузили в товарный вагон и отправили на чужбину.

С этого времени и вплоть до освобождения, как рассказывают ребята, фашисты, предчувствуя крах, озверели. В городе стало очень беспокойно.

2 июля 1944 года, – рассказывает Лена Антонова, – немцы приказали всем собраться на площади возле оперного театра. По городу сновали фашисты и их наемники полицейские, сгоняя всех на площадь. И в эту тревожную минуту Вера Леонардовна была вместе с нами. Она не спешила выполнить приказ немецкого командования и сказала нам, чтобы мы не выходили за территорию детского дома. Её указания мы выполняли всегда.

3-его июля нас освободили. Страшная ночь закончилась.

Вместе с Верой Леонардовной мы радовались нашему освобождению от этих проклятых фашистов. Мы её целовали, смеялись и плакали.

Нахлынувшие на нас чувства невозможно описать никакими словами. Сорвав по указанию Веры Леонардовны все цветы, растущие во дворе детдома, мы встречали наших освободителей.

Сегодня все мы уже пожилые люди, и жизнь разбросала нас по разным странам, но при каждом удобном случае мы собираемся вместе. Мы помним, что своей жизнью мы обязаны нашей несравненной и дорогой Вере Леонардовне, Якову Филипповичу и всему персоналу детского дома. Эти люди в тот чрезвычайно сложный промежуток времени вложили в наше становление очень много сил, что позволило нам войти в будущую жизнь.

Все дети детского дома дожили до своего освобождения. В нормальном состоянии здоровья было передано родителям и направлено в

другие детдома 34 ребёнка, что было зафиксировано соответствующим документом. Среди детей было шестеро ребят еврейской национальности.

За всё время существования детского дома, благодаря дружной работе коллектива, церкви, а также помощи Герарда Крюгера, в детском доме не было ни одной детской смерти, и даже в тяжелейших условиях оккупации у детей не было серьезных заболеваний. В других детских домах смерть уносила и детей, и руководство; во многих случаях, как рассказывала Вера Леонардовна, это называли «естественными потерями».

Содержать, кормить и сохранить всех детей было делом не только трудным, но и опасным, по известным причинам. Но со всем этим управлялась, всё смогла сделать эта мужественная, высоких нравственных устоев, женщина – Вера Леонардовна Спарнинг.

Многие родители, возвращаясь из эвакуации или с фронта, находили своих детей. Вернувшись с фронта, нашли своих детей офицер Михаил Иванович Дикушин, С. Лившиц. Нашёл своего отца Виктор Таубкин, своих родных нашли Ким Васильевич Грушевский, Анатолий Николаевич Дудкин. Нашел своих близких Сергей Мартынов, Борис Кольцов, Михаил Турцевич и многие другие дети. Пишу больше о мальчиках. С девочками общался меньше, но среди них многие также нашли своих родных и близких.

Вскоре после освобождения, детей 2-го детдома разбросали по разным детским домам. Мальчиков отправили в 12-ый детдом, девочек во вновь созданный 7-ой, а на месте детского дома №2 был вновь создан санаторный детский сад, и Вере Леонардовне поручили руководство этим детским садом.

Многие родители и родственники после встречи с детьми обращались к властям и гороно с просьбой о поощрении Веры Леонардовны, но власти

не спешили выполнять их просьбу. Конечно же, следуя принципу справедливости, за сохранение и спасение детей Веру Леонардовну следовало наградить. Но поощрять руководителя детдома в оккупированном городе, да ещё и с немецкой фамилией! Как бы чего не вышло...

Спустя два месяца после начала руководства послевоенным детским садом, Вера Леонардовна была арестована. Одна шустрая женщина, вовремя убежавшая от немцев в тёплые края, а затем своевременно возвратившаяся назад, сочинила донос в НКВД. В доносе Вера Леонардовна обвинялась в том, что во время её руководства детдомом имело место страшное преступление, заключающееся в евангелизации советских детей. Всё было сделано для того, чтобы лишить её занимаемой должности. Так и произошло.

Впоследствии Вера Леонардовна рассказывала мне, что если бы в её деле оказались хотя бы малейшие сведения о причастности к детскому дому немецкого офицера, то материалы эти могли бы быть объединены, и инкриминированы ей по более суровой, даже политической статье. Это, безусловно, усугубило бы её положение.

Но этого не произошло. Всевышний защитил Веру Леонардовну! В её поддержку встали дети, которые организовали в адрес К. Ворошилова целое послание, подписав его многочисленными корявыми детскими подписями. Под следствием Вера Леонардовна находилась примерно полтора месяца. Существенную роль в её освобождении сыграл Иван Иванович – бывший сторож детдома, партизан. Он не побоялся пойти в НКВД и дать Вере Леонардовне объективную характеристику. Кроме того, он написал заявление в партийные органы, и по этому же вопросу встречался с секретарём горкома партии. Вскоре вопрос о виновности был снят. Вера Леонардовна была реабилитирована, и ей поручили руководство

другим детским садом, поскольку к тому времени её прежнее место работы в детсаду №2 уже было занято человеком, проявившим «политическую зоркость».

Обо всём этом мне рассказали Иван Богданов и Иван Мартынов, которые, уже будучи в детдоме №12, были активными сборщиками подписей среди мальчиков в защиту Веры Леонардовны.

С человеком, оговорившим её по злому умыслу, ей приходилось впоследствии встречаться на совещаниях, но Вера Леонардовна не допускала и намёка на выяснение отношений, считая это ниже своего достоинства.

В мире нет ничего случайного, включая и саму случайность.

Во всем моём повествовании можно выявить несколько таких «случайностей», хотя они таковыми не являются. Если это так, то это уже не случайность. Это больше походит на высшую закономерность. Важнейшая из этих «случайностей» – та, что я остался жив после трагедии под Куколевкой. Не считаю случайностью и то, что на жизненном пути встретились такие люди, как Вера Леонардовна и Яков Филиппович, непрестанная забота которых была крайне необходима нам, внезапно осиротевшим детям. Не случайно и то, что судьба детей-сирот пересеклась с жизненной дорогой Герарда Крюгера, немца-евангелиста, который в тяжелейших условиях войны не побоялся и нашёл возможность помогать детскому дому, в том числе своевременно передавая информацию о намерениях властей касательно нашего района. Это повторялось особенно часто, по воспоминаниям бывших воспитанников детдома, в 1944 году.

За всё время фашистской оккупации, благодаря дружной работе коллектива детского дома, не было ни одного случая потери ребёнка.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ЧАСТИ 1

Вспоминать прошлое нелегко по многим причинам. Жизнь моя в детские годы изобиловала порой жестокими эпизодами, которые позволили получить тяжкий, но важный жизненный опыт. Опыт, приобретенный войной.

Будучи мальчишкой, я помимо своей воли повидал многое из того, чего ребёнку с его неокрепшей психикой видеть не следует. Всё то, чему я во время войны оказался свидетелем, было ужасно. Увидеть смерть, особенно насильственную – это неизменно стрессовая ситуация, и, как правило, она оставляет отпечаток на всю оставшуюся жизнь. Всё увиденное и пережитое запомнилось и запечатлелось в моём сердце и останется во мне до скончания дней моих.

В этой страшной войне я выжил, и, стало быть, должен любить и благодарить Господа за каждый прожитый день, дарованный мне Всевышним. О том, что мне пришлось увидеть и пережить в оккупированном Минске во время войны, я написал в первой части повествования. Трудность написания заключалась в том, что все события приходится переживать заново с болью, со всеми вытекающими последствиями. Порой я неделями и больше не мог подойти к компьютеру.

Первую часть воспоминаний о событиях и жизни в оккупированном Минске я скопировал на диск. О событиях, происшедших со мной на чужбине, я тезисами, но подробно написал во второй части. С этой частью, к сожалению, случилась беда из-за сбоя в компьютере. Восстановить написанное во второй части я не смог.

С болью в сердце пытался я возвращаться к памяти написанного о прошлом, но мне не хватает силы для преодоления себя, нелегко даже памятью прикасаться к тому времени. Вспоминать тяжело и не хочется.

Иногда меня посещает такая мысль: «Может быть, и не надо ничего писать?»

Впрочем, если Господь даст силы и здоровье, я попробую написать продолжение повести.

ИЛЛЮСТРАЦИИ К ЧАСТИ 1

Июль 1941 г. Колонна пленных на улице Московской в Минске.

Суражский рынок (находился в районе современной ж/д станции
Товарная), снято с Бетонного моста

Ваня Богданов до войны, детский дом №3

ЧАСТЬ 2. ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

ГЛАВА 13

В июле 1945 года я вернулся из Германии. О самом нахождении в Германии вспоминать нелегко, да и не хочется. Оказавшись в родном Минске, я в тот же день пошёл на Красивый переулок, туда, где во время оккупации находился детский дом №2.

Там я встретил Веру Леонардовну. В то время она заведовала вновь организованным детским садом, который был создан на месте бывшего детского дома №2.

На следующий день после моего возвращения мы пошли с ней в гороно, и я получил направление в 12-ый спецдетдом, который находился по улице Грушевской. Там я повстречал многих своих старых знакомых: Ивана Богданова, Колю Вовну, Ваню Мартынова и других детей, с которыми в ту лихую годину мне довелось быть рядом.

Вернулся я с нарушенным здоровьем. В скором времени у меня было обнаружено потемнение верхушки левого легкого. Примерно два с половиной месяца я пролежал в 3-ей клинической больнице, и всё пришло в норму.

Всё лето дети, окончившие седьмой класс, помогали мне восполнить мой образовательный пробел. Большую помощь в моём обучении оказал мне Женя Пятилетов. В сентябре 1945 года я «перепрыгнул» через 5-ый класс и пошёл в 6-ой. Обучение продолжил в 3-ей школе, находившейся в пяти минутах ходьбы от детского дома. В школе у меня произошла неожиданная встреча с моей первой учительницей, Анной Ивановной, которая, будучи моим классным руководителем, вела меня с первого по

четвертый класс 47-ой школы. Фамилию Анны Ивановны, к сожалению, не помню.

Встреча наша произошла в школьном коридоре. Она сразу узнала меня, завела в учительскую и досконально расспросила обо всём, что произошло со мной за прошедшие годы. Я подробно рассказал ей обо всем, в том числе и о встрече в четвертом детском доме с Леной Врублевской.

Весь 1945 – 1946 учебный год Анна Ивановна внимательно следила за процессом моего обучения и оказывала мне необходимую помощь, приходила в детский дом, беседовала по поводу моей учебы с заведующей учебной частью Ниной Константиновной Редько. Шестой класс я окончил с высокими оценками.

Осенью 1945 года мы с Верой Леонардовной пошли в промышленный отдел дома правительства с целью розыска сведений о моем отце. Мы долго ходили по лабиринтам коридоров, пока не разыскали нужную комнату, где нам ответили, что завод готовился к эвакуации, но как она прошла, насколько я понял, ясности не было. Сведений об отце они не имели. Мы попросили сделать запрос в Кыштым. Через некоторое время я пришёл в промышленный отдел, и мне повторили сказанное ранее: «Направленный эшелон в Кыштым, если и был такой, к месту не прибыл».

Нина Константиновна Редько – завуч детского дома – сделала запрос в военкомат по поводу моего отца. Результаты были неутешительными. В ответе было сказано, что Степан Васильевич Баранов в армии не служил и по учёту безвозвратных потерь не значится.

На этом поиски отца закончились. Отец любил нас, и я уверен, что если бы он был жив, то сам предпринял бы попытку разыскать свою семью.

Немного о том, как жили мы в послевоенном детдоме.

Бытовые условия несравненно отличались от тех, в которых находились дети во время оккупации. Но, что касается питания, то оно в 1945 – 1946 годах было не очень хорошим. Если качество питания выразить по пятибалльной шкале, то нас кормили на «3,5». Вот этих «0,5» баллов для быстро растущих 14 – 15-летних подростков и не доставало. Многие из детей, прошедшие «воспитание детдомом военного времени», вспомнив прошлое, позволяли себе набеги на соседские сады и даже промышляли в людных местах. Но стоило пострадавшему соседу заявить и изобличить «преступника» – немедленно следовало жестокое наказание. Ребёнка выгоняли из детдома. Такому наказанию неоднократно подвергался Ваня Богданов. За мою бытность никто из детей, будучи выгнанным, никогда и никуда не жаловался. Безусловно, заведующему надоедали обращения соседей, но лично я за отлучение детей от детдома оправдать его не могу.

Буквально за забором детдома располагался детский сад, заведующей которым была тётя Фрося – так мы её называли. Там же, в пристройке, она проживала вместе с мужем и детьми. Двое сыновей тёти Фроси, десяти и двенадцати лет, были практически неразлучными друзьями с ребятами из детдома. Эта добрая женщина являлась неофициальным «адвокатом» выгоняемых детей, которые, лишившись крыши над головой, ночевали в пристройке у тёти Фроси. Каждый случай такого наказания становился сразу ей известным. Тогда она смело шла к заведующему детдомом на переговоры, и ситуация разрешалась.

С горечью вспоминаю о трагедии, происшедшей в Минске с детьми в первый послевоенный год.

3-го января 1946 г. дети различных школ города были приглашены на празднование Нового года. Зал находился в одном из домов на Площади

Свободы, напротив улицы Революционной (площадь Свободы, д. 4). Прежде это был жилой многоквартирный дом, после революции многократно перестраиваемый. Во время войны в нём находился немецкий комиссариат. Минчанам дом был известен тем, что во время оккупации там был расстрелян немец-антифашист – партизан Фриц Шменкель. Как и многие другие дореволюционные постройки, дом имел деревянные перекрытия и деревянные внутренние стены, покрытые штукатуркой.

В разгар праздника в зале вспыхнул пожар. Загорелась ёлка. Пожар мгновенно охватил всё помещение. По неизвестной причине дети не могли выбраться наружу через двери. Многие задохнулись в дыму. Некоторые прыгали из окон третьего этажа. До сей поры не установлены причины этой ужасной трагедии: была ли это чья-то халатность или роковая случайность, которая унесла более ста молодых жизней. К сожалению, на месте трагедии нет даже памятной доски.

Подробности этого пожара стали известны общественности спустя 30 или даже 40 лет. Не помню, был ли в то время в детском доме радиорепродуктор. Но даже если бы он и был, то информация после контроля цензуры была бы далеко не полной. Лишь спустя примерно месяц до нас дошли слухи о том, что в одном из домов на площади Свободы сгорела новогодняя ёлка, мгновенно выгорело всё помещение, были жертвы.

Вспоминая об этом, я не могу не добавить, что трое воспитанников нашего детского дома, в числе которых был я, должны были быть на встрече Нового года 3-го января. Но в последний момент из гороно пришла телефонограмма, извещавшая о том, что билеты на встречу Нового года нам заменили на другое число. Позже, когда Женя Пятилетов спросил у завуча детского дома Нины Константиновны Редько: «Почему мы не

попали на ёлку?», она ответила: «Не жалеете об этом. Может быть, это и к лучшему».

Через некоторое время стало известно о том, что во время пожара погибло около сотни детей.

В 1946 году Вера Леонардовна вышла замуж за Павла Ивановича Демидова, который работал начальником цеха подачи топлива на ТЭЦ-2.

Осенью 1946 года Павел Иванович поехал в Старо-Сокольнический детский дом Великолукской области и забрал из него девочку Веру Иванову, бывшую воспитанницу детского дома №2, которая после этого и вплоть до замужества проживала вместе с Верой Леонардовной.

Сегодня Вера Степановна Иванова, осуществлявшая во время войны связь между Яковом Филипповичем и Верой Леонардовной – моя супруга.

В конце 1946 учебного года меня вызвал заведующий детским домом Дмитрий Ковриков и спросил о моём желании учиться в Суворовском училище. Я дал свое согласие, после чего мои документы отправили в Тульское Суворовское училище, чему я был несказанно рад.

Через некоторое время из училища пришел ответ, в котором было сообщено, что «в связи с опозданием присланных документов они не подлежат рассмотрению». Мотивация была банальной. В действительности, как объяснил мне заведующий, необходимые документы были направлены вовремя. Истинная же причина состояла в том, что в отосланных документах в краткой биографии было написано, что рекомендуемый на учёбу воспитанник во время войны был вывезен в Германию из минского детского дома.

Так я не попал на учёбу, куда очень хотел, а детдом потерял целевое место в Суворовском училище, выделенное горono. После этого инцидента Дмитрий Ковриков – бывший лётчик, ветеран войны, награждённый за

боевые заслуги орденами и медалями, сказал мне: «Володя, никогда, никому и ни при каких обстоятельствах не говори о том, что ты был в Германии. И сам забудь об этом».

И я «забыл», но чувство своей неполноценности осталось во мне на долгие годы. В дальнейшем оказалось, что не всё зависело только от меня, и окончательно скрыть факт своего пребывания в Германии я не смог.

В 1946 году, в конце последней учебной четверти, у меня пропало метрическое свидетельство и справка о прохождении проверки в фильтрационном лагере¹². Сожалел я и о пропаже подарка Якова Филипповича – Евангелия от Иоанна, изданного на серой бумаге карманным форматом примерно 6х10 см. Это простенькое издание прошло со мной всю войну и было мне дорого. Я считал его своим охранным талисманом. Тогда же пропала небольшая сумма денег, данная мне Верой Леонардовной. Часть из них я всё-таки успел использовать: сфотографировался с Ваней Богдановым.

О своей пропаже, случившейся в середине лета, я рассказал завучу детдома Нине Константиновне Редько. Выслушав меня, она спросила: «Как ты думаешь, кто это мог сделать?» В тот момент, когда я укладывал сумочку под матрас, в комнату вошёл мальчик из нашей старшей группы. Но, не будучи уверенным в его виновности, я не мог его назвать. И поэтому сказал Нине Константиновне, что никого не подозреваю. (Позже этот мальчик сам сказал мне о том, что это он взял). Она долго и внимательно смотрела на меня и вдруг спросила: «А учиться ты хочешь?» «Желательно», – ответил я. «Шестнадцать тебе исполнилось?» – продолжила она. «Да», – подтвердил я. «Что-нибудь придумаем», – сказала

¹² В фильтрационных лагерях проходили проверку люди, оказавшиеся по разным причинам в Германии в годы войны.

она. Что придумала Нина Константиновна, я узнал спустя некоторое время.

Как мне стало известно позднее, в детдом из гороно пришло предписание о направлении шестнадцатилетних подростков в ремесленные училища. В стране не хватало рабочих рук.

Через некоторое время в детдом пришли две женщины из отдела ЗАГС и вместе с Ниной Константиновной и врачом провели комиссию по определению возраста тех мальчишек, у которых не было метрики. После «придумки» Нины Константиновны мне стало пятнадцать лет. Аналогичный случай произошел с Николаем Вовной, его «омолодили» на два года.

Коля Вовна был одарённым мальчиком. Кроме красивой внешности, он обладал отменным слухом, голосом и ритмикой. И одна из воспитательниц, Нина Яковлевна, пророчила ему хорошее артистическое будущее.

Детей, нуждавшихся в восстановлении документов, было человек 10 – 15, в том числе И. Богданов, Н. Вовна, В. Гудына, Л. Кравец. М. Столяр, И. Мартынов, Е. Пятилетова, А. Дудкин и др.

После ухода комиссии Нина Константиновна сказала мне: «Ну вот, теперь дорога в школу тебе открыта». Я искренне поблагодарил её тогда, благодарю и сейчас.

В конце августа в детдом пришёл представитель райкома комсомола и объявил ребятам о том, что в городе Лиенае организуется школа юнг. Окончившие школу будут распределены по кораблям Балтийского флота.

Детей изъявивших желание связать свою жизнь с морем оказалось человек 10 – 12, в том числе И. Богданов, Н. Вовна, В. Гудына, Л. Кравец. М. Столяр, С. Мартынов, Е. Пятилетова, А. Дудкин и др.

Комиссию прошли не все.

Новость для старших детей была хорошей, поскольку на многих из них уже готовились документы для направления в ремесленное училище, а надеть матросскую форму вместо формы ремесленника было мечтой каждого мальчишки.

После прохождения медкомиссии нам объявили дату отправки. После полудня меня вызвала к себе Нина Константиновна и с упрёком сказала: «А мы тебя готовили к школе...» Я извинился и поблагодарил её за желание оказать мне помощь. Мне было очень неудобно.

Всё это происходило в последних числах августа 1946 года.

ГЛАВА 14

В г. Либаве (Лиепаве), куда мы прибыли, был организован Учебный отряд, в рамках которого действовала и школа юнг. В отряде будущие молодые матросы – юнги – получали необходимую флотскую специальность. После прохождения всех комиссий, проверки слуха и грамотности (писали диктант), меня и двух моих товарищей по детдому направили в школу связи учебного отряда, по окончании которой я, М. Столяр и А. Дудкин получили специальность радиотелеграфиста. Оба моих товарища в июле 1947 г. отправились на службу в береговую оборону. Меня же направили служить на флагманский корабль Балтийского флота – краснознаменный крейсер «Максим Горький», что было весьма престижно. Вместе со мной на крейсер после окончания школы связи попал паренёк из Череповца Миша Храмцов.

Ваня Богданов и Николай Вовна окончили электромеханическую школу и получили специальность корабельного электрика. Для дальнейшей службы оба были направлены в дивизион тральщиков. Отслужив положенный срок, ребята вернулись домой, и до сих пор проживают в Минске.

Иван Иванович Богданов несколько десятков лет проработал наладчиком на тридцать втором заводе. В 1960 году за доблестный труд был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Мы и сегодня поддерживаем с Иваном братские отношения. Николай Павлович Вовна несколько лет работал электриком в дизельном цехе МТЗ, а затем – электриком на стройке. Во время Чернобыльской трагедии много времени работал в районе ЧАЭС. Облучился. Сегодня он серьезно болен.

А. Дикушин и А. Гудына окончили школу артэлектриков и служили на эскадренном миноносце «Славный». Демобилизовались, проживают в

Минске. Толя Дикушин и Ваня Богданов сегодня являются последними свидетелями того случая, когда мы с Мишей Турцевичем были пойманы на пассажирской станции и сильно избиты немцами.

Анатолий Дудкин после демобилизации окончил юрфак БГУ. Служил в органах госбезопасности. Демобилизовался в звании подполковника. Михаил Столяр после окончания школы юнг оказался на севере. Позже окончил среднее военное училище связи. После демобилизации закончил БПИ и работал на военном заводе. Сегодня проживает за границей. Что касается судьбы Жени Пятилетова, то он в школе юнг обучался в закрытой спецгруппе. Сведений о нем я не имею.

Портом приписки крейсера «Максим Горький» являлся Балтийск – самый западный город Советского Союза. Всё на боевом корабле было в диковинку. Вскоре, втягиваясь в корабельный распорядок, узнали, кто такие на флоте «годки»¹³, что такое «бачковая»¹⁴ система питания. Узнали о различных корабельных «приколах», например таких, как зачистка лап якоря, когда корабль стоял в сухом доке, угощение чаем на клотике и др. Побегали по тревогам: в носовую часть корабля – по правому борту, а на корму – по левому. Облазили все палубы, отсеки и мачты крейсера, даже из боевого информационного поста (БИП), расположенного в мачте, спускались в пост энергетики и живучести (ПЭЖ) по длиннющему вертикальному трапу. Для быстрого и ловкого спуска требовалась определенная сноровка. Её мы постепенно приобретали, и вскоре ни чем не отличались от бывалых «мореманов». Мы были очень удивлены сохранившимся на корабле переговорным медным трубам, предназначенным для связи и передачи пневмопочты между боевыми постами крейсера. Одним словом, мы окунулись, в корабельную службу.

¹³ Матросы, рождённые в один год (ровесники)

¹⁴ От слова «бачок». Нумерованные бачки наполняли пищей по количеству людей в соответствующем подразделении.

Моим боевым постом стала главная радиорубка корабля, что было весьма престижно.

Через несколько месяцев постоянных тренировок я выполнил необходимые нормативы и получил специальность радиотелеграфиста второго класса. Примерно через полгода я выполнил норматив и для первого класса.

Начало было неплохим, и я был весьма доволен своей службой на крейсере. Но «нам не дано предугадать, какой день завтра нам судьба подарит». Неприятности мои начались примерно полтора года спустя после прихода на крейсер.

Летом 1948 г. крейсер стал на средний ремонт в док Лиепайского судоремонтного завода «Тосмаре».

До этого времени служилось мне хорошо. Этим же летом мне предоставили отпуск. Одну часть отпуска я провел в детдоме, где мне был предоставлен диван в общей комнате-зале. Другую часть отпуска я прожил у тёти Фроси. Посетил Веру Леонардовну, у неё же встретился с Верой Ивановой, с которой мы виделись последний раз в Германии, в Гросс Клинче.

В соответствии с планом модернизации на крейсере производилась реконструкция оборудования главной радиорубки, и на корабль стали поступать последние разработки отечественной радиоаппаратуры, изготовителем которой являлись ведущие предприятия этой отрасли: Ленинградский завод имени Козицкого, а также Новосибирский завод имени Попова. В то время они были «ящиками»¹⁵.

Всё оборудование было в блочном исполнении, под грифом «совершенно секретно». Усовершенствованная радиоаппаратура

¹⁵ Закрытыми предприятиями (жарг.)

предусматривала возможность применения технологии радиосвязи в новом формате.

Сущность такой технологии заключалась в использовании сигнал-генератора, применяемого для предварительной настройки приёмопередающей радиоаппаратуры, позволявшей осуществлять настройку оборудования с точностью до одного килогерца. В те времена это было большим достижением. Такая аппаратура и технология обеспечивали сверхузкую полосу частотного излучения и приёма, что позволяло операторам работать без вызова респондента. Предварительно набранное сообщение перфорировалось и, после установки необходимой скорости передачи, отправлялось в эфир без позывных. Благодаря предварительно точно настроенной передающей и приемной радиоаппаратуре радист выполнял работу статиста и был совершенно уверен, что переданная или отправленная радиограмма обязательно ляжет на стол его респондента. Сообщение попадало точно в цель. Это не требовало от радиотелеграфиста постоянного прослушивания эфира. После получения радиограммы сообщение пневмопочтой отправлялось на дешифровку.

Все эти новшества позволяли значительно сократить время нахождения передатчика в эфире, что было весьма важно для соблюдения секретности, уменьшало вероятность пеленгации и позволяло повысить надежность радиосвязи. Был и ряд других новейших внедряемых технических и технологических элементов. И все те, кто по своему служебному расписанию соприкасался с устанавливаемым новым оборудованием и новейшей технологией связи, подлежали проверке соответствующими органами.

С сегодняшней точки зрения в этой технологии ничего секретного нет. Любой цифровой радиоприёмник может осуществлять радиосвязь с

радиостанцией, применяя предварительную частотную настройку. Но то, о чем я пишу, происходило более шестидесяти лет тому назад.

Однажды меня вызвал замполит корабля и сообщил о том, что для поддержки шефских связей намечается поездка в Минск в детский дом №7. Спросив, в каком детдоме был я, он сказал: «Выбор для поездки пал на твою кандидатуру, готовься», после чего уточнил, знал ли я кого-нибудь из детей этого детдома. Я ответил, что раньше знал многих, и многие девочки этого детдома в недавнем прошлом являлись воспитанниками детдома №2, где я находился во время войны. Я, конечно, был рад такому краткосрочному отпуску. Но, увы, «человек предполагает, а Бог располагает». На встречу с детдомовцами в Минск отправился Миша Храмцов, мой сослуживец. Я понял, что такая замена не случайна, а является следствием проверки моей биографии.

Если за точку отсчёта времени принять процесс окончания отладки нового радиооборудования (конец лета 1949 г.), то сведения о моём пребывании в Германии стали известны соответствующей службе достаточно быстро. Меня никуда не вызывали, никто со мною не беседовал, но последствия не заставили себя долго ждать. Внезапно, без объяснения причины, меня направили во второй флотский экипаж города Балтийска (экипаж – воинская часть, куда направлялись матросы с кораблей, становившихся на капремонт или по какой-либо причине оказавшихся вне штатного расписания). Проще говоря, списали на берег, указав в листе направления причину, как «Отсутствие штатной единицы».

О причине изменения места службы я исподволь догадывался, но в глубине души надеялся, что основанием, возможно, служило нечто иное. Служить на крейсере в то время мне было хорошо и интересно.

Через некоторое время, будучи в увольнении, я встретил своего бывшего сослуживца. Он спросил у меня: «Был ли ты во время войны в

Германии?» – и добавил: «Об этом нам говорили на политинформации». «Да, был вывезен», – ответил я, и добавил: – «Кроме того, был в Польше и Чехословакии».

Стало ясно. Просто в тот момент я оказался нежелательной фигурой. Образно говоря, меня коснулся своеобразный «запрет на профессию». Других претензий ко мне не было, и быть не могло.

Находясь во флотском экипаже, я недели две работал на телефонном коммутаторе. В скором времени я получил назначение на новое место службы.

Этим местом оказался один из кораблей дивизиона малых морских охотников ОВРа (охрана водного района), который базировался в Ростове – городе, находившемся тогда на территории ГДР.

Во время прихода морского охотника в порт Балтийска, я «переселился» из флотского экипажа на корабль, который и стал моим новым местом службы.

Кончится ли на этом всё плохое, и начнётся ли всё хорошее, или наоборот – я не знал.

Служба на морском охотнике была значительно проще и легче, чем на крейсере, но покой в моей душе был нарушен.

Я постоянно думал о своей биографии, о сокрытии факта моего вывоза в Германию. С такими думами я засыпал, с ними и просыпался. Это обстоятельство не позволяло мне расслабиться, и держало меня в постоянном напряжении.

Прошло два или три месяца, прежде чем корабль после очередных учений пришёл в Балтийск. И тогда, находясь в Балтийске, я принял

решение «исповедаться» – но кому? Говорят, «дурная голова ногам покоя не даёт».

Решил обратиться с этим вопросом в штаб флота. Тогда, не мешкая, взяв увольнительную, я осуществил свое намерение. Начальник второго отдела, курировавший старшинский и рядовой состав флота, выслушал мою исповедь, дал мне несколько листов бумаги и предложил написать обо всем письменно, что и было мною сделано. Прочитав написанное мною, он сказал: «Идите и служите».

Ушел я из штаба с легким сердцем и подумал о том, что теперь мне не придется скрывать этот факт моей биографии. На следующий день мы ушли из Балтийска в порт постоянной прописки – Росток.

Недели через две или три, меня вызвали в штаб дивизиона, где объявили о моей демобилизации. В то время младшим возрастом призыва в армию было двадцать лет. Мне же было девятнадцать. С ближайшей оказией я вновь оказался в Балтийске. После получения необходимых документов, меня демобилизовали с формулировкой «как не достигшего призывного возраста». Но, как оказалось позже, служба моя на флоте была не последней в моей жизни.

ГЛАВА 15

В декабре 1949 года я вновь оказался в родном Минске. Остановился у тёти Фроси. Не было случая, чтобы она отказала в помощи кому-нибудь из бывших детдомовцев. Такой это был человек. Проживая некоторое время у тети Фроси, одновременно я занимался выправкой своих документов для трудоустройства.

В скором времени, выправив необходимые документы, я пошёл в отдел кадров МТЗ, где работник поспрашивал меня, что я знаю и чему обучен. После беседы я получил направление на работу в термический цех завода. Специальность, по которой меня обучили в Учебном отряде флота, впоследствии оказалась весьма схожей с моей рабочей специальностью – спасибо кадровику! Моя производственная деятельность была связана с радиочастотой, используемой в промышленности для нагрева металла, и электротехникой. Добавлялись металловедение и термообработка. Такой конгломерат был сам по себе очень интересен. Это направление техники и технологии стало развиваться незадолго до войны, содержало в себе массу неоткрытых возможностей и было не только перспективным, но и весьма интересным. К приобретенной профессии я «прикипел» и проработал в области высокочастотной электротермии всю свою трудовую жизнь – более 50 лет.

Многие из моих знакомых ребят по детдому, к тому времени успевших окончить ремесленное училище, уже работали на тракторном заводе. Однажды, проходя по заводу, я увидел одного из них – Л. Кравца. Узнав, что я проживаю у тёти Фроси, он сказал мне: «Незачем болтаться через весь Минск, переезжай ко мне в комнату. Работа у всех посменная. Как-нибудь разместимся».

Работа мне очень нравилась. Я чувствовал удовлетворение. Это моё призвание – так решил я.

В 1950 году, после четырёхлетнего перерыва своей учёбы, вызванного службой, я вновь решил продолжить образование в седьмом классе. Для поступления мне потребовалась справка об окончании шести классов. В третьей школе, куда я обратился за справкой, я вновь встретил Анну Ивановну. Как и прежде, она подробно расспрашивала о моей послевоенной жизни, и предложила мне при необходимости свою помощь. Я поблагодарил. Но больше, к сожалению, я ее не видел. В конце 50-ых годов в газете «Вечерний Минск» появилось объявление в траурной рамке о безвременной смерти заслуженной учительницы. Это было соболезнование по поводу смерти Анны Ивановны.

В 1951 году я женился. Супругой моей стала бывшая воспитанница детского дома Вера Степановна Иванова, проживавшая до того момента у Веры Леонардовны.

В январе 1952 г. меня вызвали в военкомат, и офицер военкомата попросил показать ранее выданный мне военный билет. К моменту своей демобилизации я прослужил три года и четыре месяца, а в то время на флоте служили 5 лет. Взяв военный билет, офицер сказал мне прийти за ним через несколько дней. После моего прихода мне было выдано взамен военного билета приписное свидетельство. Офицер добавил, что мне, возможно, придётся дослужить. После моего возражения он не стал со мною разговаривать и просто сказал: «Идите».

В скором времени я оказался во Владивостоке. Получил назначение, и меня направили в электромеханическую школу Учебного отряда на известный всем морякам Тихоокеанского флота остров Русский. Моя новая военная специализация – корабельный электрик.

Когда я находился в Учебном отряде, случилось радостное событие. Я получил телеграмму, что 9 мая 1952 года у нас родился сын. Радость моя была безмерной! Назвали сына Сашей.

Я никогда не испытывал тягость от службы. Легко сходился с коллективом, старался быть правдивым и честным в своих отношениях с коллегами по службе. Такое же отношение было и ко мне с их стороны. Школу психологии совместного проживания я проходил, можно сказать, всю пока ещё не очень долгую жизнь.

По окончании почти годового обучения я получил направление на эскадренный миноносец Тихоокеанского флота «Внушительный». Попав на корабль, я сразу стал «мореманом», поскольку все морские «приколы» и шуточки, которыми потчуют молодых матросов, я знал наизусть.

В повседневной корабельной службе я отвечал за работу аварийного дизель-генератора, а также генераторов постоянного тока, применяемых для зарядки аккумуляторов. В походном состоянии корабля я нёс вахту в машинном отделении у электротурбогенератора, на щите которого производилась коммутация всех потребителей.

По боевому расписанию, то есть после объявления сигнала боевой тревоги, я в числе группы матросов, имевших различные военные специальности, перемещался на новое место, где оставался до отмены тревожного состояния. Местом расположения аварийной партии, как она называлась, была носовая часть корабля – бак, открытая всем ветрам верхняя палуба.

Начиная с 1953 года походы кораблей эскадры в море стали регулярными, включая зиму. Океан не замерзал и был открыт для походов в любую погоду, независимо от наружной температуры, которая часто была отрицательной и доходила до 20 градусов мороза. Если в летний

период выход из машинного отделения на верхнюю палубу доставлял удовольствие, то зимой приятного в этом было мало.

В машинном отделении, при работавшей на винт корабля главной турбине, температура достигала 70 градусов. Там же был установлен электротурбогенератор. После объявления сигнала боевой тревоги, я, согласно боевому расписанию, перемещался из машинного отделения на верхнюю палубу в носовую часть корабля. Если принять во внимание зимние условия, встречный ветер, а также то, что корабль развивал скорость до 36 узлов (70 км/час), то температурный перепад при выходе из машинного отделения на верхнюю палубу зимой достигал порой 80 – 100 градусов. Становится понятной причина частой простуды матросов, несущих службу по такому расписанию. Бушлаты не спасали.

Вахту мы несли через четыре по четыре часа. За время несения вахты тревога могла повториться не менее одного раза, в том числе и в ночное время.

Мороз, открытая палуба, встречный ветер и температурный перепад сказались отрицательно не только на мне.

Зима 1953 – 1954 годов выдалась холодной. Я неоднократно простывал. Два моих товарища, несших посменно (через четыре по четыре часа) параллельную вахту во второй машине корабля, по аналогичному расписанию, также заболели. У одного из них было крупозное воспаление лёгких, у другого – обычное воспаление. Через некоторое время заболел и я. Длительно сохранялась температура 37 – 38 градусов, была слабость и потливость по ночам. Предполагали воспаление лёгких, и по прибытии в порт я оказался в госпитале. Диагноз был неутешительным – туберкулёз.

Полагаю, что болезнь затаилась в организме ещё со времен Германии, и её последствия дали о себе знать после неоднократных простудных стрессов.

В госпитале со мною находились ещё три человека из экипажей кораблей нашей эскадры. Все лечились по поводу воспаления лёгких, и все перед этим несли вахту по идентичному расписанию. Болезни эти были результатом неверно составленного боевого расписания, которое в скором времени было изменено в связи с постоянными зимними походами.

В госпитале меня попытались поддуть (тогда так лечили – нагнетали воздух в плевральную полость с целью поджать лёгкое), но газ (воздух) не пошел. И мне сделали операцию, так называемые «френики». Операция позволяла поднять купол диафрагмы, тем самым поджать легкое и сомкнуть образовавшуюся каверну¹⁶. Процесс развития болезни был остановлен. Операция «френики» не всегда была удачной. Статистика такова: операция давала всего 10 – 15% выздоровлений, при этом имелось много осложнений, которые требовали длительного, не всегда успешного долечивания. Кроме того, операция уменьшала емкость легкого на 30 – 40%. Но мне повезло. Ёмкость легкого сократилась, но долечивания не потребовалось.

Весною 1954 года я был комиссован, получил инвалидность, но духом не пал. Пошёл работать на завод, не поменяв специализации. Постоянно занимался физкультурой, по утрам – тренировочным бегом, ежедневно принимал холодный душ. Это принесло свои плоды и ускорило моё выздоровление.

15 февраля 1958 у нас родился ещё один желанный ребенок – дочь, которую мы называли Наташей.

В 1959 году я был снят с учёта по болезни.

¹⁶ Полость (лат.)

Окончательно избавившись от болезни, я, не мешкая, поступил в седьмой класс вечерней школы, по окончании которого пошел учиться в машиностроительный техникум. В 1965 году я стал студентом института. Учился я с явным удовольствием, хотя было нелегко сочетать работу с учёбой и обязанностями главы семьи.

Я очень признателен моей первой учительнице Анне Ивановне, заложившей основу моих знаний, и завучу детдома Нине Константиновне Редько, а также бывшим воспитанникам детского дома Е. Пятилетову и другим, не жалевшим сил для восполнения пробелов в моём образовании.

Годы спустя я отдал долг, касавшийся оказанной помощи в моём образовании: обучил математике и подготовил к поступлению в техникум двух бывших воспитанников детдома. В числе них Анатолий Дикушин, который до поступления в техникум работал шлифовщиком в МЦ-2 МТЗ. После защиты дипломного проекта он работает старшим мастером в спецпроизводстве завода. Сегодня – пенсионер.

Вера Леонардовна до 1975 года проживала в Минске. После смерти мужа, Павла Ивановича, она переехала к сыну в город Краснодар. Для лечения глаукомы Вера Леонардовна периодически приезжала в Минск, в третью клиническую больницу, к профессору Бирич. В это время она по три-шесть месяцев проживала у нас.

Как-то однажды, в конце семидесятых годов, поздно ночью, возвращаясь домой с аэровокзала после очередных проводов Веры Леонардовны в Краснодар, я подумал: как хорошо, что в жизни существует неразрывная связь времен и поколений! И мы с супругой хоть как-то можем отблагодарить Веру Леонардовну за то, что она сделала для нас, бывших детей-сирот. Спасибо Вере Леонардовне и Якову Филипповичу за то нравственное начало в становлении множества детей. «Спешите делать добро», – таков был девиз этих людей. Спасибо им за их подвижническую

деятельность. Спасибо этим людям за благотворное влияние на многих из нас.

Вспоминал я и о том, что мне, детдомовскому мальчишке, в какой-то мере повезло. Несмотря на все перипетии жизни, мне удалось получить образование, и я сумел, как мне казалось, правильно построить свою жизнь.

Наш сын Александр одновременно с завершением школьного образования закончил заочную математическую школу Ленинградского университета и поступил в БГУ на факультет прикладной математики. Будучи школьником и студентом, активно занимался физкультурой. Имел первый разряд по классической борьбе. В 1971 г. Саша женился. Вскоре, в 1972 г., в семье сына родилась дочь, и у нас появилась внучка. Назвали её в честь отца – Александрой. В 1975 г. в Сашиной семье родился сын – Николай, и у нас появился внук.

Казалось бы, всё складывалось удачно в его судьбе. Окончил университет. Хорошие дети, хорошее распределение, хорошая работа, заграничные командировки. Но неожиданная болезнь подкосила моего сына. Он тяжело болел несколько лет, перенёс три операции. 1 ноября 2001 года Саша умер. Тяжело, очень тяжело хоронить своих детей...

Наша дочь окончила экономический факультет университета. Проживает вместе с нами. Работает в ОАО «НИИ Стройэкономика».

В 1991 году у нас родился внук Сергей. Одновременно с получением среднего образования он обучался в школе юных программистов. Окончил техникум, получил специальность программиста. Сегодня он студент 2-го курса университета по специальности «Программное обеспечение информационных технологий».

ГЛАВА 16

В Минске в восьмидесятые – девяностые годы прошлого столетия «церкви» возникали подобно быстрорастущим грибам и так же внезапно исчезали. Я посещал собрание одной из таких церквей по воскресным дням. Служба проходила во дворце культуры тракторного завода. Там же мне подарили Библию. Там же я и «покаялся». Покаяние было групповым. Это было моё второе покаяние. Первый раз я покаялся на таком же собрании в доме офицеров. Читал подаренную мне Библию в свободное время, которого было совсем немного.

Проповедовали нам на английском языке, естественно, с переводчиком. Преподносился и воспринимался проповедуемый материал не очень хорошо, возможно, из-за неважного перевода.

Думал я и об одном из главных вопросов, который задаёт себе каждый христианин: «А стал ли я таким, каким хочет видеть меня Господь? Использовал ли я предоставленную мне возможность жить так, как заповедует нам Писание?» Я спрашивал себя почти как верующего человека о том, достаточно ли я славлю Господа словом и делом. Но, к сожалению, пока я фактически находился вне церкви, у меня не всё хорошо получалось. Вперед я продвигался, но шаги мои были, может быть, больше плотскими, чем духовными.

Анализируя итоги прошедшей жизни, думал я и о том, как и с какими результатами я прошёл данный мне Господом промежуток времени. Задавался вопросом – достиг ли я намеченных целей? Вечерняя школа, техникум, институт, подготовка к сдаче экзаменов в аспирантуру и всё – вечером, после напряженной работы на производстве.

Постепенно продвигался по служебной лестнице. В общей сложности, прошёл путь от рабочего-термиста на высокочастотных установках до начальника проектно-технологического отдела ТВЧ.

Годы проходили чередой. Не успевал оглянуться, а очередной год уже в прошлом, и его, к сожалению, никому уже не дано изменить, поскольку последствия – и хорошие, и плохие – необратимы. Но мы в состоянии изменить свое будущее! Настоящее, образно говоря, у нас в руках – и поэтому надо стараться с молитвою принимать благодать Божью и жить по Божьей воле. Жизнь наша по сравнению с вечностью – это один миг, и прожить его надо достойно.

Несколько мыслей о работе.

К порученному делу нужно относиться честно. В своей утренней молитве проси Господа благословить рабочий день. Выполняя доверенную тебе работу, вкладывай в неё все свои знания и умения. Если ты руководитель, то важнейшей твоей обязанностью становится забота о коллективе.

В 1970 году, работая в должности начальника конструкторско-исследовательского бюро высокочастотной закалки, я получил первое авторское свидетельство на изобретение «Способ высокочастотной термообработки зубчатых изделий в поперечном магнитном поле». Это изобретение было не последним. В 1975 году за разработку и внедрение в производство процесса по данному авторскому свидетельству я был награждён серебряной медалью ВДНХ СССР.

В процессе производственной деятельности может случиться всякое. Казалось бы, работа почти завершена и ничего не предвещает отрицательный результат, но стендовые или полевые испытания являются

венцом работы, вершиной проверки работоспособности конструкции или технологии.

Конечно, ошибок следует опасаться, но наихудшая из них – отказ от повторения исследований, посредством которых может быть выявлена причина просчёта, раскрывающая несовершенство технологии или конструкции. Способ же минимизации ошибок – тщательное предварительное исследование. Чрезмерная боязнь дать промашку – примета слабых специалистов. Их девиз – «спокойная жизнь». Но это – тормоз всякого прогресса.

Работая в сфере производства, я всегда испытывал необходимость в совершенствовании технологического процесса. В 1971 году официально завершил свое образование, но не считал его законченным. Образование должно продолжаться всю жизнь. Как сказал классик марксизма – «Учиться, учиться и ещё раз учиться».

Сдал иностранный язык для поступления в аспирантуру, к сожалению, на большее меня не хватило. Не хватало времени и самоорганизации. Подумал, о том, что в моём положении полезнее будет моя работа в сфере производства.

Непрерывное развитие технологии увлекало меня постоянно и подобно занозе сидело во мне, не давая покоя, и требовало от меня неизменного изучения дополнительной литературы, касавшейся моей специальности. Желание познавать новое всегда было со мною и не позволяло мне расслабиться даже во время отдыха. Это требовало от меня неизменного творческого напряжения и побуждало к постоянному поиску. Всегда со мной находился блокнот. На ночь я клал его под подушку, поскольку интересные мысли приходили даже ночью.

Как исследователь, я искал и, как правило, находил пути подхода и следовавшее за ними решение проблемы. Новизна решения окрыляла меня. Случайность в избрании профессии в дальнейшем трансформировалась в ощущение, что в жизни был сделан правильный выбор.

Высокочастотной электротермии я отдал более чем полвека и без ложной скромности могу сказать, что достиг определенных успехов.

Начиная с шестидесятых годов, многим десяткам предприятий Беларуси и не только оказывалась помощь по наладке оборудования, разработке и внедрению процессов с высокочастотной технологией. Разработки отдела докладывались на всесоюзных конференциях и публиковались в книгах и журналах. На счету нашего отдела десятки изобретений. Вплоть до окончания прошедшего столетия наша служба была лучшей в республике. Для передачи опыта к нам приезжали многие специалисты с российских заводов, а также из других республик страны.

Сознание важности выполняемой работы, желание не просто работать, но работать с самоотдачей – таков пример моих приятелей-учителей.

Я безмерно благодарен Льву Степановичу Космовичу – кандидату технических наук, специалисту высочайшего класса, прекрасному руководителю, организатору, человеку высокой культуры, создавшему в пятидесятые годы на заводе службу высокочастотников, и сумевшему привить мне и многим моим товарищам любовь к этой специальности.

Я также благодарен моим товарищам по детдому военных и послевоенных лет – Льву Кравцу, Ивану Богданову, Евгению Пятилетову и другим ребятам, которые в тяжелое для меня время оказывали мне братскую помощь. Я благодарен учителям Анне Ивановне и Нине

Константиновне и тете Фросе за то внимание, которое эти добрые люди оказывали не только мне.

В восьмидесятые годы я был избран председателем профсоюзного комитета научно-исследовательского центра. Общаясь с людьми, старался всегда выслушать, понять, не причинять обиды человеку, не осуждать и радоваться всему хорошему, что удавалось сделать людям. Старался исправлять собственные ошибки, а они в процессе работы были. Со стороны партийной организации отдела мне неоднократно «напоминалось» о необходимости вступления в партию. Секретарь партийной организации работал в нашем отделе. Я выдержал. Общественная работа не позволяла мне в полной мере заниматься технологией высокочастотной термообработки, и это меня тяготило.

В начале 1980-х был получен патент на «Способ и устройство для высокочастотной термообработки и отпуска удлиненных цилиндрических изделий». В 1983 г. за разработку и внедрение этого процесса я был повторно награждён серебряной медалью ВДНХ СССР.

Пусть у меня не всегда всё получалось, но, хотя бы маленькими шажками, я старался этим принципам следовать.

Время шло. Годы неумолимо следовали друг за другом. Настал час перестройки. До этого момента никто, кроме близких друзей и бывших воспитанников детского дома не знал о моём пребывании в Германии.

В начале 1990-х годов я сожалел о пропаже справки – документа, удостоверяющего прохождение проверки в фильтрационном лагере, в которую были внесены сведения обо мне: Ф.И.О., год и место рождения и указывалось, в каком лагере я прошёл проверку. Без этой справки я не мог подтвердить своё пребывание в Германии в годы войны и претендовать на получение компенсации как «остарбайтер».

В 1993 или 1994 году Совет ВОИР завода принял решение о рекомендации моей кандидатуры на присвоение звания заслуженного изобретателя Республики Беларусь. Рекомендация Совета ВОИР завода ещё не являлась гарантией присвоения высокого звания. Таких кандидатов в Республиканском совете было несколько. С таким предложением я категорически не согласился и просил председателя Совета ВОИР В. Гордиевского о снятии моей кандидатуры. Получив отказ, я пошёл к заместителю главного инженера – куратору научно-исследовательского центра Вячеславу Ивановичу Харитоновичу, моему соседу по подъезду, и рассказал ему то, о чем я умолчал в своей автобиографии. При проверке моих документов соответствующими службами факт моего пребывания в Германии мог быть выявлен, что однажды уже произошло. Выслушав меня, Вячеслав Иванович оценил ситуацию и, как человек разумный и хороший, сказал: «Вот теперь мне стало понятным, почему ты, будучи начальником отдела, отказывался от вступления в партию». Меня совсем не радовал факт проверки моей биографии, и кроме того, мне совсем не хотелось говорить неправду, рассказывая её на партсобрании, а правду сказать я не мог. В результате нашего разговора мои документы были положены «под сукно», а в Республиканский Совет ВОИР направил кандидатуру конструктора–изобретателя, но эта кандидатура не прошла.

Уже позже, когда я трудился заместителем или начальником отдела, на меня был оформлен допуск к работе на спецпроизводстве. Меня вызывали в первый отдел, о чём-то спрашивали, но вопрос не касался моей биографии. Это была проверка местного, заводского масштаба.

По долгу службы я несколько раз приезжал в командировку в город Краснодар, где в одном из институтов разрабатывалась тема по высокочастотной термообработке гнезд клапанов головки блока цилиндров.

В один из первых моих приездов, в 1981 году, Вера Леонардовна раскрыла, как она сказала, «большую тайну», и рассказала об оказании немецким офицером чрезвычайно значимой помощи детскому дому в те военные годы. Помощь была не только продуктовая. В этой помощи находили место простейшие, но необходимые медикаменты. Однажды, когда ей необходимо было срочно найти Якова Филипповича (её связная Вера Иванова в это время уже была вывезена в Германию), она пришла в церковь, и Яков Филиппович познакомил её с немецким офицером Герардом Крюгером.

В середине девяностых годов мой сын во время болезни оказался в третьей клинической больнице г. Минска. И там, в палате, он познакомился со своим соседом, который оказался верующим христианином-евангелистом. Мой сын, зная многое из моей биографии, после очередного посещения больницы познакомил меня с ним. Этот человек представился как Иван Панько и сказал, что он и его супруга Валентина Панько (в девичестве – Кецко), являются членами евангельской церкви «Голгофа». Далее, узнав от меня, что во время войны в детдом приходили евангелисты, он спросил, помню ли я фамилии приходивших, и попросил их назвать. Я их назвал. Как оказалось, Валентина и её сестра Галина являются дочерьми того самого Кецко, который приходил к нам в детский дом во время войны. Мир тесен. Мы обменялись координатами. Эти люди и дали мне адрес Якова Филипповича, проживавшего на тот момент в Канаде. Я написал ему и в скором времени получил ответ, и некоторое время, до его смерти, состоял с ним в переписке. К сожалению, наша переписка была не долгой. Яков Филиппович умер в Канаде.

В 1996 году райисполком выдал мне документ, подтверждающий факт моего вывоза и пребывания в Германии. Я стал членом организации узников Партизанского района «Доля».

Общественная работа не позволяла мне в полной мере заниматься технологией высокочастотной термообработки, и это в какой-то мере меня тяготило.

Некоторое время спустя председатель нашей организации Регина Александровна Лаврович поручила мне написать благодарственное письмо евангельской церкви «Пробуждение» по поводу оказания материальной помощи организации бывших узников. Я пришёл в церковь во время служения. Пение хора, струнный оркестр, чёткие и доступные проповеди, прекрасное выступление маленьких детей всколыхнули и подняли в моей душе забытый пласт воспоминаний. И я твёрдо решил осуществить свое давнее желание и стать членом церкви.

Вначале мои посещения церкви были эпизодическими, но вскоре это общение стало духовной потребностью. Дома я рассказывал, что эти посещения являются для меня настоящей духовной пищей, дорогой, ведущей меня ко Христу.

Через некоторое время я пошёл на приём к Виктору Силивеевичу Немцеву, пастору церкви «Пробуждение», рассказал ему о себе и сказал, что хочу креститься. Виктор Силивеевич помолился за меня и сказал, что это решение своевременное и правильное.

В 2002 году у меня был день покаяния.

6-го июня 2003 года в моей жизни наступил один из главных праздников – я принял водное крещение.

*Я понял, надо успокоиться,
Обиды прошлые простить,
С судьбою трудною смириться,
И жребий тяжкий полюбить,*

*И не просить у Бога лишнего,
Ни благ, ни роскоши, ни льгот,
А лишь благодарить Всевышнего,
За каждый день, за каждый год,*

*За каждую крупицу знаний,
И каждый светлый миг любить,
И не роптать от испытаний,
И Высший Разум не гневить.*

Однажды из Кобрина мне передали письмо от Хорста Крюгера. Как в мире всё тесно связано! Отец Хорста – Герард Крюгер – являлся тем самым немецким евангелистом, который оказывал помощь детскому дому. Безусловно, оказывая такую помощь, он многим рисковал.

То, что делалось Герардом Крюгером, трудно переоценить. Всё, что предпринималось им для помощи детскому дому, делалось наперекор опасности быть обвинённым в передаче запрещённых сведений и продуктов питания. А это, безусловно, квалифицировалось бы как предательство интересов Рейха, что могло бы закончиться трагедией для этого мужественного человека. Но этот человек делал то, что велело ему его сердце.

Вот так много лет спустя я многое узнал об этом человеке, о его роли в судьбе детей-сирот военного времени.

Таков был Герард Крюгер. К большому сожалению, я узнал, что Герард, выполняя свой христианский долг, трагически погиб 11 ноября 1987 г. в автокатастрофе на территории Польши. После войны он часто там бывал, был и в Советском Союзе, посещал много общин.

Хорст Крюгер, сын Герарда, сегодня является миссионером евангельской церкви и проживает вблизи Ганновера. Хорст приезжал в

Минск в 2003 году. Во время своего приезда Хорст встречался с группой бывших детдомовцев военного времени. Я также был на этой встрече.

26 июня 1984 года в городе Краснодаре умерла Вера Леонардовна. Взяв отгулы, я по полученной телеграмме с большим трудом приобрёл билет и вылетел в Краснодар. Там мы встретились с Борисом, сыном Веры Леонардовны, и его супругой Луизой. На похоронах были многочисленные соседи, среди которых Вера Леонардовна пользовалась большим авторитетом.

В Советском Союзе о вере в Бога говорили крайне осторожно. Впоследствии Борис делился со мной своими воспоминаниями и отмечал, что иногда видел маму во время молитвы. Эти воспоминания, наложенные на историю жизни Веры Леонардовны, позволяет мне утверждать, что она была верующим человеком.

В 1990 году за спасение детей и свою подвижническую деятельность во время фашистского нашествия, Вера Леонардовна получила звание Праведника Мира. Прах Веры Леонардовны лежит в российской земле, но память об этом человеке, пока жив хоть один согретый её любовью ребёнок, сохранится в благодарных сердцах спасенных ею детей.

У меня растут внуки. Есть правнуки. Ничего из того, что было пережито мною в детстве, им неизвестно. Эти записки – результат воспоминаний о пережитом в прошлом.

Заканчивая своё повествование, я не могу не выразить самую искреннюю, горячую и добросердечную благодарность моей супруге. Она не только терпела меня всю свою жизнь, несмотря на мои болезни и постоянную занятость (днём – работа, вечером – школа, техникум, институт, а в выходные – библиотеки и т.п.), но и сумела привить детям

трудолюбие, честность, уважение и любовь к нам, родителям и другим людям.

г. Минск

20 августа 2008 г.

ИЛЛЮСТРАЦИИ К ЧАСТИ 2

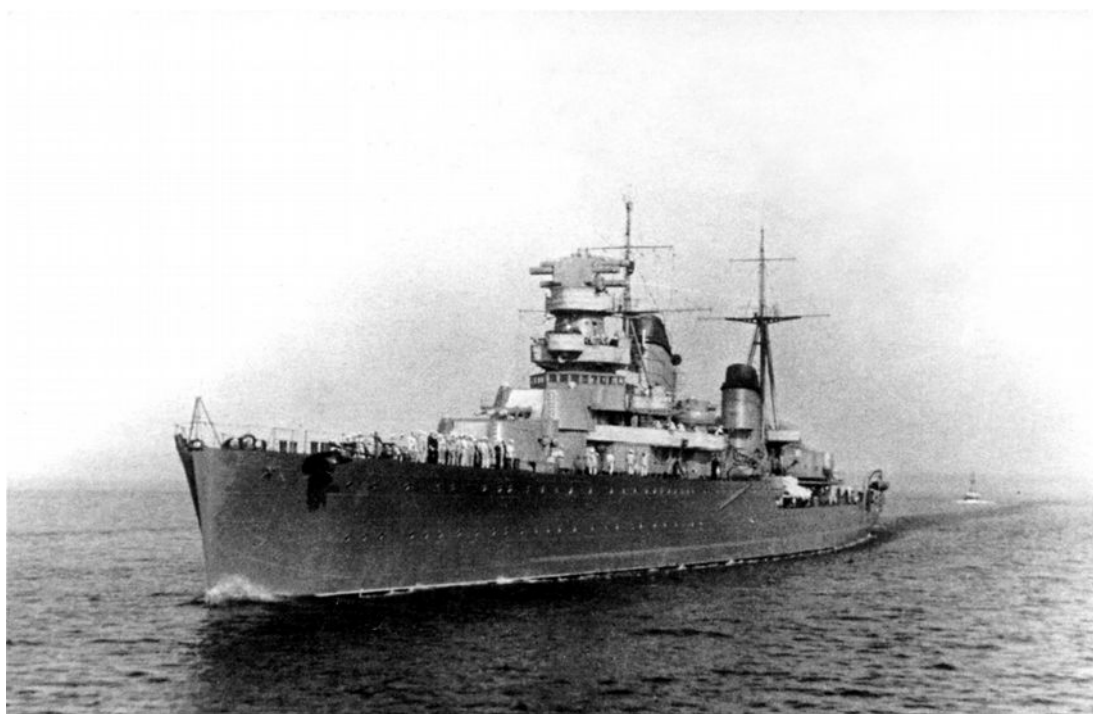
Володя Баранов и Ваня Богданов, 1945 г.

Владимир Баранов, перед службой на Тихом Океане, 1950 г.

Вера Леонардовна Спарнинг и Вера Иванова (Баранова)

Крейсер «Максим Горький»

Владимир Баранов (внизу в центре) в годы работы на МТЗ

Владимир Баранов с детьми Сашей и Наташей

Герард Крюгер и Антон Кецко во время встречи в Минске

ПОСЛЕСЛОВИЕ

3 октября 2008 года после тяжёлой и продолжительной болезни скончался мой старый друг и добрый товарищ Иван Иванович Богданов. Два последних десятилетия мы общались с ним тесно и непрестанно. В процессе его болезни я постоянно навещал его в больницах и на дому. Рассказывал ему о Христе, читал ему Библию, поскольку у Ивана Ивановича было плохо со зрением, и в меру своих знаний отвечал на его вопросы. Перед своей кончиной он выучил молитву Отче Наш.

Беседуя с ним, мы часто вспоминали своё тяжелое детство, говорили о жизни, вспоминали о прошлом, а память у Ивана Ивановича была отменной. В процессе наших бесед он напомнил мне о многом из нашей жизни. Он помнил не только фамилии директоров детских домов, но и фамилии и имена детей, с которыми нам довелось общаться.

Спасибо судьбе за встречу с таким человеком как Иван Иванович, за его дружбу, доброту. Что бы ни произошло со мною, я всегда буду о нём помнить.

2 ноября 2010 г. в Краснодаре на восемьдесят первом году жизни умер сын Веры Леонардовны – детдомовец, сын полка, участник Великой Отечественной войны, лётчик, майор запаса Борис Петрович Грибенков, с которым мы долго дружили и до его кончины состояли в переписке.

Ушли из жизни детдомовцы: партизан Семён Кособуцкий, Анатолий Дудкин, Николай Вовна, Геннадий Босов.

В Витебске в 1998 году внезапно скончался мой товарищ по Германии Александр Лапко, в Свердловске в 1997 году умер Владимир Фёдоров, бывший с нами в Германии.

Погиб при освоении целинного края студент 4-ого курса Белорусского политехнического института Ким Грушевский.

В расцвете сил ушли из жизни Мария Хорошенькая, вывезенная из детдома в Германию, и Борис Кольцов. В одном из детских домов в белорусской глубинке умер Артур, один из братьев-близнецов, с которыми мы были вывезены в Германию.

О моих знакомых, рано ушедших из жизни, узнавал совершенно случайно.

г. Минск

20 июня 2012 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Привожу список детских домов г. Минска, в которых я побывал в 1941 – 1944 годах.

Период пребывания	Детский дом и адрес
Июль – август 1941 г.	Детский дом №5, ул. Торговая
Август – ноябрь 1941 г.	Детский дом №4, ул. Дзержинская (сейчас – улица Фабрициуса)
Конец ноября – начало декабря 1941 г.	Детский дом в деревне Дрозды
Середина декабря 1941 – июль 1942 г.	Детский дом №3, ул. Солнечная
Июль – август 1942 г.	Детский дом-изолятор, ул. Базарная (сейчас – улица Университетская)
Август 1942 г. – январь 1944 г.	Детский дом №2, пер. Красивый

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Привожу текст письма Джима Комогорова, полученного мной в феврале 2015 г.

Я, бывший воспитанник (с августа 1944 г. по июль 1949 г.) Интернационального детского дома ЦК МОПР СССР в городе Иваново (ныне Интердом им. Е.Д. Стасовой) Комогоров Джим Робертович, 1933 г. рождения. Вкратце расскажу мою историю о далёком прошлом, о детстве, прошедшем в оккупации на территории Беларуси.

17 июня 1941 года в составе группы детей коминтерновцев (нас было 21) я был отправлен поездом из Москвы в Международный интернациональный пионерский лагерь в Беларусь, в г.п. Новоелья Дятловского района. Все участники были детьми политэмигрантов из разных стран – испанцы, итальянцы, немцы, румыны, чехи, венгры.

Через 2 дня по прибытии к месту назначения началась Великая Отечественная война. Лагерь попал в зону боевых действий. После обстрела и бомбардировки приграничного района, в котором находился наш лагерь, и последовавшей паники и неразберихи, все дети лагеря были брошены взрослыми на произвол судьбы.

Пятеро ребят (я, Ван Ли-Измайлов, Эрик Горюнов, Ирма Эверс, Владлен Бадлан) самостоятельно оставили лагерь и, присоединившись к беженцам и отступающим войскам, пешком пошли на восток (в Москву). Затем офицер из проезжавшего мимо грузовика с ранеными бойцами (как потом выяснилось из воспоминаний капитана Гульбинской А. Л., это был майор

Георгиевский) посадил в машину только троих детей – меня, Владлена Бадиана и Эрика Горюнова, и мы доехали до какой-то железнодорожной станции, переполненной людьми. С большим трудом военные буквально засунули нас троих в вагон через окно.

Какое-то время поездка проходила спокойно. Но появились немецкие истребители («мессеры»). Покружив над поездом, они стали стрелять. Нам приказали всем лечь на пол, послышались звуки разбитого стекла и щёлканье пуль по обшивке вагона, раздались крики раненых. Поезд ускорил ход и начал тревожно гудеть. Так поезд под обстрелом добрался до лесной зоны и остановился, продолжая посылать тревожные гудки. С обеих сторон железнодорожного полотна была насыпь из щебня, а дальше лес. Люди с криком выбегали из вагонов и, карабкаясь на четвереньках, пытались добраться до верха, где уже можно было как-то прятаться (там был лес). Но, добравшись до верха, мы увидели другие самолеты, двукрылые, которые на очень низкой высоте стали обстреливать нас из пулеметов. Когда самолеты улетели, на земле остались лежать раненые и убитые.

После приказа командира «Всем оставшимся собраться» раненым была оказана помощь, и отряд с красноармейцами и беженцами с поезда по команде двинулся в сторону Минска. Мы много дней через леса и болота под обстрелом шли на восток. Когда мы (ребята) добрались до Минска, город был уже захвачен немецко-фашистскими войсками, он был сильно разрушен и продолжал гореть. Всюду было много военнопленных красноармейцев, окружённых немецкими солдатами с автоматами наперевес и с собаками. Пленные сидели и лежали прямо на земле.

Тут надо сказать, что когда нас родители провожали на

вокзале в Москве, то попросили Владлена, как старшего, присматривать за нами. Ему было 13 лет, нам по 8. Владлен знал немецкий язык. Он осмелился обратиться к немецкому офицеру, стоявшему в охране военнопленных (а насколько страшно было подходить к ним, мы убедились в пути к Минску – их жестокость, нам, детям, была ещё и необъяснима) с вопросом – «Как нам быть?» И офицер на листке из полевого блокнота написал адрес приёмника-распределителя. Там нас зарегистрировали, помыли, что-то дали поесть.

Мы попали в Острошицкий городок (гетто) на окраине Минска. Режим и питание по существу были тюремными. Дети там болели, страдали от голода и холода, лечение не проводилось, кроме того, брали кровь. Дети просто умирали, а трупы складывали во дворе. Надзиратели избивали за самую малейшую провинность. Хронику событий того времени мне, мальчику восьми лет, трудно воспроизвести точно, потому что всё сознание занимали исключительно голод, холод, желание увидеть маму, потеря родного дома, и – самое главное – постоянное чувство страха днём и ночью. В гетто находились разные дети, и порядки были по-волчьи жестоки. Были часты драки, натравливания друг на друга, воровство, отнимание у младших детей даже скудной еды. Практически, всех нас ожидала болезнь или голодная смерть. Эрик Горюнов, как я узнал потом, пытаясь спастись, бежал и замёрз в снегу. При попытке побега был жестоко избит Владлен Бадюан.

Немцы иногда реорганизовывали структуры лагерей, т.е. одни лагеря заполнялись исключительно военнопленными, другие евреями. После такой очередной реорганизации, я и другие дети попали в трудовой лагерь, это был лагерь под названием «Сёмково». Работали в поле на сельхозработах. Спали на нарах, изготовленных из

свежесвыструганных досок. Очевидно, лагерь был только-только подготовлен для заполнения, но порядки здесь были те же (правда, охрану сменили с полицаев на военных с собаками). Владлена Бадлана я потерял, и не знаю, что с ним случилось. Осенью 1943 года партизаны узнали, что всех детей в Сёмково немцы должны были уничтожить. Была разработана операция по спасению детей. Освободили меня и других ребят партизаны, и всех освобожденных тайно вывезли, распределив по разным местам (одних – местным жителям, других – в приюты, а кого-то в лес к партизанам).

Я оказался в Минске, в приюте на улице Красивой. Это был бывший детский сад №7, недалеко от железнодорожного вокзала. Этот приют находился под патронатом оккупационной администрации. Заведующая Вера Леонардовна Спарнинг (латышка по национальности) – мой ангел-спаситель. Она была связана с партизанами, прятала детей-евреев и детей офицеров Красной Армии. Детей еврейской национальности записывали другой национальностью. Вера Леонардовна в тяжелый период войны и жестокой оккупации сумела каким-то образом создать, не без помощи подпольного антифашистского центра Минска, атмосферу доверия среди подчинённого ей персонала и детей. Приюту помогали люди, проживающие в соседних домах, священнослужители. Мы, дети, тоже ходили, искали еду, одежду, побирались. Всё, что удавалось достать, старались делить поровну. Однако, оккупационная администрация часто совершала инспекционные проверки приютов, приезжали комиссии для антропологической экспертизы. Нас ставили в строй, выискивая детей еврейской национальности, заставляли снимать штанишки, обмеряли головы. Выбирали старших детей (начиная с 12 лет) и увозили (отправляли в Германию). Однажды, на рождество 1942 г., в сопровождении

офицеров высокого чина и охраны наш приют посетил сам гаулейтер Беларуси Вильгельм Кубе с прессой, проводили съёмки. Гаулейтер сидел на стуле, и каждый ребенок должен был подойти к нему и, получив от него подарок, сделать приседание и поклониться (так нам было велено заранее). Когда же подошла моя очередь, он что-то спросил, очевидно обо мне и, потрепав по подбородку, произнес: «О, шварц киндер!».

Чтобы меньше было посещений немцев, на входе часто висело предостерегающая надпись: «В доме тиф».

После войны, будучи взрослым, я несколько раз бывал у Веры Леонардовны в гостях, вспоминали это жуткое время, она много рассказывала. Встречался также и с некоторыми бывшими детдомовцами на квартире семьи Барановых (Владимира Степановича и его жены Веры Степановны) проживавших тогда по улице Будённого 15, кв. 30.

После освобождения Минска от фашистов в 1944 г. меня нашла офицер НКВД капитан Гульбинская Анна Леонидовна, специально откомандированная на поиски и возвращение детей коминтерновцев (нас было 21). Своего сына Ван Ли-Измайлова она так и не нашла. 29 августа 1944 г. Анна Леонидовна с несколькими найденными детьми выехала поездом в Москву. В Москве по распоряжению Председателя ЦК МОПР СССР Шаронова Николая Ивановича я был направлен в Ивановский Интернациональный детский дом ЦК МОПР СССР, так как моя мама умерла в Москве в 1943 г. Детский дом для меня стал родным домом, где у меня появилось много друзей. Летом 2013 г. в России широко отметили 80-летие первого Интернационального детского дома им. Е.Д. Стасовой. Там я вновь повстречался со своими друзьями после долгих лет.

Моя мама, Комогорова Мария Ивановна, 1914 г. рождения, уроженка села Романовка Перемышльского района Калужской области, работала в Москве на кондитерской фабрике «Красный Октябрь». Мой отец, гражданин США – Уэллс Роберт, приехал в СССР в 1930 г. на 5-ый съезд Профинтерна. Как и многие другие приехавшие коммунисты, представители из разных стран, учился в Комуниверситете Трудящихся Востока им. Сталина. О судьбе отца до настоящего времени мне ничего неизвестно (информация закрыта).

В 1989 году я побывал в Болгарии по приглашению болгарских кинематографистов Дианы Димих и Станко Михайлова. Они снимали документальный фильм о детях войны из Международного интернационального пионерского лагеря, о трагедии белорусского «Артека». К сожалению, я не видел этого фильма .

В 2010 году ко мне из Киева приезжала съёмочная группа. Они сняли фильм по воспоминаниям коминтерновских детей, ныне живущих. Фильм документальный, называется «Чужие дети», он есть в интернете. В начале 2014 года фильм показывали по телевидению на канале НТВ.

Из детей, приехавших со мной в пионерский лагерь в пос. Новоельня в 1941 году, в Ивановский Интердом вернулись немногие – Полет Глюкозио, Юрий Головин, Володя Марсин, Мира Реняк, Чи Ин (Тина Острова).

В 1972 году я был в Праге, виделся с Мирой Реняк, а в 1989 году гостил в Болгарии у Полетт Глюкозио. Знаю, что Владлен Бадриан живёт в Австрии, но с ним мне не удалось встретиться.

Исходя из вышеизложенного, прошу Вас помочь мне найти документы, подтверждающие моё пребывание в местах принудительного содержания в период с 22 июня 1941 г. по август 1944 г. на территории Беларуси, оккупированной фашистской Германией. Документы и справки нужны для представления в Пенсионный Фонд РФ для подтверждения статуса бывшего несовершеннолетнего узника гетто и мест принудительного содержания, созданных фашистами и их союзниками в период Второй мировой войны.

С уважением, Комогоров Джим Робертович